ISSN 0131—0097

НОЯБРЬ № 48 1991

THE WEEKLY MAGAZINE

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

КОНЧЕН БАЛ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 48 (3358)

23 — 30 ноября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Ирина Харламова — победитель конкурса «Супермодель СССР-92». (См. в номере материал «Когда мы были моделя́ми!».)

Фото Владимира МАШАТИНА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.

Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 31.10.91. Подписано к печати 19.11.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 1057. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Типография издательства «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЗА ПРЕДАННОСТЬ — ПРЕДАНЫ?

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Георгий РОЖНОВ

Прошлой зимой, а потом весной, летом, когда в Литве и Латвии гуляли, круша все окрест, тамошние ОМОНы, не гнев меня более всего мучил, не печаль — беспомощность. Ну, еще одну сердитую статью напечатаем, еще один митинг проведем, еще один пикет выставим, а толку? Все так же мелькают на телеэкранах черные береты: то в Вильнюсе захватывают телебашню, то в Риге штурмуют МВД, то громят таможни, то просто по людям из автоматов чешут. Хоть бери да и вытаскивай из шкафа свою офицерскую форму, напяливай ее на себя вместе с тельняшкой и краповым беретом ВВ и являйся в таком свойском для них облачении либо к майору Млыннику в Ригу, либо к майору Макутыновичу в Вильнюс: вы что, мужики? И впрямь не разумеете, какому неправому делу служите? Неужто не разберетесь, где право, где лево? Отчего мозги набекрень?

Сейчас самому смешно и горько от этой шальной и пацаньей мысли — ну что мы так люто бросались тогда на всех этих

сержантов, старлеев да двух майоров — эти ОМОНы что, сами по себе воевали? Суверенно и независимо?

А теперь посмотрим, к чему привела наша милая привычка искать виноватых в стрелочниках — как-то краешком, мимоходом после августовских событий скользнула в газетах информация: вильнюсский ОМОН разогнан, а рижский перебрался в Тюмень. С оружием, женами и детьми, с домашним скарбом даже. В одной газете такой заголовок по этому поводу: «Поздняя осень. ОМОН улетел». Смешно?

Уверен, что начальство в МВД СССР и РСФСР, провернувшее эту эвакуацию, записало ее себе в актив — смотрите, как мило удалось договориться с латышами! А если бы засели за переговоры с их занудливыми дебатами о движимом и недвижимом имуществе, компенсации за нанесенный ущерб, сроках и порядке вывода? А если не вывода, а расформирования? А если, упаси Бог, зайдет разговор о правовой оценке действий ОМОНа и уголовном преследовании? Вот думаю: что, московские генералы решили пожалеть черные береты? Уберечь их от тюрьмы и от сумы? Да нет же, не будем наивными, чуть позже один только факт камня на камне не оставит от этого предположения. Если вообразить, что против бойцов ОМОНа было бы возбуждено уголовное дело и принято к производству, неизвестно, в каком качестве пришлось бы приглашать на допросы их непосредственных и прямых командиров: как свидетелей или как обвиняемых? Тогда, не сомневаюсь, повестки прокуратуры Латвии вручили бы бывшему командующему внутренними войсками МВД СССР генерал-полковнику Шаталину, бывшему куратору этих войск и бывшему первому заместителю министра

внутренних дел СССР генерал-полковнику Громову и бывшему координатору балтийских ОМОНов полковнику Гончарову.

Но Бог с ними, бывшими. А если латыши проявят интерес к начальнику Главного управления охраны общественного порядка МВД СССР генерал-майору милиции Калачеву, который сохранил свою должность и после августовских потрясений?

Имена трех генералов и одного полковника я взял не с панталыку, не наугад — еще в прошлом году оба балтийских ОМОНа были абсолютно неправомерно подчинены командованию внутренних войск, а затем, нынешним летом, еще и Главному управлению охраны общественного порядка. Именно эти два главка тогдашнего МВД руководили и вильнюсским, и рижским ОМОНами — платили деньги, снабжали оружием и боеприпасами, техникой, ставили, как принято там выражаться, боевые задачи. Так что если хорошенько покопаться в их совсем еще свежих бумагах, можно без особых трудов узнать, к примеру, когда и кем из Москвы был отдан, а майором Млынником выполнен

приказ о штурме МВД Латвии и как о выполнении его было доложено. И если бы было доказано, что кто-то из черных беретов убил двух операторов группы Подниекса — ужели никто из московских наставников не разделил бы вину исполнителей?

Чтобы такие вопросы не возникали, сотню с лишним бойцов ОМОНа выдворили из Риги: вещи в самолеты — и до свидания. Эта выставленная напоказ простота решения всей уймы проблем в те сентябрьские дни не столько меня удивила, сколько встревожила. Почти год маемся загадками, задаем сотни вопросов — и все без ответа? Когда последний самолет с ОМОНом взмыл в воздух — у латышей в тот же миг отлегло от сердца? И никто уже не будет взывать если не к отмщению, то хотя бы к расследованию сокрытой ранее тайны?

Вопросы вполне логичные, правда? Тем более что не успел рижский ОМОН обосноваться в Тюмени, не успел как следует заняться тем, чем и должен был заниматься,— взять за глотку обалдевшую только из-за его появления уголовщину, как вот он, ответ на мои опасения: в начале октября полицейские Латвии арестовали на территории России, в Сургуте, офицера ОМОНа старшего лейтенанта Сергея Парфенова. Известие об этом не расслышал разве что глухой, «Известия» опубликовали тюремные записки узника. Кто их читал, не покраснел от стыда? За Генерального прокурора России, допустившего неправомочные действия коллег из Латвии против гражданина СССР. За министра внутренних дел России, позволившего полиции соседнего государства вторгнуться в пределы РСФСР и депортировать за рубеж подчиненного ему офицера. За работников милиции Тюмени, Сургута, Москвы, исполнявших при этом роль подручных. Да, Генеральный прокурор СССР Трубин в своем недавнем заявлении дал юридическую оценку случившегося, он рассматривает арест и вывоз Парфенова как грубое нарушение суверенитета СССР и РСФСР, конституционных прав их граждан. Но в заявлении нет ни слова хотя бы осуждения в адрес работников правоохранительных органов, которые способствовали и нарушению суверенитета страны, и попранию прав человека.

Грешно и дурно напоминать о добрых делах, которые когда-то сделал для друзей. И все же

требовать такого вердикта в отношении омоновцев? Разумеется, я не веду здесь речи о тех случаях, когда исполнение приказов или собственная инициатива милиционеров становились обычными уголовными преступлениями.

...Автор этих снимков искал недавних рижан в Тюмени, Сургуте, Ноябрьске. Находил, а они исчезали — с журналистами омоновцы встречаться не желают, от «Огонька» шарахаются. Поэтому эти фотографии — первые. Счастливых лиц мы здесь не увидим — не до веселья. Почти все считают Латвию своей родиной, после рижских улочек с трудом

решусь. Все последние годы мы в «Огоньке» были вместе с людьми Балтии. И, как известно, не мы одни. Вот почему еще мы вправе рассчитывать на ответное уважение правительств трех независимых стран к российскому суверенитету, к российской национальной гордости. Арест, депортация и заточение в рижскую тюрьму нашего соотечественника — оскорбление не только российских, но и латышских демократов, которым отвратительны любое нарушение закона, любой произвол. Если это не только высокие слова и прекраснодушные помыслы — подтвердить их можно очень просто: вернуть Парфенова в Россию и попросить установить его вину в правовом порядке. Извиниться при этом тоже, конечно, было бы неплохо.

Есть, впрочем, в деле Парфенова еще одна странность, о которой не забыть бы. Почему так быстро справились со своей миссией полицейские Латвии, мы уже знаем — российские власти помогли им. Мне любопытно: в Риге это никого не насторожило? Не появилось вполне естественное в таком случае предположение, что Москва потому так легко расстается с каким-то там старлеем, что намерена оградить от подобной участи более высоких чинов? Неужели кто-то еще сомневается в том, что ОМОНы Риги и Вильнюса были ударными отрядами в политических играх тех властных коммунистических структур, которые именно в Прибалтике провели разминку перед августовским путчем? Вот почему было бы понятным, если в будущем расследовании внимание было бы привлечено прежде всего к этому аспекту, а уж потом к поискам виноватых среди сержантов и старлеев.

Мне хотелось бы верить и в то, что здравомыслящим людям не придет в голову считать составом преступления уже одну только службу в ОМОНе. Между тем одна уважаемая газета, рассуждая о том же, делает прямо противоположный вывод: «Бойцы ОМОНа сознательно встали на службу силам беззакония и произвола и должны отвечать за свои действия». Во-первых, большинство парней пришли в отряд тогда, когда он еще подчинялся МВД Латвии и в основном гонялся за контрабандистами и рэкетирами. Во-вторых, если под силами беззакония и произвола понимать МВД СССР, под начало которого потом попал ОМОН, то неплохо бы сначала доказать, что это министерство таковыми силами является или являлось. Не забудем при этом, что Прокуратура Латвийской ССР, состоя на содержании Москвы, каждый рейд рижского ОМОНа освящала ссылками на законы, вдалбливая это в головы черным беретам. Если руководство ни бывшего МВД, ни бывшей Прокуратуры Латвийской ССР не осуждено в судебном порядке — можем ли мы

привыкают к дощатым мостовым и болотным тропам. У многих семьи расколоты — сам здесь, жена с детьми в Риге. У всех на душе одно — обида. Та власть, которой служили преданно, их предала. Не поймут, как себя называть: беженцами? Эмигрантами? Изгоями?.. На работу, которую зовут боевой, ходят истово, бесшабашно, лезут в те углы, куда местная милиция и носа не сует. Ими довольны: профессионалы. Будем и мы думать о них так же.

ОТ РЕДАКЦИИ. Как нам стало известно, содержащийся в СИЗО № 1 города Риги Сергей Парфенов отказался от услуг официально назначенного ему адвоката и лишен возможности юридической защиты. В связи с этим редакция журнала «Огонек» просит квалифицированного адвоката принять на себя защиту законных интересов нашего соотечественника, особенно в период предварительного следствия. Все расходы по защите гражданина СССР Сергея Парфенова редакция берет на себя, поскольку семья офицера такими средствами не располагает.

Б. Н. Ельцин по-прежнему не имеет равных себе политиков и пользуется стабильной поддержкой. Он четвертый раз занимает верхнюю строчку в списке наиболее влиятельных людей. Учитывая, что он уже был представлен в этой рубрике, что позиция второго в списке — З. К. Гамсахурдиа — также была достаточно отражена на страницах «Огонька», а Г. А. Явлинский не так давно оказался на первом месте и выступил со своей статьей, мы даем слово человеку, чье имя стоит в следующей строке рейтинга популярности. Это И. С. Силаев. Это тем более оправдано, что к нам приходит много писем с просьбой рассказать, что такое Межгосударственный экономический комитет и в чем его задачи.

НА ПЕРВОЙ СТРОЧКЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

Итоги октябрьского опроса Службы изучения общественного мнения (руководитель — профессор Б. А. Грушин)

1. ПРОЦЕДУРА ОПРОСА*

Опрос проводился по телефону с 15 по 25 октября. Из 750 предусмотренных выборкой лидеров общественного мнения, принимающих активное участие в формировании и выражении взглядов населения нашей страны, было опрошено 709.

2. РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

Ответы на первый вопрос — «Кто именно из названных людей привлек к себе наибольшее внимание населения?» (в % к общему числу опрошенных, по мере убывания величин):

1.	Ельцин Б. Н.	— 27
2.	Гамсахурдия З. К.	— 18
3.	Явлинский Г. А.	— 10
4—7.	Силаев И. С.	— 6
4—7.	Назарбаев Н. А.	— 6
4—7.	Попов Г. Х.	— 6
4—7.	Руцкой А. В.	— 6
8.	Бурбулис Г. Э.	— 5
9.	Горбачев М. С.	— 4
10.	Собчак А. А.	— 2
	Другие ответы	— 2
	Затруднились ответить	— 7
	Отказались отвечать	— 1

Б. Н. Ельцин остается несомненным фаворитом населения страны не только по мнению всех опрошенных в целом, но и по оценкам респондентов, принадлежащих к большинству выделенных групп. Иного мнения, однако, придерживаются депутаты Моссовета и райсоветов Москвы, активисты союзных партий и общественных организаций, а также журналисты, деятели культуры.

Среди депутатов столицы лишь 7% считают, Б. Н. Ельцин более других перечисленных в списке лиц привлек к себе внимание населения, тогда как 21% отдал предпочтение Г. А. Явлинскому, 19% — З. К. Гамсахурдиа, 11% — А. В. Руцкому и 9% — Г. Х. Попову. По оценкам представителей союзных партий и деятелей культуры, Б. Н. Ельцин — второй по популярности после З. К. Гамсахурдиа (соответствующие цифры: 19 и 26% — для первых, 16 и 26% — для вторых).

Ответы респондентов на вопрос: «Как, по-вашему, сказались минувшие события на авторитете Б. Н. Ельцина (З. К. Гамсахурдиа, Г. А. Явлинского)?» (в % к числу отвечавших на вопрос):

	Б. Н. Ельцин	З. К. Гамсахурдиа	Г. А. Явлинский
Отвечали на вопрос	191	129	73
безусловно положительно	16	2	19
скорее положительно	23	8	40
нейтрально	34	3	21
скорее отрицательно	24	46	16
безусловно отрицательно	3	40	3
затруднились ответить	—	1	1

Популярность Б. Н. Ельцина, как показывают результаты опроса, связана в большей степени с положительной оценкой его деятельности (39%), чем с неприятием ее (27%). Однако обратим внимание на то, что по сравнению с предшествующими опросами, в которых Президент РСФСР также назывался человеком месяца, доля отметивших рост его авторитета несколько уменьшилась (февраль — 45%, апрель — 61%, май — 48%). Естественно, увеличилась доля респондентов, констатирующих понижение авторитета лидера России (если в феврале их было 35%, в апреле — 16, в мае — 14, то в октябре — 27%).

Подобные колебания общественного мнения неудивительны в принципе, но особенно если учесть, что популярный государственный деятель совершил в достаточно короткий срок «переход» от оппозиции к реальной власти, а это, безусловно, ужесточило критерии оценок его действий.

ПРЕСС-СЛУЖБА VP

* Более подробно с процедурой опроса можно ознакомиться в №№ 8 и 12 журнала за текущий год.

С председателем Межгосударственного экономического комитета Иваном СИЛАЕВЫМ беседует обозреватель «Огонька» Леонид ПЛЕШАКОВ.

— Прежде всего, Иван Степанович, хочу поздравить вас с назначением на высокий пост. Хотя, честно скажу, мне хочется вам и посочувствовать...

— Почему?

— Уж очень «горячее» место вам досталось. Да еще в то время, когда с экономикой, вернее с управлением ею, творится такая, мягко говоря, неразбериха. С Союзным договором — там хотя бы все ясно: суверенные республики-государства всегда опасались, что он станет ловушкой.

Договор же об Экономическом сообществе — совсем другое. Чего, кажется, выжидать, топтаться в нерешительности? И наши, и зарубежные специалисты утверждают: вместе из кризиса выбраться все-таки можно, если поодиночке — многих ждет крах. И тем не менее ждут, на что-то надеются. В Алма-Ате парафировали Договор десять участников. По дороге в Москву, где состоялось подписание, из общей корзины выпали два участника. А те, что подписали и тем самым взяли на себя определенные обязательства, по-прежнему ведут себя несколько странно. То начинают толковать об установлении таможенного контроля на своих границах, что противоречит договоренности о едином экономическом пространстве. То придумывают меры, направленные на защиту своих интересов, но в ущерб другим сторонам, что тоже запрещено Договором. Борис Николаевич Ельцин высказал намерение трансформировать Госбанк СССР в Госбанк РСФСР. Правда, через день от этого отказался. Просто с ума сойти можно.

Вам понятно, что происходит?

— Если откровенно, то не очень...

Порой мне кажется, что наше общество может стать жертвой своей серости, бескультурья, затрудняюсь даже как сказать. Есть определение «дикий Запад». Не особенно представляю, что это такое, но чувствую, что к нам оно подходит. С той только разницей, что мы не Запад, а Восток. А «дикий» — это точно. Лишний раз убедился во время встречи руководителей республик с представителями европейской «семерки» в Москве в конце октября. Приехали известные финансисты, чтобы разобраться на месте, что тут и как, встретиться и послушать представителей республик. И что же получилось? Каждый, естественно, заявлял о суверенитете, о намерении работать и действовать самостоятельно и так далее... Европейские гости быстренько спустили их на грешную землю. Но при этом проявили такт, терпеливость, способность выслушать чужое мнение. И все это на фоне нашей привычки слышать себя, и только!

— Почему это происходит?

— Мы не умеем выполнять принятые обязательства, договоренности, особенно если они нас не очень устраивают. Вот сегодня еще раз прочел Договор о Европейском сообществе. Там прямо сказано, что в определенных случаях государства отказываются (добровольно!) от каких-то своих прав в интересах всего сообщества. Ибо сознают: так им более выгодно. Мы еще не пришли к такому пониманию.

— Это идет от некоего экономического недопонимания или верх берут политические амбиции?

— Думаю, имеет место и то, и другое. Объективно говоря, мы все экономически безграмотны.

— Вы и себя имеете в виду?

— И себя, естественно. Так исторически сложилось, что мы воспитывались как «технари». Можем хорошо разобраться в машине, в конструкции, способны в этом смысле даже мир удивить. Но насколько же мы оказываемся беспомощными в экономическом плане. Убеждался не раз. Однажды я вел переговоры с господином Шпетом, премьер-министром земли Баден-Вюртемберг. За обедом зашла речь об экономической оценке какой-то интересной идеи, нужно было что-то прикинуть, он взял бумажную салфетку, фломастер и через полминуты положил передо мной результат.

Понимаете? Государственный деятель высокого ранга, ему вроде бы и необязательно на память знать какие-то цифры, экономические выкладки, на то есть референты (так было бы у нас), но там, в ФРГ, каждый уважает экономику и легко разбирается в довольно сложных вещах. Теоретически-то и мы кое-что знаем в экономике, но практически применять знания не приучены. Мы живем в иной среде. Нет опыта, отсутствуют условия, структуры, на которые можно было бы опираться.

Сейчас много говорят о приватизации, частной собственности. А дело двигается очень тяжело. И не потому, что где-то сидят злодеи, которые все тормозят (хотя, конечно, препятствия порой идут и от чиновников, ибо они тоже там выросли, где и все мы), но главное — просто мы толком не знаем, что это такое — «рынок», «частная собственность». У нас нет среды, где можно было бы внедрить новые идеи, и свои собственные, и позаимствованные на Западе. Как говорится, бросить семя, чтобы пошли всходы. И это очень серьезный барьер, наша беда — незнание предмета.

Но я с вами согласен, политические амбиции тоже имеют место. Примеры вы знаете не хуже меня.

Так что выход из экономической ситуации осложняется разными факторами. В Договоре об Экономическом сообществе много положений, на которые совсем недавно мы не могли бы осмелиться. Допустим, статья девятая провозглашает: «Государства — члены Экономического сообщества признают, что основой подъема экономики являются частная собственность, свобода предпринимательства и конкуренция...» Потрясающая запись. Полгода назад она была немыслима. Полгода назад сказали бы: «К стенке его, он зовет нас к капитализму!»

— Некоторые, думаю, и сегодня поставили бы к стенке — не отрекайся, мол, от принципов...

— Согласен, некоторые бы поставили и сейчас, но ситуация в стране изменилась коренным образом. Послушайте дальше: «...Они создают условия, способствующие деловой активности, и законодательно ограничивают вмешательство государства в хозяйственную деятельность предприятия». Тут президентам, Верховным Советам республик и правительствам колоссальное поле деятельности: новыми законами, указами, постановлениями обеспечить исполнение этого положения, а не делить между собой славу.

Или вот: «Стремясь к формированию объединенного рынка, государства — члены Экономического сообщества признают недопустимость ограничений на движение товаров и услуг, обязуются в течение согласованного периода устранить их...» Имеются в виду те, которые есть.

— А некоторые подписанты говорят о создании новых таможен...

— Во всем мире банки, эти могучие органы стабилизации финансов и поддержки валюты, никому не подчиняются. У нас же заявляют, что каждая суверенная страна будет иметь свой банк и действовать по своим банковским законам.

Многое идет от нашего общего неуважения к собственным обязательствам,

А ВРЕМЕНИ УЖЕ НЕТ

от уровня нашей культуры, дисциплины.

В этом смысле поучительной, надеюсь, стала встреча с «семеркой». Вот мы все думаем, как бы нам еще какие-либо дни объявить выходными, и эта волна не спадает. А «семерка» приехала поздно вечером в субботу и все воскресенье работала. Казалось, зачем им-то в выходной день работать? Но они настолько деловые люди, что расписан каждый час, каждая минута, они не могут себе позволить даже в воскресенье отдохнуть. И встреча с ними стала просто ликбезом. По поведению, по стремлению договориться, по культуре обращения с партнерами...

— У них терпения хватило на такой ликбез?

— И выдержки, и терпения. Все-таки мы им должны, а не они нам. И должны много — около семидесяти миллиардов долларов. Они привезли меморандум (довольно толково составленный документ), где говорилось, как республики будут погашать долг бывшего СССР.

— И что республики?

— Вокруг этого меморандума «творчески работали» двое суток. Развели такую кислоту...

— Наверное, повергли «семерку» в шок?

— Думаю, да. Они и раньше встречали и не таких азиатов, как мы. В силу своей воспитанности вида не подали, но определенное мнение о нас, наверное, сложилось. Они, между прочим, собирались улететь в понедельник в двенадцать дня. Но переговоры затянулись. А для них дело — главное. И продолжили работу. Я ушел в половине одиннадцатого вечера, а они еще продолжали согласование документа. В тот понедельник они даже не обедали. Некогда.

Не буду говорить об именах, но мне стоило больших трудов удержать двух наших товарищей из республик остаться, не улетать, не завершив переговоров. Они знай толкуют: «У нас билеты на самолет!»

Представляете, долг в семьдесят миллиардов подождет — главное, билет на самолет не пропал бы.

Я вовсе не призываю ходить перед кредиторами на полусогнутых, но уважение какое-то все-таки надо иметь...

— Тем более что намереваемся продолжать с ними деловые контакты и даже надеемся получать помощь.

— Вот я и говорю... Эта встреча была очень поучительным уроком того, как вести переговоры, как проявлять такт, терпение, уважение к партнеру, способность не реагировать на какие-то раздражители. Был, например, такой момент: один наш товарищ вскочил и ушел. Ему показалось в меморандуме что-то обидным. Вспылил. Потом где-то походил, видимо, одумался, вернулся в зал прямо в плаще, сел за стол и подписал документ. В плаще же.

Конечно, это пройдет. Научимся всему. Обидно только, что уходит время.

— Иван Степанович, вот все говорят, что мы должны загранице около семидесяти миллиардов долларов, но прошла информация, что и нам самим вроде бы должны около девяноста миллиардов...

— Если сюда прибавить и страны бывшего СЭВа и еще кое-что, то наберется и все сто двадцать. Но, к сожалению, наши должники — слишком слабые партнеры и со своими долгами тянут не потому, что не хотят платить, а потому что мы давали кредиты тем, кто (заранее было известно) не в состоянии рассчитаться.

— Но ведь существует мировой рынок долговых обязательств, где можно, хотя и не полностью, что-то выручить...

— Это могло бы стать одним из вариантов. Есть так называемый Парижский клуб, который таким делом занимается, там действительно пусть не все, но что-то получить можно. Однако сейчас в мире есть и другие методы возврата. Если та или иная страна не может расплатиться деньгами, то рассчитывается своими ресурсами либо льготными условиями для размещения капитала кредитора. Вот за счет этого размещения производства и в дальнейшем вывоза получаемой продукции погашается долг. Эта форма более цивилизованная и позволяет вернуть долг полностью. Правда, разнесенным по времени. Недавно Украина представила на сей счет очень интересные предложения: хочет попробовать этот метод в двух бедных странах, которые нам задолжали полтора миллиарда. Я поддержал украинцев, надо все-таки с чего-то начинать.

Фото Александра НАТРУСКИНА

— Но вернемся к делам с Экономическим сообществом.

Те республики, что не подписали Договор или тянут с подписанием, неужели не понимают, что иного пути, чем идти вместе, просто нет?

— Нужно время, чтобы прочувствовать это до конца.

— ...Неужели не ясно, что на Западе ничего из производимого ими не нужно? А не продав, они ничего и купить там не смогут. Развиваться же в замкнутом пространстве тоже не смогут: не те ресурсы. Взять ту же Прибалтику...

— Прибалты много поставляли в Россию, получая взамен ее товары. Они сейчас готовы не только не порывать с нею прежних связей, но даже и увеличить свои поставки. Более того, прибалты согласны на инвестиции в добывающие отрасли России (тюменскую нефть, например) с условием, что им будет гарантирована поставка какой-то части добытого. И в развитии железнодорожного транспорта они согласны участвовать своим капиталом. Они стали на путь самостоятельности примерно на полгода раньше других республик и кое-что уже поняли. Ведут себя более рыночно и ответственно по отношению к своим обязательствам.

— Цены. Сейчас много говорится, что они не очень справедливы по отношению к сырьевым регионам, особенно к России. Насколько помню, вы и сами говорили о том же, когда были премьером РСФСР. Если сравнивать с ценами мирового рынка, то за то же самое сырье Россия могла бы купить на мировом рынке гораздо больше нужных ей товаров.

— Тут не все так просто, как кажется. Такие искаженные цены были всегда. Сейчас с ними разобрались, постепенно начинаем вводить новые. Вот с Молдовой, еще когда я был премьером России, мы подписали договор, что будем торговать в 1992 году по мировым ценам. Конечно, расчеты будут вестись по клирингу, но цены — мировые. Мы и с Казахстаном договорились о таких же расчетах.

Переходить на мировые цены нужно. И надо в течение трех-четырех лет всем республикам попарно разобраться со всем этим. Разработать программы выведения на какой-то уровень взаимного сбалансированного обмена и постепенно приступать к выполнению этих программ.

— А если сразу?

— Это невозможно.

— Почему?

— Ну, положим, Россия поставляет нефть в Белоруссию. Переходим на мировые цены, а у белорусов валюты нет.

— Не нужна валюта: цены мировые, а расчет по клирингу.

— Попробуйте под этот клиринг цены сбалансировать. Ведь к нынешнему соотношению цен страна шла целые десятилетия. Под них складывалась структура производства огромной державы, республик. Да, система эта оказалась порочной, затратной, прямо скажем, идиотской. Но она существует. Плохо, но работает. Начни ее сейчас разрушать, резко ломать, даже с самыми благими намерениями — всех нас ждет катастрофа. Будут гигантские ножницы задолженности.

И потом, по нашим новым рыночным отношениям деньги за продукцию должны получать ее производители, а не государство, как раньше. Поэтому предприятию важно получить деньги за свой товар. Если будут колоссальные ножницы, потребитель не сможет платить, и предприятие-изготовитель ничего не получит.

— Оно может у государства получить.

— А где государство возьмет, если все на рынок переходят?

Клиринг — это бухгалтерия, а предприятию, поставившему, допустим, нефть, нужны деньги, чтобы расплатиться с работниками, закупить оборудование и так далее.

К чему я все это веду? Резкий переход невозможен. При плавном, когда партнеры знают, что, допустим, в 1995 году цены будут такие-то, они смогут что-то предпринять за оставшееся время. Станут, допустим, менять структуру своего хозяйства, сворачивать одни виды производства, развивать другие. Начнут думать, как бы уменьшить, скажем, потребление нефти или угля, металла, леса и так далее. Вот тогда-то и начнется нормальная экономика.

Но переход к ней должен быть разнесен по времени. Провести его мгновен-

но — это разорение партнеров. России это не выгодно.

— Какую роль станет играть в этих, прямо скажем, непростых условиях возглавляемый вами комитет? Его задачи? Права? Структура? Какие функции унаследует он от прежнего правительства? Короче, тот «жуткий Центр», которым в последний год-два всех пугали, сохранится или нет?

— Здесь опять-таки хочется провести аналогию с Европейским сообществом. Некоторые принципы организации и функционирования мы позаимствовали оттуда, имея в виду, что это не будет механизм, стоящий над республиками, повелевающий ими, обязывающий их. А, напротив, орган, взаимодействующий с республиками, координирующий их усилия по важнейшим направлениям, помогающий им в реализации экономических реформ.

— Другими словами, государства действуют самостоятельно, а ваш комитет только координирует их деятельность, исходя из общих интересов. Непонятно, почему сейчас снова раздаются голоса, будто ваш комитет — это, по сути, прежний ненавистный Центр, только под новым обличьем. И вас, Иван Степанович, обвиняют в том, что вы как бы стремитесь присвоить себе функции прежних премьеров союзного правительства.

— Можно только сожалеть, что некоторые ретивые политики, в том числе и в России, настолько уже всех запугали Центром, что по инерции и сейчас продолжают утверждать, что в Москве организовывается вновь что-то подобное. Это в принципе понятно: привыкли к борьбе, привыкли видеть перед собой врага, с которым надо бороться беспощадно. Не заметили только, что его уже нет. Хорошо, что Борис Николаевич придерживается иной позиции, он четко определил: то, что является предметом взаимодействия между суверенными государствами,— эти функции должен исполнять МЭК. Все остальное — прерогатива суверенных республик.

Я думаю, что практическая работа комитета поставит все на свои места. Было бы странно мне, потратившему год на изнурительную борьбу с Центром, воспроизводить теперь все, с чем я все эти месяцы боролся.

— Непонятно и другое: Россия столько боролась с Центром, а теперь, когда вырвалась из-под его ига, сама вдруг стала «тянуть одеяло на себя». Сознательно или подсознательно начинает повторять какие-то действия, характерные для бывшего Центра.

— Видите ли, тут надо разделить официальную позицию Президента России и некоторых политизированных деятелей из его окружения, которые, мне кажется, ставят свои персональные цели. Главное в этой ситуации должно быть одно: Борис Николаевич Ельцин подписал Договор одним из первых. Он внес серьезные поправки и уточнения в те статьи, которые касаются институтов нашего сообщества, в том числе нашего комитета.

— Как быть с теми, кто не подписал Договора?

— Можно, конечно, сожалеть, что они не хотят воспользоваться выгодами интеграции в открывающихся рыночных условиях. Но это их дело. Наша задача — помочь членам сообщества. Думаю, со временем, решив свои политические вопросы, обдумав все, к нам присоединятся остальные. Наверное, по аналогии с ЕС надо выработать определенные условия. Тем, кто не вошел в сообщество вначале, входить в дальнейшем должно быть труднее. В ЕС по нескольку лет добиваются членства.

— Хорошо, доверим рыночным отношениям решить вопрос, что кому более выгодно. Но встает вопрос о тех, кто подписал, но не особенно старается выполнять принятые обязательства. Против таких санкции есть?

— Будут. Их определит Арбитраж, который, как один из важнейших институтов Экономического сообщества, станет рассматривать все спорные вопросы, которые могут возникнуть.

— Есть еще одна закавыка, которая характерна для всей нашей прошлой хозяйственной системы, но с которой мы, хочешь не хочешь, войдем в рынок. Я говорю о монополизме, этой нашей беде, которую не вырвешь одним махом. Помните, когда в прошлом году Армения перестала поставлять сигаретные фильтры и фольгу табачным фабрикам, в иных местах дело дошло до табачных бунтов? А ведь у нас что ни завод, то в чем-то монополист. Сигаретные фильтры — в принципе чепуха, а сколько шума наделали. Ну а если продукцию откажется поставлять наш автозавод, или какой-то химический гигант, или бумажный комбинат? Где гарантия, что они не воспользуются своим монопольным положением?

— Рынок все поставит на свои места. Предприятиям невыгодно закрывать производство. Обычно монополизмом шантажируют какие-то политические круги. И если республика подписала Договор, то она обязана его выполнять.

— Без жестких санкций заставить будет трудно. Экономических санкций.

— Упущенная выгода — это тоже санкции... Ведь предприятие должно своих работников одевать, обувать, кормить, так что рыночные отношения заставят вертеться и договоры выполнять. Поэтому двусторонние связи уже в 1992 году будут действовать более эффективно, чем теперь: успеем получше подготовиться. Это во-первых. Во-вторых, минимальный госзаказ все-таки будет нужен. Для удовлетворения общегосударственных нужд: армия, транспорт, атомная энергетика. Их тоже надо поддерживать в интересах всех государств. Договорились, что у нас будет общее Министерство путей сообщения. Так что какой-то минимум межгосударственных образований и расходов закладывается, а все остальное будет отдано рыночным отношениям между предприятиями, предпринимателями, в том числе частными лицами.

— Представляю, как трудно будет врастать в эти непривычные для нас отношения. Уже сейчас многие предприятия воют от неимоверно высоких свободных цен.

— Это естественно. Представьте нынешнюю биржу. Туда попадают какие-то крохи. Где-то законно, где-то даже не законно. Естественно, из-за этого все страшно дорого. Но если у предприятий перестать забирать металл, лес, бумагу, машины по госзаказу и дать им возможность самим распоряжаться тем, что они произвели, тогда основная формула взаимодействия с партнером будет «спрос и предложение». «КамАЗ» сегодня на бирже идет за полмиллиона, потому что его где-то схватили, вытащили на аукцион и продают за деньги, которых он не стоит. Когда сам завод будет поставлять их на рынок, в том числе и на биржи, тогда, естественно, цены пойдут вниз. Как и на все остальное.

Трудно рассчитывать на биржи, если у предприятий все забирается. Государство под видом госзаказа выполняет посредническую, причем негативную роль. Забирает у металлургов металл, перераспределяет его машиностроителям. Какой же это госзаказ? Какой же здесь может быть рынок? Поэтому и тонна металла на бирже стоит бешеные деньги. Когда у предприятий все изымается, тогда они и требуют: «Дайте валюту, чтоб купить оборудование, дайте сырье. Дайте! Дайте!» Потому что все у них изъяли, а потом им же отдаем. Проще сразу все оставить. Пусть сами распоряжаются. Покупают там, где им выгодно, и продают там, где больше выручают. Или у себя в стране, или за рубежом.

Раньше мы старались все делать сами. Попытки все делать самим привели, можно сказать, нас к краху. Вся мировая экономика работает в условиях международного разделения труда. Вот Америка, развитая страна, а выпускает всего 25—30 тысяч колесных тракторов и сто тысяч ввозит. Это не значит, что они не могут сами все сделать. Просто им выгоднее ввезти из-за границы тракторы, а самим что-то продать из своей продукции, которая у них получается лучше и дешевле. То же самое по комбайнам и автомобилям. Они и сами выпускают много машин, но и в Японии закупают изрядное количество.

— Теперь что же, предприятия будут реализовывать всю свою продукцию самостоятельно или все-таки часть пойдет через МЭК?

— Через нас ничего идти не будет. Или предприятия будут сами реализовывать свою продукцию, или через свои республиканские структуры. МЭК только будет взаимодействовать с республиками, чтобы они через свои реформы все больше давали своим предприятиям самостоятельно распоряжаться и прибылью, и своей продукцией.

— Хочу вернуться в прошлое. Мы много потеряли, когда программа «500 дней» провалилась?

— Конечно, потеряли, потому что сегодня приходится делать многое, что было в ней записано, но в иной, значительно худшей обстановке. Тогда можно было выполнить все в той последовательности, которая была там запрограммирована: стабилизировать экономику и после этого пойти на либерализацию цен. Сейчас, наоборот, приходится идти на повышение цен при очень скудных резервах и продовольственных ресурсов, и товаров народного потребления, что, несомненно, болезненно скажется на благосостоянии народа. Поэтому отказ от программы был ошибкой.

— Опять экономика оказалась заложницей политики?

— Совершенно верно. Я отлично помню слова Николая Ивановича Рыжкова: «Я не буду своими руками разрушать Союз!»

— Но, несмотря ни на что, республики разбежались, и теперь уже под экономическим соглашением не пятнадцать — всего десять подписей, экономическое положение страны намного ухудшилось, а политическая нестабильность в отдельных регионах достигла критического уровня, и Межгосударственному экономическому комитету теперь предстоит выполнить воистину историческую миссию: начать собирать суверенные государства под одну экономическую крышу. При нынешнем правовом, политическом и экономическом беспределе — задача архисложная. Раньше объединение Руси потребовало века, а сейчас на такую же грандиозную задачу времени вообще не отпущено.

Приходится действовать по старой рекомендации Наполеона: «Давайте ввяжемся в сражение, а там видно будет...»

— Скажу больше: вот это невосприятие республиками новых структур, подозрительность, что нарождается новый Центр, еще нанесет свой ущерб. Мы могли бы сейчас уже закладывать новые институты исполнительной власти. Но не станем этого делать: наши шаги просто будут отвергнуты. Однако я не сомневаюсь, что республики придут сами к необходимости таких решений. Мы в этих случаях будем подключаться, расширять свои функции. В ЕС есть наднациональный исполнительный орган — Комиссия европейских сообществ (КЕС), которая в отличие от Совета, где представлены интересы отдельных государств-членов, исходит в своей деятельности из интересов развития Сообщества в целом.

Есть в этом одна любопытная деталь. Сейчас европейские страны ставят вопрос, чтобы дать КЕС дополнительные права, передать ей дополнительные функции, тем самым ограничив права и функции собственных правительств. И это им выгодно. Мы к такому пониманию еще не пришли, и наши суверенные республики с большой подозрительностью относятся и к МЭК (его функции аналогичны европейской КЕС), и уж тем более к расширению его полномочий. Центр! Кампания, которая велась в свое время против Центра, в принципе верная, обоснованная, не только сыграла свою положительную роль в разрушении старых структур и отношений, но, как бы это поточнее сказать...

— ...Сформировала сильную остаточную деформацию в умах...

— Пожалуй, так.

— Сколько народу работает в КЕС?

— В двадцати трех генеральных директоратах работает десять тысяч человек. Директораты — это оперативные службы, осуществляющие политику в какой-либо области деятельности: энергетики, экономики и финансов, внешних сношений и финансов, транспорта, сельского хозяйства и так далее.

— Это, скажем условно, как бы министерства общеевропейского масштаба...

— Примерно. Кроме того, КЕС подчиняются исследовательско-прикладные институты (три тысячи двести сотрудников) и обслуживающие подразделения (служба переводов, редакционно-издательская, юридическая службы, охрана — еще три тысячи сто человек).

—Огромный аппарат чиновников... Сколько работников будет в аппарате МЭКа?

— В его 12—15 департаментах со всеми обслуживающими службами и техническим персоналом будет работать тысячи полторы.

— Почему вы согласились принять этот пост? Славы — это всем ясно — не предвидится, неприятностей — пруд пруди.

— Думаю, что после четырнадцати месяцев работы в правительстве России, когда я многое познал и понял в этой разрушающейся, отживающей экономике прошлого, было бы неправильно не использовать этот опыт здесь, в Экономическом сообществе республик. Проложим первую борозду, начнем функционировать, а уж там появятся последователи, которые продолжат начатое, возможно, лучше нас.

— Вы в принципе оптимистично оцениваете ситуацию?

— Без оптимизма не стоило бы и ввязываться в это дело. Два месяца работал комитет по оперативному руководству народным хозяйством. В первые дни я видел, какие непримиримые, какие враждующие стороны сошлись на первых заседаниях. Они совершенно не воспринимали друг друга. Не слышали доводов оппонентов.

Но где-то после двух недель работы все убедились, что мы нормальные люди, что экономика превыше всего, выше всех наших политических амбиций. И если ею нормально заниматься, то политические вопросы наверняка отойдут в сторону.

Поэтому у меня есть основания рассчитывать, что часть членов нашего комитета представителей республик войдет в состав МЭКа и нам не надо будет начинать с нуля, у нас накоплен достаточный опыт, есть какие-то наработки. Мы уже друг друга хорошо понимаем. По-прежнему много споров. По-прежнему у нас разные взгляды, но в конечном счете удается принимать решения вместе...

■

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

Сейчас в печати обсуждается вопрос о компенсации бывшим узникам ГУЛАГа, реабилитированным и оставшимся в живых.

Возникает вопрос: где взять деньги в нашем бедном государстве?

Ответ есть.

Нас посадила партия, а у партии сейчас остались деньги немалые.

Партия сажала, пусть она и расплачивается.

А у государства денег брать не надо.

П. СТЕПАНОВ
Химки Московской обл.

Послушайте, давайте перестанем дичать и постараемся сохранить то хорошее, что нам оставила советская власть.

Я говорю о праздниках — октябрьском и майском.

Неужели мы не можем спокойно отпраздновать дату — очередную годовщину революции?

Этот праздник всегда был добрым, домашним.

К нему готовились, убирались, приглашали гостей и забывали об идеологической подоплеке, как только садились за стол.

Три праздника нам оставьте — осенний, весенний и зимний.

И не надо ни издевательств, ни пошлостей, которыми были забиты радио и телеэфир в минувшие ноябрьские дни.

Е. ГРИШИНА
Петрозаводск

Партийная газета «Правда» все сделала для того, чтобы демократия прочно встала на ноги.

Все те, кто читал «Правду», не могли не замечать и «Правдинские пятницы», и «Дискуссионные листки», я уж не говорю о разгроме, устроенном «Правдой» Нине Андреевой.

Поэтому лично я остаюсь с «Правдой».

Ю. ВАРАКСИН,
член КПСС с 1968 года
Москва

■

Я космополит.

Когда в разговоре с одним моим знакомым я сказал ему об этом, он резко ответил: «Значит, у тебя нет корней». Он был, конечно, не прав, корни никуда не делись, они останутся всегда. Я родился на земле, где жили мои предки, где будут жить мои правнуки.

Космополитизм — это мировоззрение. Это понимание того, что не существует плохих или хороших культур, религий, наций. Убежденность в том, что ты — часть человечества, что ты родился в первую очередь на планете Земля, а уж во вторую — в одном из государств мира. Границы между государствами человечество создало искусственно. Ведь были времена, когда люди прекрасно обходились без них.

И неверно, что космополитизм нивелирует чувство патриотизма, просто он объединяет человечество, низводит локальные ли, мировые войны до понятия абсурда.

Космополитами были многие известные всему миру люди: Чарли Чаплин, Эйнштейн, Сальвадор Дали...

Космополитизм — это воплощение в реальную жизнь таких понятий, как свобода, равенство, братство — слова, начертанные на знамени Французской революции 1789 года, хотя ни одна революция не приближала и не может приблизить человечество к идеалу этих понятий.

В. БАРАНОВ
Львов

■

Извините, что отрываю время, но мне очень хочется сказать теплые слова благодарности в адрес немецкой семьи, от которой в семью моего сына-инвалида пришла посылка. Я не указываю город в Германии и фамилию тех, кто собирал нам ее, моя материнская благодарность всем народам, пришедшим нам на помощь в трудное время. Слова благодарности лишними не бывают, они добром отзываются в других сердцах и помогают сохранить дружбу.

В той посылке среди разнообразных баночек и пакетиков с продуктами были и теплые вещи: свитерок и шерстяные колготки, перчатки и теплое мужское белье и даже из натуральной овчины стельки для обуви. А внучка радовалась красивой жестяной банке с печеньем, которую и сейчас хранит и держит в ней нитки для рукоделия.

Возможно, и не очень богата та семья в Германии, а вещи эти, совершенно новые, они собрали и подарили. Кроме того, положили очень красивые свечи!

Мой сын стал инвалидом в 12-летнем возрасте после тяжелой черепно-мозговой травмы. Сейчас ему 31 год. Пенсия маленькая, работать не может. Но он сильный духом, борется с недугом, любит дочь, учит играть на гитаре и в шахматы.

Мы с отцом пенсионеры, но нам уже мало надо, и мы стараемся помочь сыну, хотя 450 рублей на двоих — не роскошь. Раньше этих денег хватило бы на все, а теперь и на питание мало...

Дочь — врач, оклад 220 рублей, сынишке ее 3 года, и когда он садится за стол и просит: «Бабушка, дай мясо или сыр»,— у меня горят щеки, но я шучу и говорю ему, что ручки становятся сильными от вермишельки.

Сейчас с трудом выхожу на улицу и хожу по магазинам, молча стою в очередях. А дома вяжу внукам, перешиваю одежду, чтобы на обувь только собрать...

И ничего нет обидного и стыдного в том, что чужие люди шлют нам посылки. Они жалеют нас. А народ не виновен в том, что правители в борьбе за власть не успевают позаботиться обо всех.

Но ничего, живы будем, не помрем, как говорила моя бабушка, но умерла в блокаду.

Бог даст — увидим лучшую жизнь.

В. ХОРИШКО
С.-Петербург

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Эта подписная кампания была трудной не только для журналистов, но и для читателей. Ведь многим из вас приходилось делать выбор между тем или иным полюбившимся изданием, между духовной пищей и хлебом насущным...

Приветствуем тех, кто выбрал журнал «Огонек»! Его подписной тираж на 1992-й год составляет 1 миллион 500 тысяч экземпляров.

Благодарим давних друзей за верность нашему изданию, со своей стороны мы сделаем все возможное, чтобы новые читатели «Огонька» не разочаровались в своем выборе.

Итак, до встречи в новом году!

■

Не экономист я. Всю жизнь работал конструктором. Хочу только поделиться тем, что лично видел, чувствовал и пережил.

Жил я в Харькове и в гражданскую войну, и после нее до самой войны 41-го года.

В 1918 году во время оккупации немцами Харькова на Конной площади (сейчас там парк и рынок) были выставлены немецкие походные кухни и раздавалась бесплатно для всех голодающих еда. Мой старший брат принес полный котелок каши. Немцы вскоре ушли. Начали меняться власти.

Красные реквизировали все, что можно было, и начались голодные дни. В 1919 году пришли белые. Буквально за короткое время (спасибо частной торговле) появились все продукты, открылись пекарни, магазины, лавки. В продаже были калачи, французские булки, коржи, конфеты, мясо, молоко, одежда, обувь и т. д. Расцвели базары. Откуда взялось все это и почему?

Белые ушли, пришли опять красные, и начались голодные годы — до нэпа. Но задавили и нэп. У свободных торговцев все отобрали, их посадили и сослали.

Что было потом — всем известно. Кто же в конце концов топит и топит нашу экономику?

После войны в 45-м году, сразу после немецкой оккупации, пришлось мне быть короткое время в городе Виннице. Немцы разграбили и увезли с собой в Германию почти все. И вот в это время на базаре в Виннице шла бойкая торговля и были булки, мясо, молоко и другие продукты. Без всякой болтовни о рыночной экономике (до чего ж надоело это выражение!) народ сам решал, как действовать и кормить себя.

Л. ЕВГЕНИЧ
Северодонецк

■

Ваш журнал уделяет большое внимание еврейскому вопросу. Эмиграция, утечка мозгов. Что мы будем делать без еврейских мозгов? Мы, русские, как будем жить? Трагедия.

Не иначе русскому народу погибель будет, если все евреи уедут из России. До чего вы там дописались в «Огоньке»! Вот это и есть ваша главная тема. Есть еще темы, но они, какие для фона, какие, чтобы сбить с толку и увести русских от своих русских вопросов. Муссируете темы сталинизма, партократии. Все это отвлекающие маневры.

Нет у русского народа объединяющей и движущей силы — русской национальной интеллигенции. Цвет русской интеллигенции — это евреи. Русским не пробиться. В этом и заключается трагедия России. Русские разрозненны, утратили чувство локтя, между собой грызутся, топят друг друга, облегчая евреям задачу держаться на высоте.

Конечно, погромы — это ужасно. Но ужасно и то, что все жизненные сферы в руках у евреев. 74 года русский народ — без национального государства, без национального правительства. Нужна русскому народу своя пресса, освещающая свои русские вопросы.

В. СОКОЛОВ
Тюменская обл.

■

У киевлян большая радость — появился свой стриптиз. Можно теперь нормально отдохнуть после работы. Театр эротики и секса «Афродита», вернувшись из долгого турне, выдал новую программу. Надо признать, что актрисы раздеваются натурально и полностью, без обмана. Правда, не очень располагает к интиму зал на 1000 мест, тем не менее полный аншлаг.

Цена билетов свидетельствует, что поклониться прекрасному приходят отнюдь не беднейшие. Как говорится, каждому свое.

Правда, нашлись придирчивые критики и во всеуслышание заявили, что, мол, эротики достаточно, а вот секса маловато.

Сейчас «Афродита» взяла тайм-аут. Может, готовит новую программу с учетом пожеланий зрителей?

Т. СТРИЛЬЧИК
Киев

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Коллектив «Огонька» и редакционная коллегия лучшей публикацией октября этого года признали очерк Ильи Мильштейна «Его могут убить» (№ 43).

Мы поздравляем Илью Мильштейна с присуждением ему премии американской фирмы КОМПЬЮТРЭЙД ИНТЕРНЭШНЛ.

Александр НЕЖНЫЙ

ЕГО БЛАЖЕНСТВО БЕЗ МИТРЫ И ЖЕЗЛА

«Ложь есть источник и причина вечной смерти».
Епископ Игнатий (Брянчанинов)

1. Юный диакон. Свидание не состоялось. Домохозяйка.

Не без душевного трепета приступаю я к описанию жизни и деятельности Блаженнейшего митрополита Киевского и Галицкого, предстоятеля Украинской православной церкви Филарета (Михаила Антоновича Денисенко). Всякое нелицеприятное слово в адрес Его Блаженства может навлечь на меня разнообразные кары. Тем более что в последнее время у нас вообще распространилось исключительно хорошее, я бы даже сказал, несколько заискивающее отношение к архиереям, в которых мы простодушно согласились видеть полноценных носителей святости. И непочтительное обращение с епископом, да еще с митрополитом, да еще с постоянным членом Священного Синода — нет, я даже передать затрудняюсь, сколь ужасны могут быть последствия такого дерзкого поступка.

Совсем недавно диакон Всеволод Чаплин (рукоположенный, несмотря на свой довольно-таки нежный возраст, и уже имеющий в Отделе внешних церковных сношений, этом, так сказать, МИДе Московской патриархии, звучную должность: заведующий сектором общественных связей и политического анализа) в ответ на мою статью «Над бездной»* направил в «Огонек» письмо, составленное со сноровкой инструктора отдела агитации и пропаганды, то есть с преобладающим стремлением изобразить свою партию и ее больших и малых вождей в самом приятном виде, а их критиков — безответственными негодяями. В письме так много смешного невежества, грозных намеков и чиновной спесивости, что, читая его и одновременно вспоминая симпатичное, розовощекое лицо юного диакона, я горько поражался: где, когда успел он выучиться этой лживой многозначительности? этому псевдоцерковному тону? всем этим поистине мертвым словам? Он пугает, усердный юноша: всякая критика членов Священного Синода неминуемо толкнет церковь «в объятия правых движений». Он пугает, как говорил Лев Николаевич Толстой, а мне не страшно. Милый Всеволод! Диакону положено знать, что Церковь не может быть ни справа, ни слева, ибо она всегда с Христом Распятым. Что же до объятий — то, по словам псалмопевца, «Блажен муж, иже не иди на совет нечестивых...».

* «Огонек» № 37, 1991 г.

Однако я отвлекся. Теперь признаюсь, что, как ни мечтал я о встрече с Его Блаженством, как ни готовился к ней, ни свидания с ним, ни разговора не получилось. Я заходил в здание на Пушкинской, откуда митрополит Филарет управляет Украинской православной церковью,— здание хотя и новое, но, честно говоря, довольно мрачное и отчасти напоминающее дом предварительного заключения. Сам управделами, если не шуйца, то во всяком случае десница Его Блаженства, священник Борис Табачик (добрый человек! Он подарил мне прекрасную иконку Владимирской Божией Матери, трогательно написав на обратной ее стороне «С любовью» и удостоверив свою подпись церковной печатью) дал мне возможность прямо из приемной связаться с дачей митрополита. Женский голос мне ответил — резкий и властный. Назвавшись, я сказал, что у меня к владыке Филарету есть вопросы, и я хотел бы с ним встретиться. «Нам с вами,— отчеканила моя собеседница,— говорить не о чем!» «Простите,— сказал я,— кто это, не спросив митрополита, так уверенно мне отвечает? Уж не...» И тут я одно имя произнес, которое чуть позже непременно сообщу. «Домохозяйка!» — после кратчайшей заминки отрубил властный голос, и между нами все было кончено.

«Вот так, отец Борис,— вздохнул я, вешая трубку.— Домохозяйка...» Он сдержанно улыбнулся.

Фото ТАСС

2. Краткая биография. Митрополит Филарет и советская власть — общий обзор. К. М. Харчев свидетельствует.

Итак: Его Блаженство появился на свет Божий в 1929 году, в Донбассе, в семье простых и добрых людей. Девятнадцати лет он поступил в Одесскую семинарию. Успешно окончив ее, он был принят в Московскую духовную академию, где тоже старался учиться не за страх, а за совесть. Как и перед всяким молодым человеком, связавшим свою судьбу с церковью, в ту пору перед ним открывались две дороги. Первая предполагала женитьбу, службу на приходе или в каких-нибудь церковных организациях. Высшим достижением в таких случаях мог стать чин протоиерея, а наибольшей наградой — митра на умную голову. Вторая дорога окрашена была в черный цвет монашества и при наличии определенных дарований вела к епископству, к митрополичьей митре и — страшно подумать! — к патриаршему куколю.

В двадцать один год он сделал выбор и стал монахом; Михаил превратился в Филарета и перед Спасителем, Богоматерью и всеми Небесными Силами дал обеты постничества, девства, целомудрия и благоговения и обещал претерпеть всякую скорбь ради Царствия Небесного. Был особенно спрошен: «В сих обетах пребывати обещаешися ли даже до конца живота, благодатию Христовой?» И отвечал с твердостью: «Ей, Богу содействующу, честный отче».

Дальнейшая жизнь Его Блаженства сложилась на редкость успешно. Последовательно повышались посты, которые доверяла ему церковь: инспектор Киевской духовной семинарии, управляющий делами Украинского экзархата, епископ Венский и Австрийский...

Действительно, сравнительно молодым еще человеком, в тридцать три года, он был рукоположен во епископа и при посвящении проникновенно сказал, что новое свое служение воспринимает как «подвиг и постоянное распятие себя ради пасомых». Прекрасные, замечательные, в высшей степени трогательные слова! Вообще речи Его Блаженства являются, на мой взгляд, в некотором смысле образцом пастырской проповеди и должны занять совершенно особенное место в отечественной гомилетике. «Помни,— внушал, например, он одному новопосвященному епископу,— с какой любовью, с каким благоговением наш благочестивый народ относится к добрым и усердным пастырям, и с какою скорбью он воспринимает недостойную жизнь иных пастырей, считая ее оскорблением своего религиозного чувства». «Наша архиерейская жизнь,— еще говорил он, но уже другому епископу, только что принявшему жезл из его рук,— стала подвигом, если жить по совести и согласно своему высокому званию». Кладезь духовной мудрости Его Блаженства поистине неисчерпаем. Но хорошего понемножку; тем более что в конце концов все мы захотим узнать, соответствует ли епископское слово делу, а монашеские обеты — личной жизни.

Возвратившись из Вены в милое Отечество, он стал ректором Московской духовной академии, затем возглавил Украинский экзархат Русской православной церкви и к тридцати девяти годам был уже постоянным членом Священного Синода и митрополитом. Ему оставалось теперь ждать благоприятного часа, чтобы архиерейский жезл сменить на патриарший — и в минувшем году Его Блаженство оказался как никогда близок к исполнению заветного помысла. Когда скончался Патриарх Пимен, митрополит Филарет избран был местоблюстителем престола Патриарха Московского и всея Руси, что

по принятому в Русской православной церкви в советскую эпоху обыкновению истолковывалось как окончательное подтверждение неоспоримого права на патриаршее достоинство. Случилась, однако, осечка: Поместный Собор выбрал другого, и Его Блаженству пришлось отставить намеченный переезд из Киева в Москву, с Пушкинской улицы — в Чистый переулок.

Мне кажется, что, потерпев поражение, он должен был испытать чувство справедливого негодования к партии и государству. Я прекрасно понимаю Его Блаженство. В самом деле, разве не он многократно и неустанно — и у нас в стране, и за ее пределами — заявлял, что церковь в Советском Союзе процветает, что никаких гонений за религиозные убеждения никогда у нас не бывало и что только жалкие отщепенцы и иуды могут предавать любезное Отечество, лжесвидетельствуя о жестоких преследованиях верующих? Разве не он, как заботливый пастырь, всегда старался направить православный народ вслед за коммунистической партией и ее вождями? Разве не он отечески учил свою паству голосовать за представителей партийно-хозяйственного актива, чтобы, не дай Господь, не прорвались к власти бандиты-руховцы? Разве не он старательно выпрямлял всяческие национальные искривления — вроде попыток отдельных неразумных священников проповедовать среди украинского народа на украинском языке? И разве не он тысячекратно прославлял победоносный Октябрь, братскую семью советских народов, борьбу за мир, Советское правительство и внимательный к церковным нуждам Совет по делам религий?

Велик перечень неоспоримых и весомых заслуг Его Блаженства перед партией и государством. Константин Михайлович Харчев, бывший председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР, вынужденный в 1989 году расстаться со своим постом за попытку освободить свое ведомство от диктата КГБ и аппарата ЦК КПСС, ныне — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Объединенных Арабских Эмиратах, мне рассказывал: «С точки зрения партийного работника, функционера, митрополит Киевский Филарет среди членов Священного Синода был, пожалуй, самый грамотный. Все вопросы, которые мы перед ним ставили на внешней арене, всегда выполнял с блеском. Всегда с честью выкручивался из сложных положений и всегда давал приемлемые для нас результаты. Прекрасный был исполнитель. Мы, в свою очередь, старались четко ставить перед ним задачи, заранее обговаривали, в каких пределах он может действовать. Все сводилось, разумеется, к защите и пропаганде партийной позиции. Ну вы знаете: нет никакого давления на церковь, церковь у нас живет свободно — то есть, простите, бред сивой кобылы. И вы знаете... у нас с вами был об этом разговор на страницах «Огонька»* — так прочны были еще два года назад позиции партаппарата и КГБ, что от меня избавились в два счета, едва только я попытался помочь церкви обрести действительную свободу. Был ли киевский митрополит связан с КГБ? Был, я полагаю. Да ведь это же для него второе непременного правила игры... Канон, только, разумеется, с другим знаком. Там от апостолов Иисуса Христа и Вселенских соборов, а тут — от госбезопасности. Иначе он никогда бы не смог пробиться к руководящему положению в Русской православной церкви».

3. Земля святая.
Иеромонах Гавриил.
30-е правило Св. Апостол.

И какой же несравненной красоты был я очарованный созерцатель одним погожим сентябрьским утром! Видел я благословенную Лавру, основанную некогда преподобным Антонием Печерским на высоких горах близ Днепра; любовался ее храмами, колокольней ее, поднявшейся к самому небу, прикасался к древней липе, будто бы посаженной самим Феодосием Печерским, отцом русского монашества, о котором сказано: «Был же он поистине человек Божий, светило, всему миру видимое...», и со свечой в руках медленно шел извилистыми ходами Ближних и Дальних пещер, в робком свете едва разбирая на табличках имена почивающих в нетленных мощах киево-печерских святых... И где-нибудь в углу вдруг наталкивался на живого монаха, кому выпало послушание стеречь вечный покой великих старцев и кто долгими часами сидел здесь, в гробовой тишине, время от времени с громким шорохом переворачивая страницы «Киево-Печерского патерика» и при мерцающем свете свечи вчитываясь, например, в потрясающий рассказ о Марке-пещернике, который копал для братии могилы и который мог повелеть уже умершему очнуться и прожить еще день — до тех пор, пока не будет готово место для принятия его тела.

Это земля святая, основание всей России.

Все было: и святой апостол Андрей, проронивший вещее свое слово о том, что будет на этих горах город великий и воздвигнет Бог много церквей; и прежний язычник, воинственный и женолюбивый князь, ради истины и красоты крестившийся в православную веру и увлекший за собой в христианство весь народ; и черноризец Нестор, великий труженик и дивный писатель, на самом краю забвения удержавший временные лета и сохранивший нам нашу историю,— все было! Но как горько, как стыдно сознавать, что в наши дни наследие преподобных Антония и Феодосия оказалось в недостойных руках. «Священноархимандрит Лавры — это же ридный батька! А если у нас посмотреть, то, когда он появляется, все бегут... Подол поднимают — и бегом! Кто куда!»

Так говорил мне о. Гавриил (Захаров), монах Киево-Печерской лавры, один из тех, пока еще довольно редких, в православной церкви священников, которым легко и свободно можно открыть свою душу — до самых тайных и темных ее углов. Он инвалид: девять лет назад сковало ноги, передвигается в коляске, и когда выезжает в ней, быстро и ловко перебирая руками колеса с блестящими ободами (коляска хорошая, немецкая — но Его Блаженство к ней никакого отношения не имеет, хотя как предстоятель церкви в немалых количествах получает благотворительную помощь из-за рубежа), его тотчас обступают пришедшие в Лавру люди. Оторванный от церкви народ теперь заново привыкает к ней, и хотя изменившаяся жизнь уже никогда, наверное, не будет каждый свой день сверять с православным календарем, всем нам, и верующим, и неверующим, стала вдруг чрезвычайно важна церковная норма: какому святому и в каких случаях молиться? как обрядить и отпеть скончавшуюся маму? можно ли венчаться с женой, с которой прожил уже десять лет? Православные батюшки зачастую неласковы к людям. Они почему-то ощущают себя начальниками рода человеческого и, вполне по-начальнически, недовольно и невразумительно буркнув, оставляют вопрошающего томиться неразрешенными сомнениями. Отец же Гавриил всем и все старается растолковать, плачущих — утешить, скорбящих — ободрить, отчаявшимся — дать надежду.

Митрополиту это чрезвычайно не нравится. Когда он появляется в Лавре, братия скрывает от него о. Гавриила где-нибудь в укромном месте, да еще под замко́м. «Подойдут — ты сиди! И стучаться будут — сиди, будто никого нету. Вот я и сижу — пока, значит, отбоя не будет.— Отец Гавриил горько засмеялся.— Такой у нас священноархимандрит, ой, Господи милосердный... Всяких я видел архиереев на своем веку, но такого не бачил. Никогда не улыбнется, никогда ни с кем доброго слова не скажет... Никогда! Как можно так быть?! Мы у него как быдло. В полном смысле! У нас монахи живут по три-четыре человека в келье. Какое там молиться! В семинарии — как сельдей в бочке набито, там обстановка на выживание. Он, правда, сказал: вот, отцы, чтобы из двух вторых классов на будущий год был один третий. Так он о церкви заботится, когда священников повсюду не хватает! А паломники? Их не накормят никогда, отдохнуть толком не дадут... Бросят на пол матрац — и все. Не-ет, ему Лавра не нужна. Ему гроши нужны и больше ничего не надо. А когда она приезжает...— о. Гавриил ошеломленно покачал головой.— Эта... как ее... Иродиада[1]... у нас, в церковном кругу, говорят: Иродиада беснуется... вот, когда она появляется, в лавках все до последнего рубля подбирают. В прямом смысле — не то, чтобы там десятки или даже пятерки,— все рубли соберут». «Что ж,— осторожно спросил я,— не пробовали протестовать?» О. Гавриил невесело усмехнулся. «Пробовали. Он вызвал несколько иеромонахов, цыкнул — и точка. Вы запомните,— очень похоже изобразил о. Гавриил отрывистую речь Его Блаженства,— меня никто никогда не уберет отсюда. А уберу только я».

Общество, с такой нетерпеливой и в то же время несмелой любовью потянувшееся к храму, должно все-таки отчетливо представлять себе порядки и нравы церковной среды. В недавнем прошлом священных коров у нас было, наверное, ничуть не меньше поголовья молочного стада по всей России; и вряд ли есть смысл вместо сдохших священных коров вроде ПБ ЦК КПСС откармливать и холить новые наподобие СС РПЦ. Юный дьякон, наученный своими наставниками, запросто может обвинить меня в какой-нибудь антирелигиозной кампании в духе тридцатых годов. Смешно. «Мелочи архиерейской жизни» Николая Семеновича Лескова надобно в таком случае, изловчившись, пустить по той же кампании, назидательно прибавляя при этом, что сие зловредное сочинение недаром было запрещено духовной цензурой, а потом и вовсе сожжено[2]. Нет, без всяких обид и задних мыслей — но правду!

А правда такова, что в руках Его Блаженства есть испытаннейшее архиерейское средство борьбы со всяким проявлением церковного инакомыслия — запрещение священников в их служении. Мир подобной формы наказания не знает. Это чисто церковная канонически-дисциплинарная мера, применять которую следует с чрезвычайной духовной осторожностью. Из нее очень просто выбросить тончайшую, мистическую сущность — и она тотчас превратится в дубину, которой Его Блаженство безнаказанно глушит священников. Не согласен с переводом на другой приход? Запрещаю! Поднял голос против правящего архиерея? Запрещаю! Дорожишь своим мнением? Под запрет! Даже самому властному администратору такой произвол покажется диким, а в церкви бытует и то тут, то там перерастает в настоящий беспредел. Его Блаженство, к примеру, разгневавшись на одного священника, главная и всем понятная провинность которого заключалась в том, что он был (прошу внимания!) отцом первого мужа дочери — ну, скажем пока — домохозяйки, велел его запретить. И любимый народом священник Виталий Медвидь был на год запрещен в служении за (о, тут сказано от души! чтобы знали и трепетали!) распространение клеветнических слухов о Блаженнейшем митрополите Киевском Филарете. И точка. И некому жаловаться.

Но что священник! Его Блаженство совсем недавно сбросил с епархии митрополита Винницкого Агафангела (Саввина), наплевав на то, что и клир, и местные власти горой встали за своего архиерея. «За что?!» — пытался найти причину почтенный митрополит.— Я легковой «ЗИЛ» купил для епархии... Так он мне почти бесплатно достался, а Его Блаженство меня попрекает: во-первых, вы «ЗИЛ» купили... У него,— объяснил митрополит,— тоже «ЗИЛ»... в нем еще Щербицкий ездил... и ему обидно, что не у него одного... Во-вторых, он мне говорит, вы отрезанный ломоть от епископата. Как — отрезанный?!» — со слезами воскликнул Агафангел.— Я здесь шестнадцать лет, десятки храмов открыл... Я деликатно отношусь, а он меня ни на одну епископскую хиротонию не пригласил! Вот он мне говорит: за вас Дидык, председатель облисполкома, хлопочет, мне звонит. А он светский, это нарушение канонов. Я ему говорю — а вы? Вы звоните в ЦеКа и на Дидыка жалуетесь... Еще он меня упрекает: вы моей личной жизни касаетесь. Как же, я говорю, я не могу не касаться, я депутат, меня в парламенте все спрашивают! Я ему еще говорю: я депутат! Вы не имеете права меня переводить без согласия Верховного Совета! А он: но есть каноны». И митрополит Агафангел замолчал, тяжко вздохнув.

Мне кажется, я догадался, о чем он подумал. Без канонов нет церкви. Несмотря на все испытания, ереси и расколы, церковь сохранила себя еще и потому, что была верна правилам, завещанным ей святыми Апостолами, семью Вселенскими соборами и святыми Отцами. Боговдохновенная буква и в самом деле требует послушания епископу. Но она же велит извергнуть и отлучить его от Церкви (а заодно и всех, сообщающихся с ним), если он получил свою власть с помощью мирских начальников. Это 30-е правило Св. Апостол, для Его Блаженства совершенно убийственное.

Я верю, что в семинарию он поступал с чистым сердцем и горячим стремлением служить Богу. Слишком невероятно, чтобы юноша из рабочей семьи шел в священники исключительно по расчету. Однако вся дальнейшая жизнь Его Блаженства в тяжелейшие для церкви пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы складывалась настолько удачно, его восхождение к иерархическим вершинам было столь стремительно, что не остается ни малейших сомнений в чрезвычайном, особенном благоволении к нему власти. Мы теперь доподлинно знаем, что каждая епископская хиротония в совсем еще недавнем прошлом совершалась только с одобрения соответствующего отдела КГБ и Совета по делам религий, представлявшего собой, по сути, одно из подразделений тайной полиции. Не будем, однако, спешить с поголовным осуждением епископов, ибо многие из них страдали от своей унизительной зависимости и понимали ее как тяжкий личный грех. Но зато другие — как медаль.

Его Блаженство не уставал и словом, и делом доказывать власти, что она в нем ничуть не ошиблась. Он служил и за рубежами нашего Отечества, служил и здесь, на родной земле: едва ли не собственноручно вешал замки на церковных дверях, закрывал Лавру и семинарию. Архимандрит Пимен (Со-

---

* «Огонек» № 44, 1989 г.

[1] Это имя встречается нам на страницах Нового Завета. Иродиада вступила в кровосмесительный брак сначала с одним своим дядей, а затем с другим — Иродом Антипой. Иоанн Креститель обличал ее грехи, и она добилась его казни. Женщина, представившаяся мне домохозяйкой Его Блаженства, и особа, получившая в среде украинских священнослужителей столь малопочетное прозвище,— одно и то же лицо. Несколько позднее я постараюсь удовлетворить законное читательское любопытство.

[2] А между тем Лесков писал Ивану Сергеевичу Аксакову: «Я никогда не осмеивал сана духовного, но я рисовал его носителей здраво и реально... Вы говорите: «их надо дубьем». А они дубья-то Вашего и не боятся, а от моих шпилек морщатся...»

болев) последним покинул Лавру в скорбном шестьдесят первом («Отслужили акафист Успению Божьей Матери, а потом пришла милиция и опечатала церковь») и первым вернулся в нее в год 1000-летия крещения Руси. «Но сейчас, я скажу, там жить невозможно,— грустно кивал он головой.— Там поставили начальников, которые разлагают всю духовную жизнь Лавры. Специально. Какие там монахи, значит, активные, их стараются прижать, выгнать...»

У меня на сердце теплеет, когда я вспоминаю его. Вот он показывает церковь, где служит — один за всех: и за священника, и за дьякона, и за чтеца, церковь, в трудные годы построенную народом, и сияет от счастья; вот он выходит за ворота меня проводить: чуть согбенный, с очень ясными, светло-синими глазами, и вместе с ним провожает меня мирная свора бездомных собак и кошек — все нахлебники архимандрита, его младшие чада, которых взял он на бессрочное пропитание. Его ранило в сорок первом, под Киевом, двадцатого августа — на Пимена, чье имя он принял затем в монашестве. Погиб в войну отец, погиб брат; числился среди погибших и он, но после ранения и контузии, после того, как откопали его из песка, выжил, пролежав, правда, в гипсе два года. И, как только почуял под собой ноги, пошел ими в монастырь. «Он, Филарет, и Лавру закрывал, и семинарию закрывал в шестьдесят первом... Нет, он меня никогда не трогал, но как я вижу, как он обращается с духовенством, так я только, знаете, думаю: подальше от царей, голова целей. Ни за што, ни про што может, знаете, священника выгнать, втоптать его в грязь — только, может, за то, что он старался для церкви. Зосима был, игумен... а мы с ним дружили, сосед, так он рассказывал... У него церковь — сто лет никакого ремонта не делалось, пол прогнил, крыши все погнили. Он, Зосима, Царство Небесное уже получил. Он большими трудами все перекрытия новые сделал, оцинкованным железом покрыл, пол новый сделал, а Филарет, когда приехал: «Вы тут доремонтируетесь! Вам будет! Вы такой-сякой нехороший человек, что вы ремонт делаете!» Он ему влепил такой, так сказать, выговор, что Зосима вскоре и умер. А когда на Украине Рух начался, Филарет нас специально созвал: вы с руховцами никакого дела не имейте. Это бандиты, это провокаторы... Тут, видите ли, со всех сторон. Кто, например, хочет в соборе служить, во Владимирском, тот должен властям доносить. Филарет говорит, надо Родине помогать. Ко мне тоже подходили, я ответил: не, у меня голова больная, осколок с черепа вынули... я вам все перепутаю... Филарет,— поник отец Пимен,— сам на девяносто пять процентов служит властям безбожным, а процентов, может, пять он церкви уделяет, не больше. Так должно быть,— вздохнул милый старик.— Еще преподобный Серафим Саровский предсказывал: когда, говорит, архиереи станут нечестивыми. Как у нас».

Теперь Его Блаженство не прочь порассуждать о церкви, которая ценой неимоверных жертв сберегла духовность, о мучениках, пострадавших за веру... У простодушного или несведущего человека вполне может сложиться впечатление, что митрополит Филарет и сам отчасти жертва богоборческого режима, что и его чуть-чуть поднимали на дыбу сокрушители церкви и что и ему пришлось пригубить из общей для всех чаши страданий. Право, Его Блаженство поступил бы значительно благоразумней, если бы вообще не касался этой темы (как, впрочем, и перестал бы, наконец, лицемерить в своих проповедях). Ибо, слушая его, мы поневоле вспоминаем слова Иисуса Христа об окрашенных гробах, «которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты».

(Окончание следует.)

Замира ИБРАГИМОВА, собственный корреспондент «Огонька»

ТРАМВАЕМ НА РЫНОК

По субботам езжу на рынок.

Вру. На рынок езжу не по субботам, а по потребности.

Опять вру. Не по потребности, которая от пустого холодильника (дело привычное), а по сердечной тяге к общечеловеческим ценностям.

Договорилась. Совсем завралась. А вроде врать не умею.

А я и не вру. Подбираюсь к пониманию своих взаимоотношений с рынком.

Контакты эпизодические. Но плодотворные. Смею полагать, что рынку я так же небезразлична, как и он мне. Потому что я всякий раз оставляю там внушительную сумму. И вот сегодня с сотней родных рублей отправляюсь на родной рынок. Жду тринадцатого трамвая. Он ходит плохо (а какой хорошо?).

Вчера было плюс пятнадцать. Сегодня — ноль и ниже. На полсотни стынущих в ожидании трамвая голов — две меховых, три-четыре вязаных шапочки. Остальные, и я в том числе, как трава — не ждали... Тоже глупые. Необучаемые аборигены.

Или этому нельзя научиться? Внезапности? За ночь покончено с бабьим летом. Может быть, даже на рассвете с ним покончено. Предзимние тучи не грохочут.

Но вот он дребезжит, миленький, старенький, долгожданный тринадцатый! Из какого ты века, из какой эпохи, карета послевоенного детства моего, такого сегодня смешного, ненужного и неодолимого? Позавидовать тебе, что ли, старый трамвай — набит в начале девяностых так же, как в конце сороковых... Незаменимый... И так же пронзительно трезвонишь на поворотах...

Кондуктора только нет. Жалко. Помню однорукого усача, весело кричавшего нам: «Быстрее, тубики, быстрей! Садись, ложись, не кашляй!» Учителя регулярно возили нас со Среднего проспекта на Голодай — в тубдиспансер, потому что тогда все мы — и маленькие, и большие ленинградцы — стояли на «тубучете». Пирке-манту, какие-то прививки, рентген, снимки... Как мы любили этот день, свободный от уроков... И если кто-то потом не появлялся больше в школе, мы, умницы, вздыхали — счастливица, у нее палочки нашли...

«Палочки» означали перемену в жизни. Разнообразие.

Тонко все-таки придумано, что человек начинает жизнь маленьким. Начинал бы большим, захотел бы продолжать? Неизвестно. Ведь он бы знал, что почем. Знал бы, по карману ему земное бытие или нет. И не лез бы на этот рынок с пустым кошельком.

А вагон забит. Куда вы, миряне? Там цены обжигают! Там спрос убогий валяется в ногах у царского предложения, моля о пощаде...

Опять вру. Что ни скажу про рынок, все вранье. Не по умыслу. По неохватности явления.

Много ли нынче охватишь (отхватишь) на сотню?

Прости мне, хмурое трамвайное сословие, ханжеский стон. Догадываюсь, что большинство случайных попутчиков не может позволить себе того, что намереваюсь сделать я. У меня в кармане новехонькая сотня, только что, видно, отпечатанная неутомимым станком. Нужны мясо, зелень, фрукты. Мысленно объясняю утомленным, пасмурным согражданам: домашний международный прием, сами понимаете...

В третий раз приезжает в Новосибирск милая американка Анна, профессор Индианского университета, жительница далекого Принстона, про который мы столько наслышаны. Она приезжает к нам работать. Восстанавливать страницы нашей истории, которые у нас никого не интересуют. Анна изучает... положение женщин в Сибири в тридцатые годы (!).

Будет, как и в прежние свои приезды, отыскивать всеми забытых у нас старух. Записывать их рассказы. Читать сохранившиеся у них письма и документы. Снимать копии с дневников и воспоминаний. Сидеть в архивах и библиотеках. Слушать и спрашивать, посмеиваясь над своими ошибками в русском языке, которым она владеет лучше наших южных торговцев фруктами.

Такая вот загадка... Почему? Почему заокеанскую исследовательницу так волнуют тяжкие сибирские судьбы наших соотечественниц, через которые проходит история нашей страны? А мой деловой юный коллега со страстью убеждает меня, что всех старух из центров больших городов надо переселять на окраины и отдавать их квартиры дельцам, проституткам, сутенерам, торгашам, игрокам, ибо только они смогут возродить добротные, но одряхлевшие, вместе со старухами заброшенные дома. По-че-мууу?..

Наверное, когда работа Анны будет завершена и издана там, у нас найдутся переводчики, читатели и почитатели уникальных этих трудов. Сейчас мы лишь благодарно и горько изумляемся пристрастию американки к нашей уходящей натуре.

И уж, конечно, стараемся не ударить в грязь лицом по части «накормить».

Сибирский обед должен быть достоин человеколюбивой науки Соединенных Штатов. Вопреки нашим талонам, половина из которых остаются неотоваренными,— «сахар», «мясные продукты», «кондитерские изделия». Теперь вот еще «растительное масло»...

Есть рынок. Будь благословен!

Месяц назад на сотню мне удалось неплохо устроиться с обедом. Почему же теперь меня терзают мрачные подозрения?

Анна уезжает. Довольная — хорошо поработалось! А меня заботит прощальный обед. Или ужин. Но за это время я успела побывать в Москве. Сравнивали с москвичами рыночные цены на продукты, и я нервничала и сердилась, неизвестно на кого. Говорю друзьям: мясо — 16—18. Усмехаются: у нас 60. Мед, говорю, 40. Машут рукой: у нас вдвое...

Ой, Москва, что ты, шальная, делаешь? Варишь дурманную свою кашку, а нам, провинциалам, расхлебывать? Там Центральный рынок давно уж, по слухам, мыслит в долларах. А наш Центральный доллары в фартуки не складывает, но счетом столичным пленяется. Цены добегают быстрее, чем дурные вести. Или сами цены теперь иначе как дурные вести и не живут?

Месяц назад яйца у нас были в магазинах, а в октябре на яйца выдали талоны, да продукта нет. Молва объясняет: дети юга увозят, теми же самолетами, что везли к нам виноград и изюм, груши, чернослив, персики. Удобно, что и говорить. Коли бы у нас было столько яиц, сколько у них кураги.

Молва пугает и бешеным экспортом картошки, которая не растет там, где кишмиш. И массовой переброской сливочного масла (вместо сибирских рек).

Молва пугает... Кликуша? Пророчица? Барометр?

Ощупываю в кармане купюру — хрустит. И от этого тоже не по себе: зачем такая новая? Не ботинки вроде, а что-то жмет. На психику давит. Новая деньга как новый талисман: с ней пожить надо, чтобы оценить.

Сейчас оценим. Придребезжали. Высыпаем из вагона и тут же смешиваемся с толпами облепившей крытый рынок открытой «барахолкой». Живое творчество масс. Еще полгода назад не было, а сейчас к входу под крышу и не пробиться.

Не «барахолка» в строгом значении слова, а «товары повседневного спроса». И «тысяча мелочей». И «мода». И «смешанные товары». И «комиссионка». И... точно все наши специализированные магазины и универсамы с универмагами, покинув торговые залы, перебрались сюда с надлежащим быть в них ассортиментом. Сюда, к рынку, под сень его независимости от распределительных норм и замораживания цен.

Наш ошеломляющий уличный супермаркет. Театр ужаса? Восторга? Очищения?

Тети образца «неопалимые» продают зеленый горошек, майонез, сгущенку, шоколад. Баночки и плиточки, давно исчезнувшие из унылой госторговли, но не настолько забытые, чтобы не узнать. И — не захотеть. Мимо, сотня, мимо. Сгущенка — оно бы да, но мясо нужнее. Зачем нам консервированный горошек, когда есть еще свежие помидоры. И свежая зелень. Майонез, конечно, вещь, но заменим уксусом с остатками еще летнего постного масла.

Сапоги — две, две с половиной тысячи. Шубы с нулями, зябко кутающимися в меха. Ботиночки на трехлетку — триста. Сиреневые штанишки на пятилетнего — пятьсот. Хочется взять эти штанишки и завязать их на горле продавца, молодого кабанчика с мордочкой то ли хорька, то ли суслика, готового к мгновенному отступлению в норку...

Осуждаю себя за импульс. Пытаюсь рассуждать. Ассигную же я пятую часть месячной своей зарплаты на один прием. На два-три часа сытого застолья. А тут вещь. Поносит ребенок год, потом, может, другому достанется... Нет, беснуется во мне бабка троих внучат, пятьсот на детские кальсончики?! Родина гибнет! А моя сотня (все оправдываюсь перед кем-то!) — это же не на жратву! Это на встречу с Соединенными Штатами, на духовное общение с капитализмом в лице обаятельной Анны, добровольно взваливающей на хрупкие свои плечи тяжкий крест познания моей Отчизны!

Волевым усилием переключаю себя с восклицаний на многоточие: рынок...

А вот и Аннины героини — девушки тридцатых, старушки в пальто пятидесятых, в нетленных, как общечеловеческие ценности, темных теплых платках. Со своим щемящим товаром. Кусочек

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО (младшего)

мыла «Красная Москва», фарфоровая собачка, тупоносые туфли с каблуком-постаментом, китайское полотенце времен «дружбы навек»... Духа не хватает прицениться.

Мимо, сотня, мимо. Не сейчас. Потом. В следующий раз. Если успеем... А куда мы денемся? «Пара гнедых, запряженных с зарею...»

Не тутошний мотив. Сюда бы что-нибудь ликующее. «Мы торгаши! Нам все доступно! Куем мы...» Куют. Что-то ослепительно заморское. Сигареты. Бутылки. Вафли. Жвачка. Печенье. Конфеты. Блестящие упаковки. Манящие этикетки. Чарующие названия. «Мартини». «Наполеон». «Салем»... Чем не Копенгаген? Цены так же бьют по сознанию. И то же утомляющее чувство недоступности. И то же заграничное состояние нищего туриста: все есть, но не для меня.

Но какая-то отечественная примесь обогащает состояние... А, продавцы... Такое свое — эта презрительная надменность наших полуспящих красавцев...

Пачка галет в цветной фольге — 25 рэ. Но за 25 я только что купила в столице сборник рассказов Сергея Довлатова. И смеялась, и плакала, читая. И бродя по подобному «супермаркету» возле станции метро «Арбатская», бормотала пронзившие довлатовские строчки: «...я был частью моей особенной небывалой страны. Я целиком состоял из жестокости, голода, памяти, злобы».

Даже если бы галет было не десять, а сто за ту же цену, они бы не стоили для меня этих строчек.

Врешь. Опять ты врешь, имея сотню на обед.

А если сейчас не окажется мяса? И сегодня не привезут хлеб в твою булочную, а его не было ни вчера, ни позавчера? Кинешь не раздумывая сотню за десяток сухих печеньиц... И забудешь про Довлатова? Про Пушкина? Про Достоевского?

Слава Богу, полны мясные ряды. Свинина, говядина, баранина. Дороже, чем месяц назад,— двадцать, двадцать два, двадцать пять. Но это еще не катастрофа. Еще не столичная вакханалия с ценами под чужую валюту и зарплатами в своих рублях, чахоточно убывающих в весе.

Анна шутливо-извинительно делилась опытом освоения нашей реальности. «Мне все говорили: не езди из города в Академгородок на такси. Дорого, очень дорого. И я стояла час на остановке, потом час в полном автобусе. День, три... И как-то села в такси. Всего полдоллара! Это же ничего!»

Пятнадцать — восемнадцать рублей. Всего полдоллара. Или уже треть, четверть?! В самом деле.

Что если бы я подошла сейчас к этой симпатичной немолодой крестьянке, терпеливо поджидающей покупателя возле своей очень недурной свинины, и предложила бы ей пару долларов вот за тот приглянувшийся мне почти мясной кусок... Как бы она отозвалась?

Эксперимент невозможен. У меня нет и цента. И я покупаю кусок свинины за 54 рубля с копейками. Женщина уходит разменивать сотню, а у ее соседа, незло задумчивого мужика, выбираю кусок говядины с костью на щи и оказываюсь должна им обоим восемьдесят пять рублей с мелочью. Копеек тридцати не хватает. (Тоже примета времени — в обороте новехонькие бумажки, и везде напряженка с серебром и медью. Металл — в сундуках? В кувшинах? В наволочках?) Мужик снисходительно машет рукой: не надо, дескать, пустяки.

Жест почему-то трогает меня до спазма нежности к этим еще простодушно уважающим рубль людям. Приволокли выращенное ими мясо в город, клокочущий у рынка спекуляцией, воровством, наглостью.

Не слышно что-то о появлении новой линии по сгущению молока. Или консервированию горошка. А баночки — тут как тут. Те самые, что отправлялись госпредприятиями в госторговлю. По вызывающе-издевательской, на чей-то взгляд, госцене. «Рыночная» — в тридцать — сорок раз выше — обогащает не производителей, а... Догадываетесь, кого. Я тоже. Подташнивает...

Когда тошнит на прилепившемся к рынку нашем «супермаркете», надо пробиться к крестьянам. Или городским садоводам-огородникам. «Спасется тот, кто возделывает землю»? Торгуют с несуетным достоинством честности. Свое продают, ими наработанное.

Может, опять вру? Или... идеализирую — по неизбывной социально-генетической привычке? Видела же месяца три назад за мясным рыночным прилавком знакомую продавщицу из гастронома, с которым соседствую тридцать лет... Тогда подумала: и эта в крестьяне подалась, правильно, чего там, в пустом гастрономе тоскливо цветущие годы коротать... Потом обнаружила: коротает, родимая, Несмеяна наша гордая...

И все же, и все же. Бидон ягод. Корзина яблок. Ведро картошки. Горки моркови, свеклы, редьки. Необобранные куски мяса. Кастрюлька густой, неразбавленной сметаны... Знаки все-таки существующей гавани. Кто-то все-таки производит. И столько, что есть излишки — для рынка. Частный сектор трудящихся.

И в этом секторе есть конкуренция — основа, уверяют знатоки рыночного ценообразования. Оттого, может, и цены не валят с ног. Приемлемы в сравнении с ботиночками. Или кальсончиками. Пока, во всяком случае.

Октябрь. Мяса, Господи благослови, много. Что-то будет в декабре? В апреле?

Итак, прощай, сотня. Что пожелать тебе вдогонку? Подержись подольше в нынешнем своем весе? Не падай слишком низко, самая значительная пока купюра в деградирующем семействе отечественных дензнаков?

Но уже не самая значительная — грядут персоны поважней. И не самая невинная — станок работает... Прощай. Спасибо.

Может, хоть тут, в отдельно взятой Сибири, удастся чуть-чуть притормозить обращение сотни в десятку, десятки — в рубль...

Не удастся, похоже. Осталось пятнадцать рублей. Нужен хотя бы стакан меда — в вазочку, к чаю, за отсутствием сахара. Чай, еще весной привезенный из Москвы (в буфете ЦДЛ тогда было!), тоже на исходе, но на прием хватит. Мед... Ага, уже пятьдесят. За месяц — на десятку. Предел? Или начало предзимнего роста, переходящего в зимний и весенний?

Десятка на мед. Покупка невесома, но душиста. Алтайский!

Пятерка — на картошку (полтора рубля кг). Картошки, как и мяса, много. Можно выбирать.

И есть именно такая, какую ищешь. Мужичок упрашивает — возьмите ведерко, рассыпчатая.

Притворно вздыхаю в ответ: надорвусь, годы не те, чтобы ведра таскать.

Льстит: молодая ишо. Тут же отрезвляет: натаскаешься ишо, на тебе возить и возить.

Спасибо, говорю, милый, утешил, получая на сдачу полтинник без семи недостающих у него копеек...

А мне еще нужны бахчевые.

Ты еще не дома? — спросит умеющий считать читатель.

Нет. Усталый мой, как и я, замордованный арифметикой бытования, читатель. Не дома я — на рынке.

Потому что не такая уж я одноизвилинная, как могло показаться вначале. И в заднем кармашке брюк у меня еще обминается новехонькая пятидесятирублевка. Зарплату мне выдали исключительно этими, хрустящими от отсутствия всякого опыта. Говорят, станок захлебывается, опора наша вибрирующая... Захлебывается опора. И вибрирует... Чушь какая-то... Но похоже на состояние души, угодившей на рынок...

Это очень грустно, а мне нужно выбрать дыню.

Все есть! И двухкилограммовая корейская (по продавцу!) дыня оказывается чуть-чуть дешевле пятикилограммового ташкентского (по словам торгующей блондинки) арбуза. И баночка сибирского хрена уравнялась в цене с несколькими веточками кавказской травки — три рубля не деньги! И пригородная белокочанная капуста просит за себя подороже, потому что рядом надменная иногородняя цветная уж больно много о себе мнит.

Да здравствует рынок! Денег почти нет, но сумки полны.

Теперь пробиться бы к трамваю сквозь живые стены неисчислимых торговцев. Вечная суббота! Хотя сегодня пятница.

Это что? Знакомая книга. «Юрий Магалиф. Сказки». Месяц назад автор подарил мне только что вышедшую книгу с теплой надписью. Подарочно издана, в твердом глянце, с красочными иллюстрациями. Здесь и знаменитый «Жаконя», и «Тип-Тик», и все вообще, кажется, детское, что написал Магалиф за последние лет тридцать. (Я книжку и разглядеть не успела — младшая внучка тут же ее обняла, с тем и удалилась, значительная.)

Сколько? Сорок... Цена на книге — пять... Стукнуть, что ли, девицу с лицом непорочного, но размалеванного пупса? Ей было бы больно — книга тяжелая. Но у меня заняты руки. Можно размахнуться сумкой с мясом и картошкой. Не просто, но если в экстазе... Не умею. С колыбели надышалась «непротивлением злу...». Но мысленно одолеваю нравственный запрет: пришли бы типографские рабочие, наглотавшиеся свинца при выпуске книги, и поделили бы с «пупсом» рыночную прибыль (тут же мрачно усмехаюсь себе: не так ли начинаются пролетарские революции? Было, было уже...).

Автора в этой роли не представляю. Он рад самой книге. Довольно с него. К тому же он тоже из этих, «непротивленцев», хотя и отсидел свое за якобы сопротивление. Недавно получил удостоверение невинно пострадавшего от репрессий.

Кажется, удостоверение дает право на майонез и горошек по реликтовой госцене.

Хотя здесь его книжку можно обменять на два майонеза. Или три «горошка» (с доплатой). Или на баночку бразильского растворимого кофе, который, оказывается, вовсе не растворился в бездонной госторговле, как мы наивно полагали, а осел в чьих-то смекалистых руках.

Рынок! Виват, рынок! Там «растет» все, что нужно для международного приема.

Но за рынок страшно — не задушит ли его наш пирующий «спекулянт-маркет», вызывающий недобрые чувства, провоцирующий на чрезвычайные меры?

Моралистка. Древняя нудная моралистка. Не хочешь — не покупай. Иди себе мимо.

И иду. И не хочу. Ни сапог за три тысячи. Ни шубы за восемь. Ни юбки за восемьсот. Не только потому, что не могу, хотя еще при работе с зарплатой. Клокочущая страсть легкой и быстрой наживы оскорбляет.

Ну, и кутайся в свое чистоплюйство. Это твои проблемы. Другие-то хотят. И покупают. И радуются тому, что есть... Радуются?

Вагон опять забит. Чужие полные кошелки давят, свои оттягивают руки и тоже кого-то раздражают. Никто не улыбается. Тот трамвай был веселее. Потому что детство? Нищее — и счастливое?

Какое там счастье... заморыши в очередях... этот вечный мокрый кашель вокруг... человеческие обрубки у пивных ларьков... елочные игрушки из диковинной яичной скорлупы... модные «москвички» из довоенного рванья взрослых... женские истерики в учительской... нетерпение у вечно занятого туалета коммуналки... холод дома, холод в школе...

А тот трамвай был веселее. Потому что война осталась позади? Где она сейчас — впереди? Сбоку? Над головой? Кругом?

Ох, рынок, тратишь ты меня поболе чем на полторы сотни новенькими. Если бы не талоны без отоварки... если бы не гостья... если бы не наше. нам и необходимое, гостеприимство... Вот с Анной и поулыбаемся. У нее это получается так славно и по-доброму, что невозможно угрюмиться в ответ.

Добрая улыбка, общечеловеческая ценность, почему ты не сияешь над нашим «рынком»?

...Ужин по случаю отъезда Анны состоялся не у меня — у подруги в Академгородке. Так было удобнее для тех, кто помогал Анне работать. И кто полюбил маленькую, живую, неутомимую американку за большое мужество и за глубокий сочувственный интерес к человеческой драме нашей бесчеловечной истории.

Но я была готова. И устроила вкусный воскресный обед для собственных детей. И кое-что осталось в холодильнике. Долго теперь не поеду. Если не объявятся гости.

И напоследок тоже соврала. Поеду... при случае... по настроению... за грушами для внуков... за арбузом для друзей... за клюквой для больного...

Вранье простите. Не для выгоды. От растерянности. Имеет право быть и такое состояние.

Новосибирск

«СВОБОДА» В МОСКВЕ

Уникальный факт — «вражеская» радиостанция «Свобода», которую совсем недавно «поливали» по первой программе Всесоюзного телевидения, признана официально. Ельцин подписал указ об открытии «свободинского» бюро в столице. И в Москву приехал Юлиан Панич, в прошлом — советский актер и режиссер, ныне — диктор и главный режиссер русской службы. Приехал не с концертами и выступлениями по ТВ. Приехал работать — делать радиопостановку о первом российском Президенте по пьесе Леонида Ицелева «Москва. Кремль. Час нулевой».

И вот уже идет он по Москве с кофром, на котором фирменная эмблема станции, а внутри — венгерская радиотехника, одолженная у новосибирского брата, с которым не виделись двадцать лет. И уже на руке его часы «Слава», полученные в подарок от случайного прохожего. Действительно случайного. Подошел к нему на улице молодой парень, увидел эмблему, на всякий случай, чтобы не ошибиться, поинтересовался: «Вы со «Свободы»?» И, получив утвердительный ответ, не спрашивая ни имени, ни фамилии, снял часы, надел их на руку Паничу. Повернулся и ушел. (Эти часы Панич носит и в Мюнхене, предпочитая их модным западным: дорогой подарок.)

Старая дуда буржуазной пропаганды. «Огонек» 1979 г.

Анастасия
НИТОЧКИНА

Фото
Льва **ШЕРСТЕННИКОВА**

Панич приехал делать свой сто третий «Экслибрис». И в сто третий раз комплексует — уверен, что ничего не получится. Но все почему-то удается.

И вот мы идем на первое интервью, и не куда-нибудь, а в Кремль. Холодный день, мерзкий ветер и какой-то странный человек сидит на Мавзолее и что-то долбит дурацким молотком (ремонт?). Полнейший абсурд. Нас встречает милейший парень Володя — он умудрился ничего не рассказать о себе, хотя мы отчаянно задавали вопросы, на которые он как бы даже и отвечал. Он проводит нас мимо постовых Спасской башни, небрежно кинув: «Товарищи со «Свободы». И постовой как-то так подтянулся и чуть-чуть было не отдал нам честь. Как уж тут не почувствовать себя загримированными артистами на съемках художественного фильма в декорациях Кремля! Но все — реальность. Кремлевские куранты не отбивают никакого времени. Громко каркают вороны, заглушая все остальные звуки. Стоят открытые «Чайки», в которых дремлют под Вилли Токарева, развалившись на сиденьях, товарищи шоферы.

А вот и приемная советника при Президенте СССР Александра Николаевича Яковлева. Полно людей — то ли охрана, то ли референты и помощники, то ли шоферы. Они полностью поглощены телеком — идет очередной советский «боевик». На входящих — нуль внимания...

Три часа интервью с Яковлевым — он прекрасный собеседник, и, закрыв глаза, можно запросто представить себе, что мы просто сидим в каком-нибудь журналистском кафе и трепемся «за жисть» со старшим приятелем, которого знаем тысячу лет. Говорим о поколениях, о чувстве вины за судьбу страны... Легко и просто — словно каждый день к нему заглядываем.

А ведь событие-то неординарное: корреспонденты «Свободы» — в Кремле, на одном этаже с приемной Президента Союза, берут интервью у государственного советника по особым поручениям (или как он там теперь называется?). И он во время

этого интервью подходит к телефону, произносит: прости, мол, Миша, у меня сейчас тут товарищи со «Свободы», и продолжает с нами беседу. (Слова, может, были другими, но смысл таков — это точно.) Согласитесь, есть в этом свой журналистский шарм...

* * *

Следующая встреча — с Николаем Ивановичем Рыжковым на его нашумевшей даче — превратилась почти что в семейное чаепитие. И уж не знаю, какие темы не были затронуты за те пять часов. Бывший премьер теперь не у дел. Откупились от него этой дачей и забыли... Когда болел, никто из бывших «товарищей» даже не навестил его в больнице... И вот он с горечью говорит: «Где-то сейчас вроде бы подпольно собирается ЦК. А я и не знаю теперь, член ли я ЦК или нет...» Перед нами живой человек, обаятельный, общительный и обиженный (наверное, справедливо!) на Горбачева, на судьбу, на ЦК, на болезнь... И тогда подумалось: Господи, какое счастье, что в августе он уже был не у дел и никто не пытался впутать его в эту историю с путчем. А ведь произойти это могло запросто: мысли, высказанные им,— прогрессивно-перестроечные, но всетаки с ... большевистских позиций — уже немодны, но он не стесняется, говорит, что думает.

И жена его активно вступает в разговор. И это здорово. Мы шутим, смеемся — почти весело. Но за этим — одиночество и отрезанность, несмотря на все внешние бытовые удобства...

Как драматична судьба наших героев! Как драматична наша современная история...

* * *

И это лишний раз подтвердил разговор с Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе. 97 процентов сотрудников МИДа написали ему обращение с просьбой вернуться. И бывший первый дипломат страны грустно говорит: «Но мне никто даже не предложил этого официально». Еще одна человеческая трагедия — сколько же мы дров наломали! А потом он говорит по-грузински для грузинской редакции «Свободы», и мы внимательно за ним наблюдаем. У него очень выразительные глаза, в них еще одна колоссальная драма, понятная, быть может, больше ему самому и его близким,— он вынужден обращаться к своим соплеменникам на родном языке через американскую станцию, потому что на Родине объявлен врагом своего народа. Что он говорит? Призывает к терпению и терпимости? В Грузии его услышали — мне потом рассказывали...

Как все перемешалось!

* * *

21 октября прозвучал в эфире спектакль «Москва. Кремль. Час нулевой», в который вошли лишь крошечные кусочки наших бесед. Полностью они впереди — серия портретов людей из высшего эшелона власти. Беседы, в основе которых — жизненные, неподготовленные, провоцирующие на откровенность вопросы. И максимально честные, искренние ответы. Потому что иначе — стыдно. Кажется, это наконец поняли даже в Кремле...

■

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

В Москве Панич несколько раз заходил в нашу редакцию. Мы вспоминали, как слушали «Свободу» в августе, речь Панича в защиту плененного Горбачева. Вспоминали «Экслибрис»: «Москва — Петушки», «Четыре кружки мюнхенского пива», «Ковчег на двоих»... Казалось, что мы давние знакомые, ведь его голос слушали вечерами многие годы.

Юлиан Панич рассказывает: ***На «Свободе» мне все пришлось начинать сначала... Я был симпатичным, смазливым, и меня снимали в кино потому, что у меня были широкие скулы, вполне годящиеся для киногероя, и широко расставленные глаза. Когда меня подкрашивали в белый цвет, я вполне соответствовал клише того времени. Мои коллеги, я уж не знаю — друзья или недруги, придумали для меня такой сомнительный имидж — советский Жан Маре. Сейчас я понимаю, что приехал на Запад уродливым, ничего не понимающим, настырным и бестолковым совком...***

Через десять лет после успешного начала актерской карьеры Юлиан Панич получил запрет выступать с роликами из фильмов в 100 городах. Это называлось «минус сто». Запрет распространялся и на работу в театре. Повезло, устроился на Ленинградское ТВ, стал снимать фильмы. После Ленинграда Панич работал на ТВ в Москве. Работа на «корабле дураков» — так называли телевидение среди своих — продолжалась до 1971 года. Результат — три полостные операции и ранняя инвалидность. Паничу исполнилось сорок, управляющие от культуры с удовольствием поставили на нем жирный крест и назначили пенсию в сорок рублей — по рублю за каждый год жизни. С таким багажом приехал на Запад советский Жан Маре...

Юлиан Панич: ***Я начал работать на «Свободе» и в первые же дни прочел в эфир Нобелевскую лекцию Солженицына. Потом долгих 17 лет, кое-что почитывая из литературы, работал диктором.***

Сначала это было для меня просто ремеслом, позволявшим заработать на кусок хлеба. Я читал последние известия, разные заметки. Информация, с которой мне приходилось работать, оглушала... Мне уже было не до того, чтобы смотреть на себя со стороны. Оставалось только дело. Слово стало единственным моим оружием. Все мы в редакции радио «Свобода» по ходу событий в СССР менялись... Мы столкнулись с очень большими внутренними проблемами. Передача информации перестала быть основным направлением работы станции. Стала выходить литературная программа «Экслибрис». Я веду ее вместе с нашим редактором — писателем Сергеем Юрьененом. В «Экслибрисе» мы поставили «Москва — Петушки» — один из моих любимых радиоспектаклей. Там я сыграл главную свою роль. Я, конечно же, продолжаю играть, но теперь по-другому, с точным прицелом на слушателя. Для меня сейчас самое важное — понять, как каждому человеку нужно что-то прочесть. Слушатель у меня всегда конкретный. Это категорически отличает мою работу от работы советских дикторов. У нас не принято вещать, быть громкоговорителем. Хотя я и назвал себя как-то громкоговорителем, но в ином смысле — говорящим вслух то, о чем люди говорили у себя на кухнях. У нас нет массового слушателя — есть конкретные люди. Каждый из них имеет свой вкус, свое понятие о мире. Я не навязываю им свои. Самое главное в моей работе —

Жан Маре в ленинградском варианте, 1956 г.

искренность. Но не та искренность, с которой я делал карьеру в юности. То ведь была игра... Искренность — это колоссальная собранность, проникновение в материал, независимо от того, будет ли это концептуальная литература Владимира Сорокина или тяжелая, литая проза Владимира Маканина, сильная и мужественная литература Саши Кабакова. Для меня имеет огромное значение эстетическая сторона звучания станции. Важно не прокламировать, а демонстрировать свободу мысли интеллигентного человека. Свободу интонировать так, как мне кажется необходимым. На этом пути есть масса провалов. Были и удачи, когда появился западный опыт. Он учит относиться к человеку уважительно. Не призывать, не агитировать, а говорить почеловечески. Распахивая себя, разворачивая себя, демонстрировать страдания или радость другого человека.

Так уж сложилось, что человек, начинавший карьеру благодаря правильно расставленным глазам и сходству с чужой «звездой», через десять лет посвятил себя работе со словом — русским словом в чужой стране... Внутри радиостанции у меня, увы, нет конкурентов. Жду, что они появятся в России. Пока никто не пошел в этом направлении. Есть чтецы, дикторы, но это другое. Советское радио, по-моему, работает в литературно-драматическом вещании так же, как и 15—20 лет назад. Боюсь, что и нас, и союзные литературные передачи слушают в основном люди моего поколения, то есть уходящего... Мы с Сергеем Юрьененом пытаемся находить литературу, которая не может быть заглушена громом рок-музыки и ритмами хроникального радио, умными разговорами не знающих, что нужно делать, людей и бесконечными телефонными разговорами. Жалко, что нет конкуренции и не у кого поучиться... Мне давали какие-то советы, но любая боль проходит через собственный желудок, как правильно говорят испанцы... Я чувствую себя одиноким в своем жанре. Я слышал очень много западных радиопостановок. Как правило, это детективы. Жесткий, деловой сюжет. Там всегда очень точно воспроизводится стук дверей, звон стаканов... Немецкое радио еженедельно делает спектакли, которые разыгрываются актерами в пьесах, написанных для радио. Это детективы для бедных. Для слепых инвалидов...

У Юлиана Панича были в юности проблемы с языком. Он приехал с Украины и плохо владел русским. Отец определил его в кружок художественного слова. Там были прекрасные педагоги. Главным для них было внушить любовь к языку... То же пытается сегодня делать Панич.

Юлиан Панич: ***Во времена моей юности считалось, что мелодекламация — это пошло. Я и сейчас считаю, что это так. Но я обожаю чтение под музыку. Правда, принцип чтения у меня другой: я читаю технологически. Произношу текст так, как будто никакой музыки не будет, а потом слушаю и там, где необходимо усилить, подбираю музыку по принципу темпераментности текста. Это кинематографический принцип. Поэтому я нагло называю свои постановки кинорадиофильмом. Во мне же не погиб до конца кинорежиссер... В американском кино вы как будто не слышите музыки, ее микшируют. Она не иллюстрирует, но создает настроение, и вы даже не понимаете, почему это происходит. Конечно, всем этим можно заниматься только здесь. В отличие от моих советских коллег у меня есть прекрасная киномузыка. Я покупаю специальные пластинки, диски. Мой агент занимается поисками новых записей. К тому же я хорошо знаю кино. Мне было легко ставить Кабакова, ведь я посмотрел сотни фильмов и знал, что такое политическая фантастика. А от советской экранизации «Невозвращенца» Кабакову пришлось отречься... Сейчас мы делаем радиофильм «Ельцин — первый российский Президент». Это рассказ о плюсах и минусах этого человека. Самое главное в постановке — множество разных свидетельств, стенограммы октябрьского пленума ЦК, когда Ельцин выходил из Политбюро.***

Панич прочитал в эфир кабаковского «Сочинителя» за восемь часов до переворота. В романе рассказывается о путче, о покушении на президента, совершенном не для того, чтобы его убить, но чтобы сделать послушным...

Юлиан Панич: ***Многие сотрудники радиостанции «Свобода» 24 часа в сутки работают с информацией, поступающей из Союза. У меня нет города, где я живу. У меня нет хобби, хотя я неплохо рисую. Я ангажирован русской жизнью. Меня называют воркоголиком (от слова work — работа) — это очень плохо, я становлюсь во многом ограниченным... Но я счастлив, что имею телевизор с четырьмя советскими программами. Россия все время перед глазами. Я не нарушаю законов той страны, где мы с женой живем. Я прекрасно вожу машину. Я знаю, где и что нужно покупать. У меня есть приятели-немцы, с которыми я по-немецки провожу вечерок в пивном кабачке. У меня прекрасные соседи по дому. Раньше я очень хотел быть иностранцем. Ничего не получилось... Теперь моя русскость — это моя роскошь. Союз — моя личная жизнь. Я живу в западном обществе, но я не вписался туда... Я никогда не стану немцем, американцем, израильтянином... Не буду человеком, который скажет: «Наш канцлер Коль». Но я уже и не могу сказать: «Мои выборы президента России»... Изоляция дала свободу...***

А может, я освободился вообще по самому большому счету от всех политических предрассудков? Может, я гражданин мира, а может, просто сам по себе...

Ася КОЛОДИЖНЕР

Инна ШУЛЬЖЕНКО

ПТИЦА КУКУЛЬ, ИЛИ КИЦАЙ

«Художник, избранный природой, да святится имя твое. И палитра».
Катя Медведева

...волшебная флейта? стручок акации? тот самый, пиликающий на скрипке кузнечик? Не помню, где у Параджанова (в «Ашик-Керибе»? в одном из коллажей?) неземной, ясное дело, красоты мальчик дует в перламутровый рог океанической раковины...— такой вот приблизительно состав в этом оркестре. И она в нем не: композитор, дирижер, исполнитель, и даже не губы, выманивающие звук из белой ракушки, а: тот самый смычок, стручок, камышинка с дырочками, звучащая раковина, инструмент, приспособление, Катя, а вы...— А я что? А я ничего, раба Божья. Не мои это все заслуги.

В каждой жизни (частной / личной / общественной / государственной / внеземной, а может, и в потусторонней) есть, как известно, события обязательные и таковыми не являющиеся, проходные, события-связки, события-будни, события-фон. Сквозняки. (А в России еще есть события просто исторические и — «судьбоносные».) Так вот и в жизни искусства — я по-прежнему не чураюсь этих слов — тоже есть обязательные явления и могущие не быть вовсе. Возьму на себя приятную смелость утверждать, что творчество художника Кати Медведевой — из первой категории. (Внук Саша: «Что такое «категория»?» Катя, долго и честно: «1-й сорт, 2-й сорт...» Саша: «Нет, ба, категория — это «Катино горе».) Сейчас, уже зная эти картины и мечтая о будущих ее работах, трудно представить себе такой пробел, представить, что она могла ведь так и не зарисовать, обездолив своих зрителей на целый мир добра и благости. Может быть, именно потому, промучив ее почти 40 лет календарной жизни (живописать которую не берусь, боюсь, не очерк получится — житие), искушая, проверял, и все же — НА! — доверил Он ей этот дар: проявляются на холстах сюжеты, и лица, и звуки, и сны, и бессонница птицы Сирин, будто бы сама Катя и не художник вовсе, а реставратор, не наносит, а смывает слой за слоем наслоения со всегда существовавших белых стен.

И уже лично, лично, лично меня интересует вот что: КАК, каким образом, прожив такую жизнь, выжив просто ВОПРЕКИ всему — сиротству, бездомью, безденежью, обману, хамству власть имущих холопов, вопреки унижениям и испытаниям не для слабонервных и тонких натур,— словно неугасимую лампаду, удалось ей сохранить этот свет, эту ласку к миру, эту любовь и благодарность к жизни, к своей собственной, ее жизни?.. И вот на этот мой торжественный и предполагающий высокопарность ответа вопрос скромность Катина (не моя, мол, в том заслуга) в лучших российских традициях оборачивается юродством: «А ты запиши». «Пишу». «Нас ..., а мы крепчаем». Я записала.

Случится страшное, несправедливое горе в жизни — и даже самый смиренный, самый верующий человек на мгновение забудет о смирении, усомнится. Случится в твоей жизни чудо — так, откуда ни возьмись, ни за какие ни за заслуги тебе, ленивому и злому (как вот мне — ее работы),— и самый отъявленный атеист и реаниматолог на мгновение усомнится в своем неверии. Узнав Катю, я поверила.

«В течение года ты будешь наблюдать над природой и трудовой деятельностью человека. ВСЕ, что ты увидишь во время наблюдений, записывай в этот дневник. ЗАПОМНИ, ЗАПИСЫВАТЬ НАДО ТОЛЬКО ТО, ЧТО ТЫ НАБЛЮДАЛ САМ» — таким вот ценным советом предваряется 14-е издание пособия для учащихся 2-го класса трехлетней начальной школы, «Дневник наблюдений», с подарочным экземпляром которого я пришла к Кате Медведевой. «Вот мои вопросы»,— сказала я. «А вот мои ответы»,— сказала Катя, и поверх новехонького «Дневника наблюдений» легла истерзанная копия «Дневника художницы» («Как живу, так и рисую», 1984—1987 гг.).

«И немедленно выпил».

«11. Собери несколько опавших листьев. Прикрепи их на плотную бумагу. Один лист обведи и раскрась».

— Родители мои были почти нищие, но они дали мне богатую духовную основу жизни. Они умерли, когда мне было 9 лет. Дальше я семь лет жила в детдоме. Они говорили: «Катя, не воруй и не завидуй, и будешь счастливым человеком». Они правы. Царство им небесное.

«34. Напиши, в каких работах ты принимал участие. ______________________

____

РАССКАЖИ ОБ ЭТОМ В КЛАССЕ».

— Я поменяла 25 профессий, пока стала художницей. Я такую жизнь прожила трудную, но такую интересную, что позавидуешь. (Из трудовой книжки: «г. р. 1937, воспитывалась в детском доме; обучалась в школе ФЗУ при текстильном комбинате, профессия — ткачиха; места работы: начальник Старобесовского отделения связи, Ульяновский трест ресторанов и кафе; торгово-кулинарное училище, направлена официанткой в ресторан «Аэропорт», переведена в ресторан «Космос»; культпросветучилище, художественный руководитель Сатинского СПТУ, Старая Ладога...») У меня за полгода бывает столько событий, как у других иногда за 5 лет.

«12. Понаблюдай за травами. Как они выглядят? Нарисуй, какими ты видел травы летом».

— Самобытных художников можно сравнить с полевыми цветами: их никто не поливает, никто не ухаживает, не лелеет. А они цветут. Как полевые цветы бессмертники — умирают, не умирая. Мне 46 лет, а у меня еще не было настоящей квартиры, я не имею ни зарплаты, ни мастерской. Все зимы я мерзну. Лучше жить и писать в холодной комнате, чем зависеть от людей с холодной душой.

Официальные художники — садовые цветы. За ними ухаживают, их оберегают, а толку нет, поцвели и завяли. Не понимаю я деления на самодеятельных художников и профессионалов. Самодеятельными художниками можно назвать тех людей, которые после работы немножечко рисуют, чтобы отвести душу. Художник, который всю свою жизнь отдает этому труду, не самодеятельный — самобытный. Рисуют в мире миллионы, а искусство делают единицы. Так было и будет.

Быть самим собой — значит иногда казаться и смешным, и неуклюжим. Искренним жить трудно. Искусство и любовь — это два больших порога, о которые разбиваются все слабые и продажные. Если человек продается (а говорит: «Жизнь заставила»), то окружающие его люди страдают больше, чем он. Мне кажется, все в жизни прекрасно — лишь бы от занятий одного человека не было вреда другому.

«25. Напиши даты, когда появляются новые листья у твоего растения.

Число _____. Месяц __________».

— Я понимаю Рождество Христово как радость родителей при рождении долгожданного ребенка. Когда моя дочь родила после всех страхов, была божественная радость. На свет появился внук мой Саша. Я никогда не видела ни одной беременной женщины, которая так бы торопилась стать матерью. Она именно торопилась, гладила живот, радовалась, что скоро появится сын или дочь. Тогда я уже писала ее с ребенком, представляемым, конечно. Когда она родила, я накупила свежих красок, холста и прямо на улице в селе Сатино в июне написала «Рождество Христово». Картина всем понравилась. Сейчас внуку моему Саше всего два годика, он кудрявый, как Пушкин. И все говорит: люблю, люблю... А дочери Ире — 23. И о любви уже не говорит.

А когда ему было полтора, очень любил «Курочку Рябу», которую я ему часто рассказывала на ночь. «Саша, как дедушка плачет?» «У-у-у!» «А бабушка?» «А бабушка картины пишет». Понятно, бабушке некогда плакать! Мне замуж некогда идти. И болеть негде. Я пишу картины, и это ли не прекрасно? Я не знаю, есть ли всеобщий Бог. Но своего я чувствую — Бога совести, чести, патриотизма. У меня свой Бог и своя вера. Я верю в свои силы в искусстве, и если эту веру можно связать с религией, то это прекрасно!

«24. Собирай плоды и семена растений (рябины, черемухи, бузины, лебеды, репейника, конопли) для подкормки птиц зимой. Не выбрасывай семена растений, плоды которых ты ешь (арбузов, дынь, кабачков, яблок, груш и другие). Подсуши их и сбереги для подкормки птиц зимой».

— Давно мы не варили мяса. Так хочется купить мяса много, масла, орехов грецких, меда. Питаемся с дочерью плохо, в основном сигареты курим. Уже шесть месяцев плохо питаемся. А работаем, как волы. Скорее бы раздолжиться со всеми, у кого занимала.

ЧТО КУПИТЬ, КОГДА ПОЯВЯТСЯ ДЕНЬГИ? Купить тюбики в «Детском мире». Сделать рамы для самых красивых картин.

У кого нет квартиры, тот везде и во всем виноват... Но писать картины — это волшебство в нашей реальной жизни. Как бы обыватель ни жил материально обеспеченным, ему все равно никто не завидует. А художнику...

Как освободиться от зависти? Если вы завидуете художнику, то купите ему набор самых лучших красок, кисть и приходите в гости. Когда вы увидите улыбку счастливых глаз художника, то ваше сердце растает, и будет между вами праздник. И чем больше гложет вашу душу зависть, тем больше делайте добра тому, кому завидуете. И энергия его счастья вытолкнет зависть из вашей души.

Раньше были меценаты. Сейчас их нет. А художники всегда были и всегда будут. Помогать им надо.

«28. Рассмотри насекомых. Подчеркни названия тех насекомых, которых ты видел

в сентябре: бабочка, жук, пчела, комар, муха;
в октябре: бабочка, жук, пчела, комар, муха;
в ноябре: бабочка, жук, пчела, комар, муха».

— Кисловодский художник Морев, он-то и открыл меня, и благословил на личность, потому что не стал меня учить, а сказал: «Рисуйте, что хотите и когда хотите. Учиться вам не надо». Он очень скромный и бескорыстный человек, я очень благодарна ему за то, что он вдохновлял меня, вселял уверенность, дарил краски, книги, кисти... Сейчас он живет в Москве.

Люблю откровенных, с ними легко и чисто на душе, как в избе с гостеприимными хозяевами.

Два дня я была в Калуге. Мне художник Сережа Морозов подарил краски масляные — самые красивые. Три тюбика церелиум — мечта, три кобальт светло-зеленый — чудо! Кобальт светло-зеленый холодный — это волшебный цвет! Белила, взбудораживающие любую краску! Кадмий красный темный и светлый... Спасибо, Сережа! Краска будет краской, пока она на палитре. На холсте она преображается в цвет. А Сережу я написала с женой и дочерью. Жена Рита с зеркалом, а Сережа, как бы отстраняя зеркало, смотрит в ее красивое лицо. Девочка выглядывает из-за мамы. Сирень кругом. Фон — капут мортум с белилами. Картина светлая, как пирожное розовое или Светлячок.

...Сегодня мне в дороге повезло, тьфу, не сглазить. От самого Дома творчества и до Ленинграда везло... Тяжелый был декабрь, дочь болела, а я сидела с внуком и писала картины. Весь мир Рождество празднует, а у нас скоро Новый год.

...Сегодня, наконец, я уезжаю из Поповки. Он меня не отпускал. Три раза я выезжала на вокзал с вещами, и он меня возвращал. Двенадцать лет я жила одна. Совместную жизнь — семь месяцев — я считаю за экзамен. Оказывается, я могу быть и хозяйкой, и женой, но, увы, не такого зверя, как этот, с кем живу.

Нет настроения рисовать, я даже не верю, что это я рисовала... Меня не радуют мои рисунки! Так мне жить больше нельзя, я не имею права. Птица Кукуль, или Кицай, не терпит неволи — самая красивая птица в мире.

...Жизнь продолжается (совместная).

Прибаутки О. В. Никитиной (она умерла в 84-м году).

Подруга милого отбила
И сказала: не сердись.
Повела бы лучше к речке
И сказала: утопись.

Милый мой, а я — твоя,
Куда хошь девай меня,
Сдай багаж на станцию
И потеряй квитанцию.

Картина: «Каждому городу — улицу художников».

«3. Поймай на рукав несколько снежинок и рассмотри их».

— Старая Ладога: для меня Старая Ладога — это все равно что церковь для верующего. / Живопись — это значит писать жизнь. / «КРАСОТА СПАСЕТ МИР» — я могу расписать на эту тему все стены в Комитете защиты мира! / Злой человек, когда его ставят на место, похож на быка, побежденного тореадором: злости много, а сил нет. / ...прекрасный поэт, красивый мужчина и удивительно мудрый человек,— и все это богатство в одном Викторе Александровиче Сосноре! / Тема для картины: "Это скорость. Это движение», написать железнодорожницу, как она обедает в электричке. Жилет оранжевый надет на одну руку.

«8. Подчеркни, что происходит раньше: видишь молнию или слышишь гром?»

— Если у меня рождается композиция, то я должна писать ее сразу. Напишу половину картины, покурю, посмотрю. Я пишу не с натуры, но при помощи натуры. Я пишу образ.

В 82-м году я писала портрет сына композитора Эдуарда Колмановского — Сашу. Это красивый, молодой и очень образованный человек, он играл классику на гитаре, а я писала его. К концу работы я говорю ему: «Саша, не знаю, почему, но получается египетский фараон». А он спрашивает меня: «А вы не думали о Египте, когда писали?» Я сказала, что нет, не думала. Тогда он сказал мне, что в последнее время с упоением читает о Египте. Я-то этого не знала.

Получился молодой египетский фараон с красной гитарой. Волшебные птицы сидели на гитаре и на его плечах.

Ко мне пришел Г. П. Губанов и рассказал, как одна художница видела, как Петров-Водкин упал в лесу в ландыши и лежал так.

Я воскликнула от радости: «Это же композиция!» Геннадий Павлович сказал: «А я вам специально подсказываю».

Я загорелась написать картину... Через два часа Петров-Водкин лежал на моем холсте в ландышах в Старой Ладоге! Как я рада, картина удалась! Он лежит в ландышах, руки за головой. Один рукав белый, другой — голубой. Красные штаны с латками на коленях. Фон — локальными кусками, синими, черными. Ландыши кругом.

Очень люблю «Обнаженку в черных чулках с красными бантами» — подвязками на ногах. Сидит женщина, немного наклонив голову. Какая женщина? Самая наивная, любящая, всем верит. Ее не раз обманывали, но она осталась чистой, без злобы. Красивая душа. Черные чулки написаны одним тоиндиго. Направо от головы как бы окно или книга с пейзажем Старой Ладоги. Вокруг головы фон сиренево-голубой. Я люблю эту картину, но она уже не моя.

«РАССКАЖИ ОБ ЭТОМ В КЛАССЕ».

— Об Андрее Рублеве мало литературы. А по иконам видно, какой душевной чистоты был человек, как Финист Ясный Сокол. Когда мне реставраторы рассказали, как иконописцы расписывали храмы, я была счастлива, что узнала это. Иконописцы, перед тем как писать фрески, постились: две недели не ели ничего скоромного, не пили, говорили только о красоте духовной, надевали чистые рубахи. И только тогда начинали творить. Мне сразу захотелось рисовать Рублева, каким я его представляю. Я вымыла полы в комнате, искупалась, причесалась, надела красивое платье. Появилось такое желание писать, как будто если не стану, то случится что-то плохое.

И с субботы на воскресенье я написала большую работу «Андрей Рублев, Иисус Христос и грешница».

Храмы, иконы, фрески создавали веками лучшие художники. Конечно, фанатизм в религии — это ужасно. Но когда люди идут в церковь и видят фрески Рублева Андрея, Дионисия, Даниила Черного, а вокруг красивое пение, треск горящих свечей, горят разных цветов лампады,— и все это зрелище само говорит человеку: «Будь лучше».

Из Библии нужно брать все, что полезно людям, и это будет не религия, а просто хороший совет, данный добрым человеком — Христом.

«12. Рассмотри почку и зарисуй ее».

— Я проста, потому что знаю свою силу. Некоторые люди простоту принимают за слабость и стараются унизить. Когда меня унижают — я не обижаюсь. Они хотят показать свое преимущество надо мной. Которого не имеют.

В Старую Ладогу приехали «Лицедеи». В их программе был такой номер: один артист импровизировал на трубе, другой говорил: «Кому не нравится, как он играет, может купить сырое яйцо и бросить в клоуна с трубой. Его зовут Джульетта». Работник милиции Кудряшов купил яйцо. Ему этот актер говорит: «А может, вам все-таки нравится, как «она» играет?» Он хотел предотвратить жестокость. Кудряшов сказал: «Нет». Со злостью милиционер бросил яйцо в лицо актеру. Он не попал, конечно, и очень разозлился. Видимо, он метил в лицо, чтобы унизить актера. Скажите, имеет ли право Кудряшов работать в милиции?! Я его возненавидела. Не знаю, как его зовут, и не хочу знать. Дальше артист объявил: «Кто хочет встать на место Джульетты, чтобы в него бросали яйца?» И дети побежали к сцене. Даже девочка пошла. А Кудряшов не пошел. Но вышел потом простой мужичок, купил яйцо и поднес Джульетте. И я поверила в добро сразу. Мужичок — простой, простой, а лицо светится.

Я хотела кричать, когда проходил этот номер, но подумала: посчитают за хулиганство...

«26. Напиши, когда в первый раз ты услыхал кваканье лягушки.

Число _____. Месяц __________».

— Хорошее дело стоит начать, как неожиданно появляются все атрибуты этого дела. Когда я начала рисовать, то мне одна модница подарила кисточку, которой наводят тени на глаза. Я привязала кисточку к палочке и стала делать композиции. А потом сами художники стали дарить мне кисти хорошие, и бумагу, и книги по искусству... Я очень благодарна им всем.

Самое главное — не утратить чувство первого взгляда.

ОГОНЁК

АЗ'АРТ

Катя Медведева

Катя МЕДВЕДЕВА.

Год рождения 1937.

Первый рисунок — 15.01.76.

Персональные выставки:

1977 — Кисловодск;
Старый Оскол;
село Голубино
(«самая ответственная выставка — в моем родном селе»).

1981 — Белгород; Москва (Всероссийский Дом народного творчества).

1983 — Москва, Коломенское.

1987 — Москва, выставочный зал на Якиманке (11 сентября — День Москвы).

1988 — Москва, выставочный зал «Эрмитаж».

1989 — Голландия, Амстердам; Германия, Дармштадт.

1990 — Москва, «Новая Третьяковка».

1991 — Германия, Нидер Ольн.

11 июня 1991 г.— первая в жизни собственная квартира в Москве («однокомнатный рай на Песчаной»).

Фото Г. БУЛАНОВА

«ОРАЙЕН ПИКЧЕРЗ» (США) «ИФЕКС» (США) «АРТ-ЛТД» (СССР)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

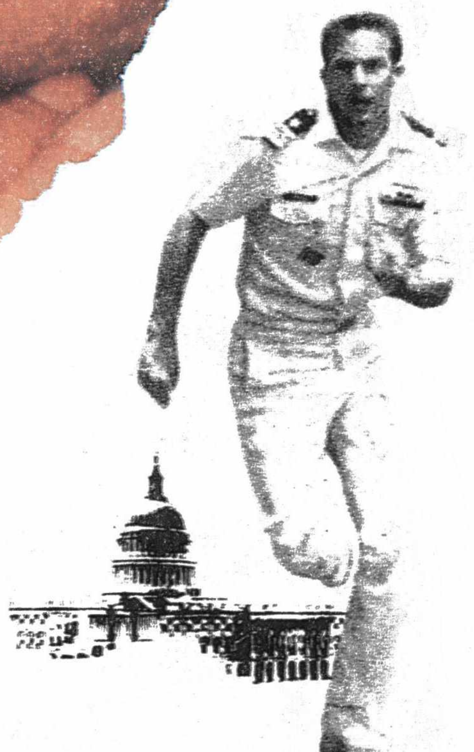
самую смешную комедию 1991 года (американскую на 100 процентов!)

«ОРАЙЕН ПИКЧЕРЗ» (США)
«ИФЕКС» (США)
«АРТ-ЛТД» (СССР)
ПРЕДСТАВЛЯЮТ
фильм

«НЕТ ВЫХОДА»

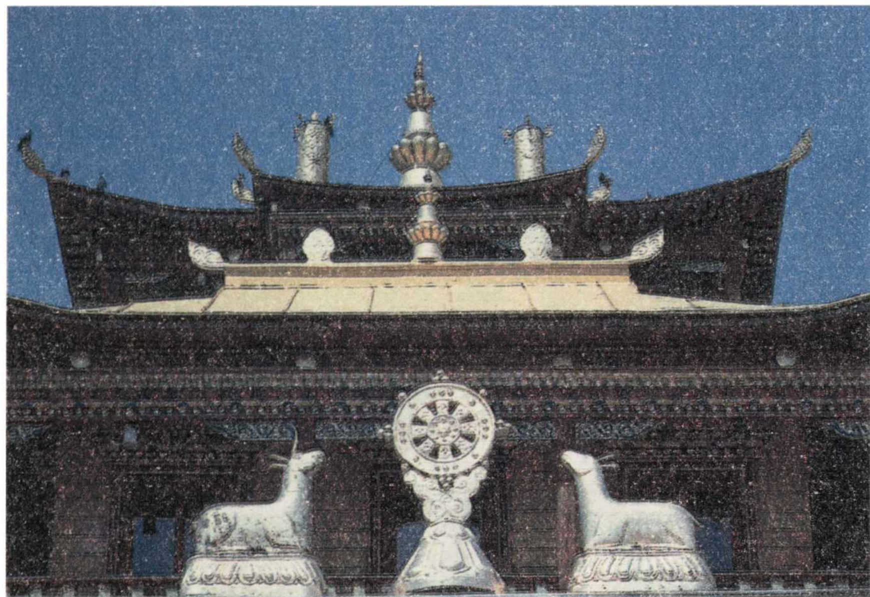
НОВАЯ ВЕРСИЯ ГОЛЛИВУДА: РУССКИЙ ШПИОН В ПЕНТАГОНЕ!

Вы увидите романтическую историю «любовного треугольника»: министр обороны США, капитан ВМФ и красавица Сюзи; примете участие вместе с героями любовного детектива в поисках русского шпиона Юрия в Пентагоне; оцените великолепную игру актеров, лауреатов премии «Оскар» — Кэвина Костнера, Джина Хэкмана и Син Янг.

ШКОЛА ЛАМ

ОГОНЁК

В бурятской степи городок этот замечаешь издали — отливающие золотом контуры буддийских храмов на дымчатом заднике голубых гор. Расположен он в двух-трех десятках километров от Улан-Удэ, а называют его коротко: дацан — церковь.

Возникший в Индии в шестом-пятом веках до нашей эры, буддизм волной распространился по Азии, а два с половиной века назад докатился и до России. Иволгинский дацан — центр буддизма в нашей стране. Стоит ли говорить, что подобно другим религиям в наших пределах последние 70 лет своей истории буддизм подвергался гонениям и жестоким преследованиям. Нет нужды перечислять беды и напасти, доставшиеся на долю тех, кто оставался верен своему духовному выбору. Отбыл свой срок в лагерях, как обыкновенный советский зек, и нынешний президент буддистов страны Хамба-лама Цибиков.

В дацане, несмотря на значительную удаленность от города и не слишком надежный транспорт, всегда людно. Одни пришли к церковной службе, другие — за помощью к лекарю, третьи — любопытства ради. Вращаются молельные барабаны под руками посетителей — твои чаяния будут услышаны. В главном храме — большом дугане — идет хурал Доншод — в честь рождения Будды, его просветления и достижения нирваны. Ламы в вишнево-багряных одеждах, сидящие вдоль столов, читают молитвы. А рядом в малом дацане — учеба. Это школа лам, в которой обучаются 120 человек в возрасте от 16 до 40 лет.

— В нашей стране зарегистрировано 25 буддийских центров и общин, расположенных от Приморья до Невы,— говорит ректор школы лама Чой-Доржи Будаев.— Только в Бурятии будут открыты десятки восстановленных и новых храмов, для которых нужны служители. Ученики нашей школы — хувараки — изучают историю религии, буддийскую философию, тибетский язык, астрологию, медицину и ряд других важных дисциплин. Будущие ламы должны знать наизусть четыре священные книги. После трех лет учебы лучших из учеников планируем послать для продолжения обучения в другие страны.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ
фото автора

Владимир ПОТРЕСОВ

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ОБРАЗ ЮНОСТИ ОТОШЕДШЕЙ...

«Образ юности отошедшей, жизни шумной и вольной, ласковой сутолоки, любви, надежд, успехов и меланхолий, веселья и стремления — это ты, Арбат»,— писал о любезной его сердцу «Улице Св. Николая» писатель Борис Зайцев. Не смея сравнивать себя с основательно забытым, а затем вновь обретенным родиной литератором, считаю эти слова своими в том смысле, что готов подписаться под ними, не претендуя, естественно, на авторское право, поскольку провел этот отошедший период жизни шумной и вольной на Арбате пятидесятых — шестидесятых годов, когда еще каким-то непостижимым образом сохранялись в достаточном количестве своем те старые особнячки, возможно, и неказистые, но создававшие вместе с тенистыми, поросшими сиренью дворами ту неповторимую среду, которую, верно, и любим мы до сих пор.

Жили мы на Большой Молчановке, номер двадцать. Когда-то дом этот принадлежал Глебовым-Стрешневым. В нижнем зале, сплошь застроенном разными комнатами и комнатенками, сохранялись еще кое-где деревянные дубовые стенные панели и остатки стеклянного плафона. Рассказывали, что в зале этом танцевала императрица Мария Федоровна. Друг нашей семьи известный детский писатель Сергей Михайлович Голицын вспоминал, что первый бокал шампанского был пит им в этом доме в четырнадцатом году. Наша же коммунальная квартира, в которой проживало девять семей, члены коих приплясывали по утрам чечетку возле единственного туалета, находилась на втором этаже.

Здесь при Глебовых располагались гостевые покои. В одном из них, где в наше время проживала маникюрша Склянская, не раз останавливался, и даже надолго, Лев Николаевич Толстой. Жители это знали, однако тщательно скрывали, поскольку опасались, что дом, назначенный на слом еще в тридцать шестом по ветхости, сделают мемориальным и не снесут, а всем виделись уже отдельные квартирки в Черемушках или модном тогда Фили-Мазилово. Уверяли, что несомненные следы пребывания писателя в нашем доме находятся в Хамовническом музее великого графа: сапоги, которые Толстой пошил хозяину особняка, а также и некая ночная посуда, которую прозаик сам выносил по утрам, не утруждая глебовскую прислугу.

Из окна нашей комнаты, за крышами дровяных сараев — тогда отопление в доме было печное, хотя партия уже торжественно объявила о скором наступлении приятного светлого будущего,— напротив, через Малую Молчановку, виднелся обычный московский особнячок с мезонином. В мезонине этом, тесно и густо населенном, жил замечательный книжный художник Каджак. Помню, что наверх вела узкая и крутая деревянная лестница. Вскоре Каджака, как и всех прочих жильцов этого дома, выселили и сделали музей Лермонтова. А рядом влачил последние свои дни особнячок, в котором жила некогда Варенька Лопухина, сыгравшая очевидную роль в творчестве поэта.

Я мог бы с занудливым усердием, достойным лучшего применения, перечислить всех тех наших великих, гениальных, значительных, известных и малоизвестных литераторов, художников, музыкантов, других деятелей культуры, чьи жизнь и творчество так или иначе были связаны с Арбатом.

Но не буду. Во-первых, это неинтересно, во-вторых, можно найти в разных источниках, а в-третьих, не является предметом этого очерка. Достаточно, на мой взгляд, и некоторых примеров. А примеры такие. Как-то, уже в начале восьмидесятых, мне довелось побывать в доме по Борисоглебскому переулку, ныне улица Писемского. Дом был выселен, жила в нем лишь одна Надежда Ивановна Катаева-Лыткина. Выгнать ее пытались в общем-то обычными для нашей страны методами: отключали зимой отопление, газ, свет, просто пугали. Несколько раз Катаева-Лыткина вставала на пути бульдозера, поднявшего ковш на этот дом.

Но Надежда Ивановна ничего не боялась: медсестрой она прошла войну, а после этого, видимо, ничего уж не может быть страшно. Охраняла она дом в Борисоглебском, где когда-то жила семья Цветаевых и где голодная, замерзшая поэтесса творила, растила дочь и прятала скрывавшихся «белых» офицеров.

А до этого еще выплыли и по-новому зазвучали переосмысленные в произведении Булгакова и Массолит, и Патриаршие пруды, и где-то здесь, узнаваемо, дом застройщика, сирень, полуподвал, в котором жил Мастер.

Я никогда не участвовал в спорах о первичности Материи и Духа, считая эти категории вечными, не способными существовать в отрыве друг от друга, в соприкосновениях которых возникают новые качества. То же самое можно сказать и о Духе места — некоторой нравственной категории, которая либо есть, либо нет.

Мне представляется, что тот Дух, что простер свои крылья над Арбатом, сейчас растаял. Ведь, уничтожая по малости кусочки того старого, прелестного Арбата, мы разрушали его плоть, и, видимо, в определенный момент этот про-

Фото А. ПОТРЕСОВА

цесс стал необратимым. Это мне напоминает ту притчу, где ставится вопрос, когда, выдергивая у человека по волоску, его можно назвать наконец лысым.

Все началось с того, что, как-то вернувшись домой осенью, я увидел нашу улицу, покрытую асфальтом. Вскоре отремонтировали и знаменитый ресторан «Прага». Вот тогда на Молчановке во время многочисленных приемов стали появляться огромные кортежи дипломатических машин со всего света, зрелище по тем временам необычное. В одном из арбатских переулков вдруг появилось строго геометрическое здание из желтого кирпича, простое и элегантное, явно специального, как тогда говорили, назначения. Трудно было представить, что этими желтыми коробками утыкают всю Москву, а с особым усердием — Арбат. Видно, у тех людей, которые давали распоряжения о сносе целых кварталов старинных особняков для постройки очередного прямоугольника, в котором собирались жить сами, не хватало широты и фантазии, чтобы отремонтировать особняк и поселиться в нем. А может, надо было соблюдать видимость демократии: кому нравится жить в Бескудникове или Капотне, а кому на Арбате. И внешне дома похожи — прямоугольник и есть прямоугольник.

Любопытно, что как раз примерно в это время Арбат воспел в самом прямом смысле слова Булат Окуджава, не ведая, что создал определенный «пре-

стижный имидж» району, что, предлагая живописцам окунуть кисти «в суету дворов арбатских», привлек сюда вовсе не художников, а многочисленную околохудожественную толпу, которая быстро расправилась с прелестями арбатских дворов, превратив их в банальный аттракцион.

В шестидесятые редко выходило произведение о Москве, где действие прямо или косвенно не развивалось бы на Арбате. Литераторы с какой-то плотоядной жадностью накинулись на сильно поредевшие, покрытые асфальтом дворики, кинематографисты снимали тополя на Плющихе в Кривоарбатском переулке, в театрах рассказывали сказки Старого Арбата. Все это напоминало тотальную распродажу.

Конечно же, строительство проспекта Калинина, или, как тогда называли,

Нового Арбата, прямо-таки потрясло москвичей. Ведь с лица города исчезли такие понятия, как Собачья площадка, Кречетниковский, Новинский переулки. Все примыкающие улицы, да и сам Арбат, превратились в задворки нового проспекта.

Правда, строители очень гордились тем, что восстановили церковь Симеона Столпника, открывающую новоарбатскую перспективу, хотя и здесь им не хватило тогда широты и фантазии установить на храм кресты и открыть его для прихожан: ограничились постоянно действующей выставкой «Природа и фантазия». Хорошо, что у природы она пока еще есть.

Однако несравненно худшим действием оказалось превращение Арбата в пешеходную зону. Хоть и давал себе слово удержаться, не могу молчать — ведь это была гибель символа, символа Духа этого места, его Гения! Мало кто из читателей знает, как собственно появилась идея сделать Арбат пешеходным.

Когда-то Институт генплана Москвы разработал проект создания в Москве пешеходных зон, включая арбатскую. Естественно, никто к этому серьезно, кроме разработчиков, которые получали зарплату, не относился. А тут одно важное ведомство решило в заповедной зоне, на Арбатской площади, построить себе небольшой домик, который, правда, слопал потом один из вестибюлей станции метро. Так вот к этому домику надо было тянуть коммуникации. Клали их под Арбатом, а когда положили — выяснилось, что они запросто могут повредиться от автомобильного движения. Вот тут-то и вспомнили о пешеходном проекте...

«Ты, Арбат, и шумел, и веселился, богател и беззаботничал — ты поплатился. По тебе прошли метели страшные, размыли тебя и замертвили, выели все тротуары твои, омрачили, холоду нагнали по домам, тифом, холодом, голодом, казнями пронеслись по жителям твоим, и многих разметали вдаль».

Не знаю, за что поплатились наши современники, ведь и не беззаботничали и совсем уж не богатели — всю жизнь прожили в арбатских коммуналках.

Повинен ли Арбат в своей второй смерти, смерти нравственной, где поэты читают на продажу собственные стихи, художники мучаются, укрощая свой талант, чтобы творить на потребу покупателю, а Дух, Гений места, должен плясать наподобие балаганного мишки?

Вот он и улетел отсюда.

Вернется ли когда?

Не знаю, пока маловероятно.

Наталья **ВАНХАНЕН**

ПРЕКРАСНАЯ ЭПОХА

Московская поэтесса Наталья Ванханен известна своими переводами из испанской и латиноамериканской поэзии. Первый и пока единственный сборник ее стихотворений «Дневной месяц» издан за счет средств автора мизерным тиражом, так что приобрести его достаточно трудно. Сегодня мы хотим познакомить вас с некоторыми стихотворениями из этой редкой и значительной, на наш взгляд, книги.

Отдел литературы

* * *

В Германии — замок на горке,
в Британии — город и сад,
в России прекрасны задворки
и вечно неблазен фасад.

И краска с него облетает,
чуть зной или дождик полил:
то сурика в ней не хватает,
а то не хватает белил.

Зато за уборной и грядкой,
пролитый с небес невзначай,
настой до забвения сладкий —
ромашка, лопух, иван-чай.

Лишь этот любовный напиток
нас накрепко держит всерьез,
как держит сияющий слиток
реликтовых странных стрекоз.

* * *

Жуковский Василий Андреич
на что был смешной человек:
он думал, что хлипкий царевич
такой же, как мы, человек.

Надел ему «кролик под котик»
и плотно приладил башлык,
завел ему «Козлик и котик»,
а мы б завели грузовик.

Под святки навстречу потехам
нарядный возок полетел.
А наш грузовик не поехал,
но громче других тарахтел.

А в бодром гуденье мотора
ни плач, ни пальба не слышны,
и утро настанет не скоро,
и ночи отменно темны.

И в путь собираясь обратный,
Жуковский из гроба встает.
Ему грузовик непонятный
спокойно поспать не дает.

Куда он спешит, беспокоясь?
И в сердце, и в мыслях одно:
зачем государственный поезд
задержан на станции Дно?..

Потом, непредвиденно смело,
в шлафроке седой грамотей
все реял над местом расстрела,
жалея убитых детей.

И, встретив их светлой улыбкой,
повел в крупнозвездную тьму...
Мы эту слепую ошибку
с трудом извиняем ему.

* * *

Она была из тех прекрасных женщин,
которым ясно, что имеет память
большую власть над сердцем невеселым,
а радостному сердцу — не обуза.
Вот почему она смеялась часто
и раскрывала форточки и рамы,
и покупала флоксы и герани,
и заводила дружбы и знакомства.

Вот почему ее мы вспоминаем
не в грустный час дождливого заката,
а светлым утром осени веселой,
когда легко звенят на кленах листья.
Вот почему мы не глядим понуро
и тень ее встречаем, улыбаясь
улыбкою, с какой смотрели в детстве
цветные книжки о заморских странах.

* * *

Никого не спасти, даже клена,
даже ветки на нашем пути,
безоглядно, смиренно, влюбленно —
все равно никого не спасти.

И дрожим над огнями под вечер,
и проталинкой радуем взор,
прикрывая ладонями свечи
и дыша на морозный узор.

Для души корвалол или вотчал,
а не то телевизор включи.
Древний звательный — Боже и Отче —
словно лепет младенца в ночи.

И как тот, золотой и двуглавый,
без вниманья к зовущим навзрыд,
светлый голубь небесной державы
равнодушно над нами парит.

LA BELLE EPOQUE

У скрипок ведущая тема,
такая, что грусть — на виду.
Японский цветок хризантема
в апухтинском сохнет саду.
«Ни слова, о друг мой, ни вздоха» —
беззвучно садится на мель
красивая эта эпоха
с французским эпитетом «belle».
Что польза! Не видно в ней прока.
Излишнее — в этом успех.
Здесь святость с оттенком порока,
но как привлекателен грех!
Горят аметисты на вдовах,
томленье в сердцах разлито.
Закатов настолько лиловых
не сыщешь ни после, ни до.
Пора потакания моде
на самоубийства вдвоем,
а правильный профиль при входе
все четче отточен дождем.
На холоде дымчатой глыбы
все тоньше улыбки камей,
в прическе все круче изгибы
причудливых каменных змей.
Мозаика ставит под крышей
изломанных лилий букет,
и сыплются маки все тише
на хитрофигурный паркет.
И чем это кончиться может
на самой высокой из нот?..
А время — старó! — подытожит
и струны на скрипке порвет,
чтоб жить в молодеющем мире,
где Шехтель, построивший дом,
умрет в коммунальной квартире.
Но это уже о другом.

МОЛИТВА

Сейчас, когда в больших городах
выстраивается очередь за последними помидорами,
когда на прилавках уже бывает сахарный песок
и, того гляди, появится рафинад,
когда, хорошо поработав во внерабочее время,
уже можно купить варенки
и вот-вот можно будет приобрести нужную книгу,
когда нам известна вся, почти совсем, совсем без утаек,
правда о прошлом
и ничего — о будущем,
когда евреям уже все можно,
а армянам вот-вот разрешат
выехать в Австралию,
откуда их вздохи о навеки утраченном Арарате
с обветшалой Ноевой ладьей на полысевшем склоне
станут еще продолжительней
и где добрые кенгуру научатся выращивать для них
синие бадриджаны
и разносить по домам свежий мацони,
сегодня, когда арийцы всех мастей
полосуются между собой
и уже почти точно доказано,
что Иуда был евреем,
а Иисус Христос — нашим,
когда журналисты пишут все откровеннее,
а поэты все непонятнее,
продолжая время от времени
баллотироваться на вакантное место
Властителя Дум,
когда Общество охраны памятников истории и культуры,
ВООПИиК,
настаивает на полной вырубке столетних лип,
угрожающих фундаменту последнего в этом квартале
особняка времен А. С. Пушкина —
большого любителя зеленых насаждений —
во-о-он он: притулился в тени панельного дома,
а СУ-115
требует немедленного сноса того же нежилого строения,
когда старый яблоневый сад,
разбитый руками первых пионеров
на месте братского корпуса монастыря,
снесенного в рекордно короткие сроки,
за один воскресник сведен детьми последней пятилетки
под корень,
а на его месте, на гладком асфальтовом пятаке,
воздвигнуто светлое здание школьного бассейна,
когда рощи и перелески
умирают сами собой,
а вместо них раскидываются новые зеленые или жилые
массивы,—
Отче наш, свет предвечерний,
помилуй нас!
Мы здесь,
в голубой осенней траве,
у твоих ног,
у ног этих огромных черных деревьев.
Смилуйся,
наклонись к нам,
дай услышать твой голос,
голос воды
о край эмалированного ведерка,
где на выщербленной эмали
дрожит твоя, нещербленая,
и холодный красный закат переливается через край,
прямо на ноги,
на непромокаемые толстые туфли
с тяжелым рантом из глины и налипших листьев
с запахом прели и яблок,
и ты, Отче наш,
здесь, в ведерке,
и там, в черноте стволов —
узенький
светящийся срез
детского ноготка,
Отче месяц,
да святится имя твое,
да приидет царствие твое,
да будет воля твоя,
яко на небеси
и на земли.
Аминь.
Аминь.

КОГДА МЫ БЫЛИ МОДЕЛЯМИ!

Фото Владимира МАШАТИНА

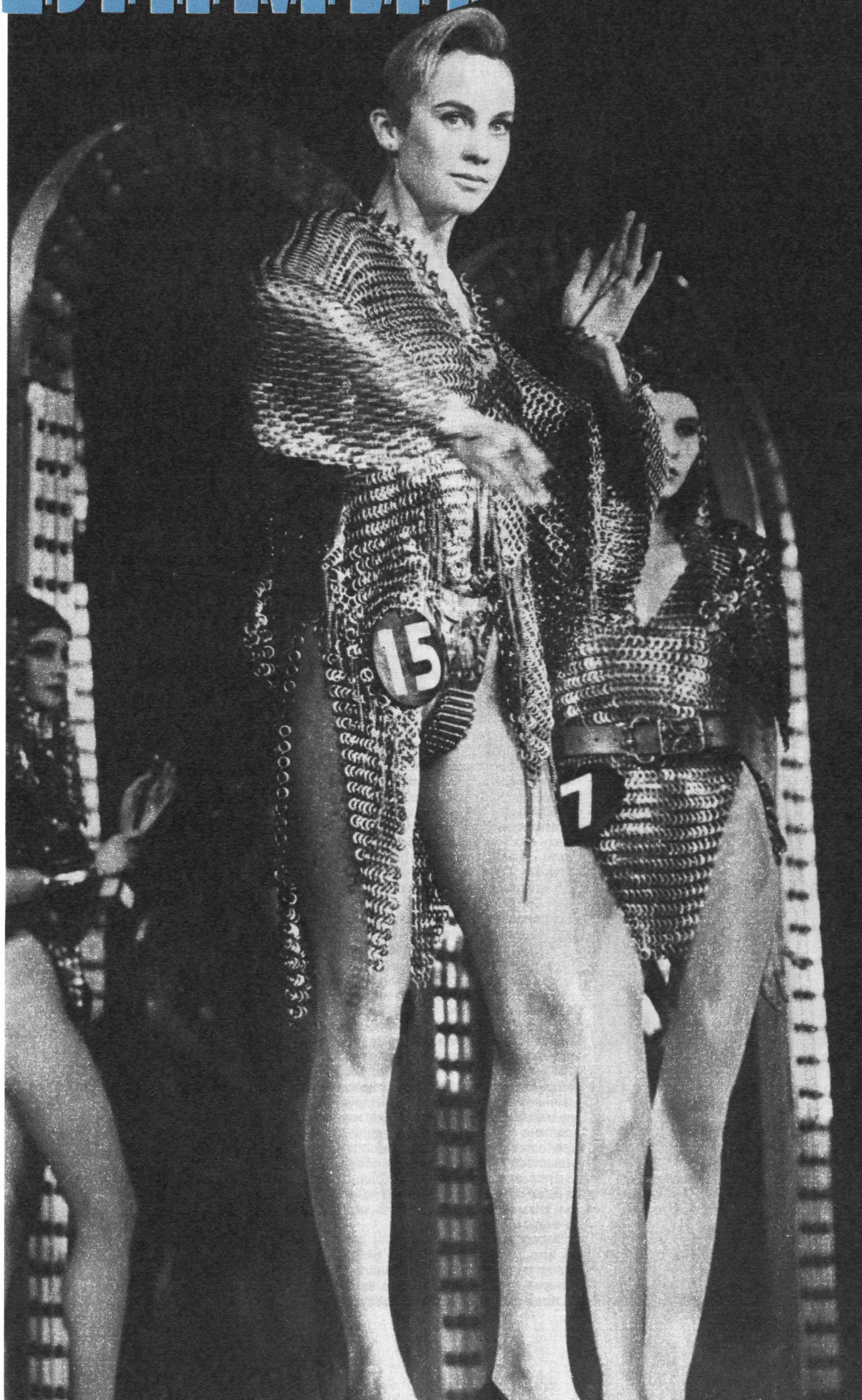
Нина ЧУГУНОВА

«При съемке в интерьере уместно неглиже. Вид — вызывающий и страстный».

Из Десяти принципов фотографирования очаровательниц. Германия, 30-е годы.

«Она так хороша, что это надо скрывать».

Энгр.

— А какая она?

— Да так. Она из Нижнего Новгорода.

— А какая она?

— Да ну, как сказать. Когда она вся смытая вышла, то ну просто такая. Ну, не знаю!

— Супер?

— Да какой там супер! Там у них заранее все уж было распределено.

— Ноги длинные?

— Ноги у нее обыкновенные, вот что странно.

В Москве прошел профессиональный конкурс «Супермодель СССР-92» в рамках конкурса «Супермодель мира», который ежегодно проводит ведущее мировое агентство «Форд модела». Из пресс-релиза: «Семья Фордов ищет не просто красивые лица и фигуры, они ищут звезд модельного бизнеса... В 1946 году Айлин Форд работала секретарем у двух своих подруг-моделей, позже представилась возможность открыть свое дело. Время было выбрано правильное, так как денег не хватало, а у Айлин в скором времени должен был родиться ребенок. Год спустя в агентстве Фордов уже были 22 лучшие модели Нью-Йорка... Девушка должна быть идеально сложена. Но есть еще что-то... Айлин Форд называет это экстра-фактором. Это необыкновенный, неосознанный шарм... Из этого агентства вышли такие звезды Голливуда, как Брук Шилдс, Шери Беллафонте-Харпер, Джейн Фонда, Мод Адамс, Лорен Хютон.

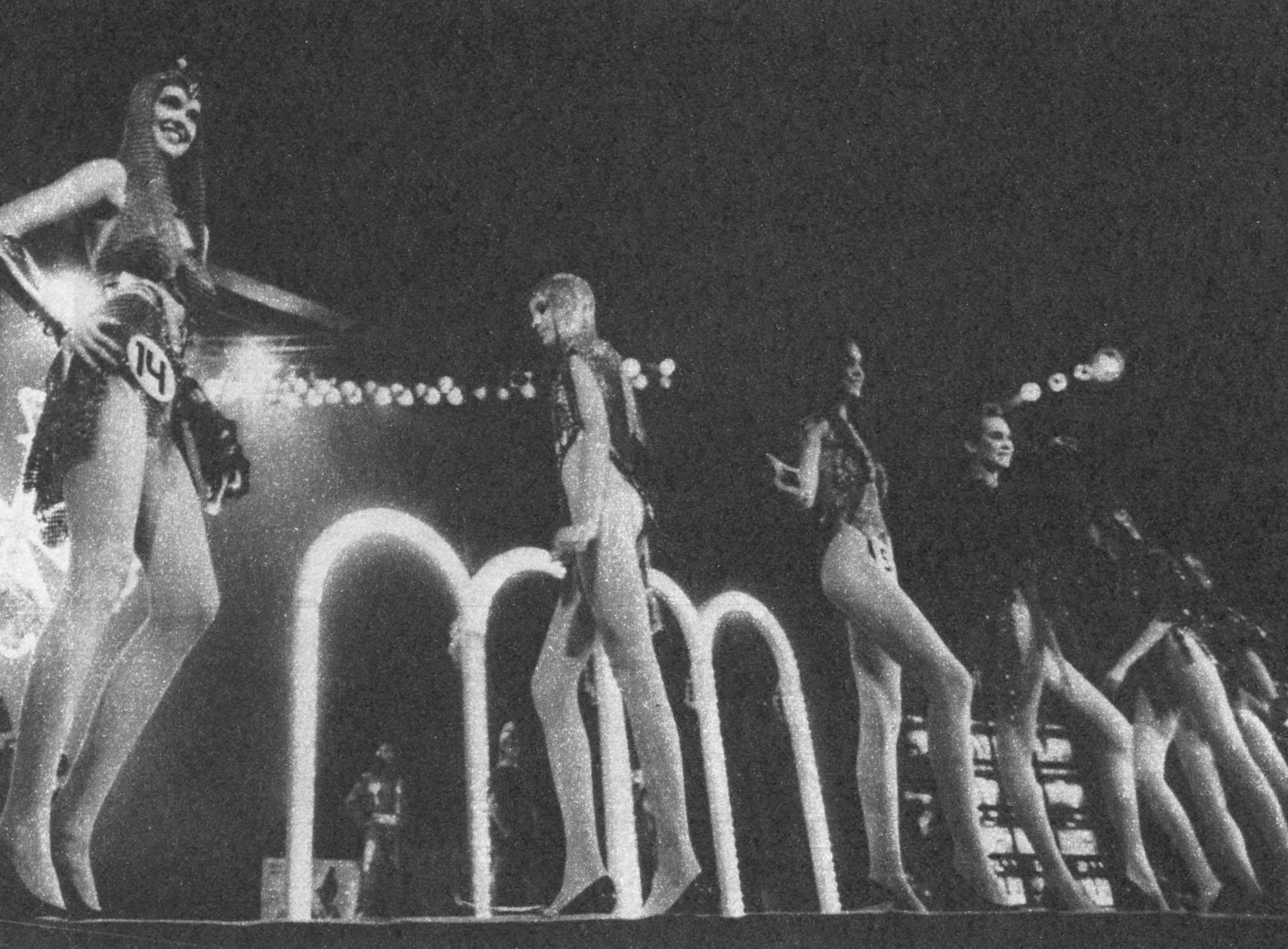
Конкурс «Супермодель мира», который ранее назывался «Лицо 80-х», был начат в сентябре 1980-го в Монте-Карло. Главный приз — контракт на 250 тысяч долларов с агентством «Форд модела». Модель получает больше, чем контракт,— она имеет возможность сниматься на обложках ведущих журналов мод и заключать контракты с косметическими фирмами.

...Вдали от папиной апельсиновой плантации Селлия Форнер — супермодель-87 делит свое время между Парижем и Нью-Йорком. Ее лицо появляется на обложках журналов.

Победительницей конкурса 1990 года стала Аннелис Суберт, 18-летняя жительница Австралии... Айлин Форд говорит: «Никогда не знаешь, на какой автобусной остановке, пляже или танцплощадке ее найдешь. Но будьте уверены, мы ищем ее».

...Форды всегда рассматривают свои модели, как собственных детей».

Итак, по всей видимости, на этот раз вполне прилично, без участия бывших

вет в твоем мире. Это твои улицы. Твой Париж, его не надо подделывать! (Этим занимался еще несравненный фотограф Атже, он свою модель ставил у парадного и долго-долго боролся с аппаратом — выдержка? экспозиция? — и получалось, что она выпархивает из парадного, на ходу несмело или гневно взглянув на некоего Атже.) Твой Париж да как бы не твой.

Почти китайское по таинственности и филигранности искусство имитировать перенасыщенную солнцем и наслаждениями жизнь.

Мы начиная с тридцатых любили «красивую» фотографию больше, чем жизнь, по той единственной причине, что там, на заднем плане, мы как бы читались. Понятно? Это был наш Париж. Понятно? Сверкающий мир утомленного солнца был живой, он существовал на самом деле, мы там как бы прошли минуту назад.

Никто не мог так пересказывать историю о тыкве-колеснице и мышах, обратившихся в дворецких, как это всегда могла фотография.

Впрочем, какие это мы? Нас не было на том поле чудес. И мы служили фоном другим героям. Там, стоя плечом к плечу, мы грубыми или нежными голосами пионеров пели гимн натруженным рукам. Рекламной фотографии не существовало. Но шло торжественное шествие плакатной фотографии. Там мы, женщины, все сразу были матерями и прижимали к себе, тревожась за судьбу мира, как бы свое блондинистое дитя. Муж рядом стоял, почему-то в каске воина-освободителя. Брат был инженер и носил очки, виновато улыбаясь от кульмана. Подруг

Признайтесь, и вы, бывало, хотели ослепнуть, чтобы увидеть в гипсовых ваяниях пионерских парков красоту музейных богинь античности, знакомую нашему провинциальному детству лишь по иллюстрациям в учебниках истории. Не эта ли слепота возглавляет нынче жюри многочисленных конкурсов красоты, прокатившихся от Москвы до самых до окраин?

Фото Павла МАРКИНА

комсомольских лидеров, то есть без легкого перегара, который вдруг стал исходить от наших конкурсов красоты фигуры целиком и по частям.

Они, Форды, ищут экстра-фактор. Что-то «неосознанное».

Они его находят у нас. В Прибалтике. В Средней Азии. Но главное, в Нижнем, как бы вчера для них открытом.

...Они выводят пятнадцать девушек, сперва принарядив их в красный бархат наподобие ритуального, потом заковав в кольчуги. В промежутках поет сначала Понаровская. Двигаются девушки немного. Время тянется медленно. Во всех воротах стоят «алексы».

— А какое ощущение при этом?

— Очень хочется есть.

(Это разговор между коллегами-журналистами. Потом накормили и напоили.)

В 1849 году обозреватель филадельфийской «Нэшнл газетт» настрочил, захлебываясь: «...не смогут почки на деревьях набухнуть, не сможет цветок разбросать семена и гордый овощ пустить побеги, садовник не сможет убежать с богатой наследницей или святой отец совершить богохульственный поступок без того, чтобы **честный и официальный** дагерротип не поведал бы об этом всему миру». Пророк! Ясновидец! Это через десять лет после дагеррова открытия.

Через сто лет фотография давно уж была в цепких объятиях **красоты**. В 30-е заказ на снимок «как в жизни» мог означать только заказ на ретушированный отпечаток.

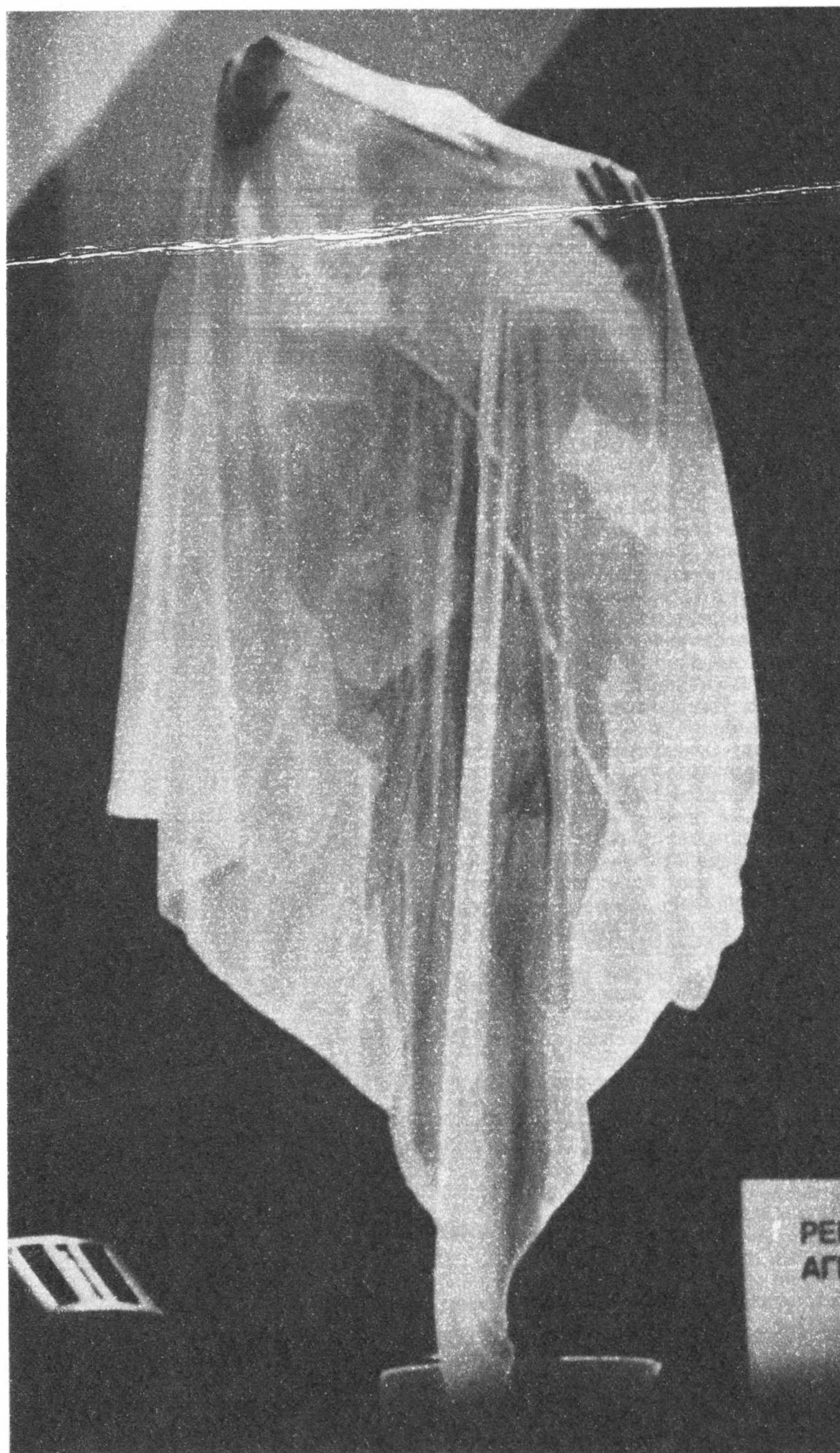
С тех пор мы так и живем, требуя правды, отворачиваясь от нее и заворачиваясь с головой в модные журналы, требуя все новых и новых лиц, моделей, объемов. Твигги, субтильный идеал 60-х, сменяет пышное создание. Вдруг мода на малаек. В Париже сенсация: женщина должна быть тучной. Забредили Монро (ее вознесение к славе, как известно, началось с календаря для солдат)...

Это мир волшебный, странный. Но я имею в виду лишь тот, что получается на снимках. Исключительно его имею в виду.

Я люблю его!

Там... жизнь ускользает от взгляда, успев себя всю выказать, она проходит блесной, как сказал кто-то великий.

Красивая совершенная девушка жи-

был десяток, но они шли с подойниками от фермы, хохоча от анекдота, рассказанного фотографом, чтоб не заморозить коленки, поскольку фотограф велел ватные брюки из-под халатов снять... Сколько можно об этом?

Как нам доставалась такая съемка, один Господь свидетель.

Ни тайной, ни явной, ни настоящей, ни поддельной счастливой жизни мы не знали. Не знали той, что изнывает от полноты.., вот, вот когда начинает мелькать, просверкивать на лицах неосознанное!

Мы камнем замирали на свадьбах. И так же честно и натужно выглядели манекенщицы в наших журналах (что я, лать из настоящих вещей, не говоря о том, что папина апельсиновая плантация странным образом влияет на безмятежный взор модели. Хотя есть и чудеса природы: Россия, Родина всегда чудесами изумляла иноземцев.

Поэтому девушку от нас увезут. Поэтому ее не заметил бы никто в городе, где ясные зорьки. Поэтому с девушкой будут много работать. «Мы ей сменим грим, подберем имидж». Ой! ИРИНА ХАРЛАМОВА, 18 ЛЕТ, НИЖНИЙ НОВГОРОД! СССР!

Жизнь модели трудна. Труднее, чем кинозвезды, чем манекенщицы. Она во власти фотографов. Она обязана сохранять здоровье и благодушие. Она не смеет сорваться. Силы и нервы ее не но. Счастье, сытость, ожидание любви, любовь, счастливое замужество, попытка убрать волосы со лба — сверкающие или льющиеся тяжелой волной. Все это подделать нельзя, но из этого и создается сказка, этот фотоклип, этот край стола и край портьеры...

(Там, за портьерой, она живет среди нас, наших шикарных автомобилей. На пляже она сидит, склонясь почему-то над пишущей машинкой, а мимо пролетает, норовя прыгнуть в светло-изумрудный бассейн, загорелый мужчина, и она недовольна, потому что качнулся прозрачный бокал с лимончиком, вгрызшимся в край. Что это? Я не знаю. Я смотрю часами.)

Проклятая тетка-фотография, из-за графии меня!» «Я вас слишком мало знаю»,— был громовой ответ. Мадам пригласила невежу на ужин. Это похоже на притчу.

Постойте, не в «Вог» ли прославился фотограф — внук основателя марксизма? Морис, Морис... Фамилию забыла.

Мы пренебрегали жизнью по частям, она по частям оставляла нас, пока на фотографии у Бога не осталось нарисованного моря, облезлой пальмы из пластика и наших веселеньких морд в прорези для человеческого лица.

Девушки на набережных наших курортных городов любят фотографироваться за белым столиком с кружевными зонтиками, на столе шампанское,

не помню: сумка при бедре, взгляд поздней кокетки).

Первые красавицы, выскочившие с магнитофонами наперевес в наших рекламных плакатах, поразили публику затравленным видом и югославскими блузонами, которые и теперь носит Москва, знаете, со зловещими цветами по всему полю.

Настоящую жизнь соорудить было не из чего. Манекенщицы организованно, как солдаты перед Зимним, бегут в едва открывшийся отель, чтобы позировать фотографу на фоне прилично оштукатуренной стены. За это отелю надо платить.

В том-то и дело, фокус злой в том, что невзаправдашнюю жизнь надо делать из настоящих... сдадут никогда. Съемки изнурительны. Режим дня, по всей видимости, жесток. Когда звезду делали из Кардинале, к ней, юной девушке, выхваченной из глазеющей толпы на каком-то, если не ошибаюсь, конкурсе красоты («Вот настоящая красота!» — воскликнул помощник и втащил Клаудию в круг), приставили тетку-надсмотрщика, которая кормила ее «яблочным пюре» и поила водой, а то «ноги считали толстыми». Но эти нравы — дело прошлое. Теперь — условия контракта, они заменят злую тетю.

Потому что фотографию на самом деле подделать нельзя. Красота должна быть не просто совершенна. Неосознанное должно проявляться неосознаннее, проницательной, разрозненные тома наших альбомов порой похожи на протокол дознания.

«Она так хороша...» — сказал Энгр. Он сказал это о фотографии!!!

Мы пренебрегали правдой так же, как пренебрегали сказкой.

Фотография могла нас научить искусству жить, а мы ее наняли в биографы, не допустив к архивам. У нее же оказался стервозный характер незамужней девушки в летах.

Когда Шанель в расцвете славы поссорилась с редакцией «Вог», она выбрала совсем неизвестного фотографа и позвонила ему. «Сделайте не просто фотографии красивого платья, но фотовиски, фрукты. После съемки фотограф отбирает зонтики, протирает шампанское, наливает нового чаю в «виски», деревянные фрукты переставляет иначе и следующего зовет.

Любят девушки также и вид вызывающий и страстный. Они устраиваются на камне, запрокинув голову, жмурясь в очках.

Потом они пьют вино «Анапа» из квасных бочек.

Мы очень чувствительны к красоте. И мы горды, да!

Жизнь супермодели нам знакома до боли.

Только нервы сдают. «Вот только потом рвет» (А. Вознесенский). Может, съели чего-нибудь?

СЕРВОИМПОРТ

в партнерстве с в/о "Союзснабимпорт" СССР

А/О Сервоимпорт

Сегодня это автомобили наиболее популярных и престижных европейских производителей на советском рынке.

Мы гарантируем Вам оптимальные варианты покупки с нашего консигнационного склада.

ВАШИ МАШИНЫ ЖДУТ ВАС.

VOLVO, OPEL, NISSAN, CITROEN.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕНЫ!

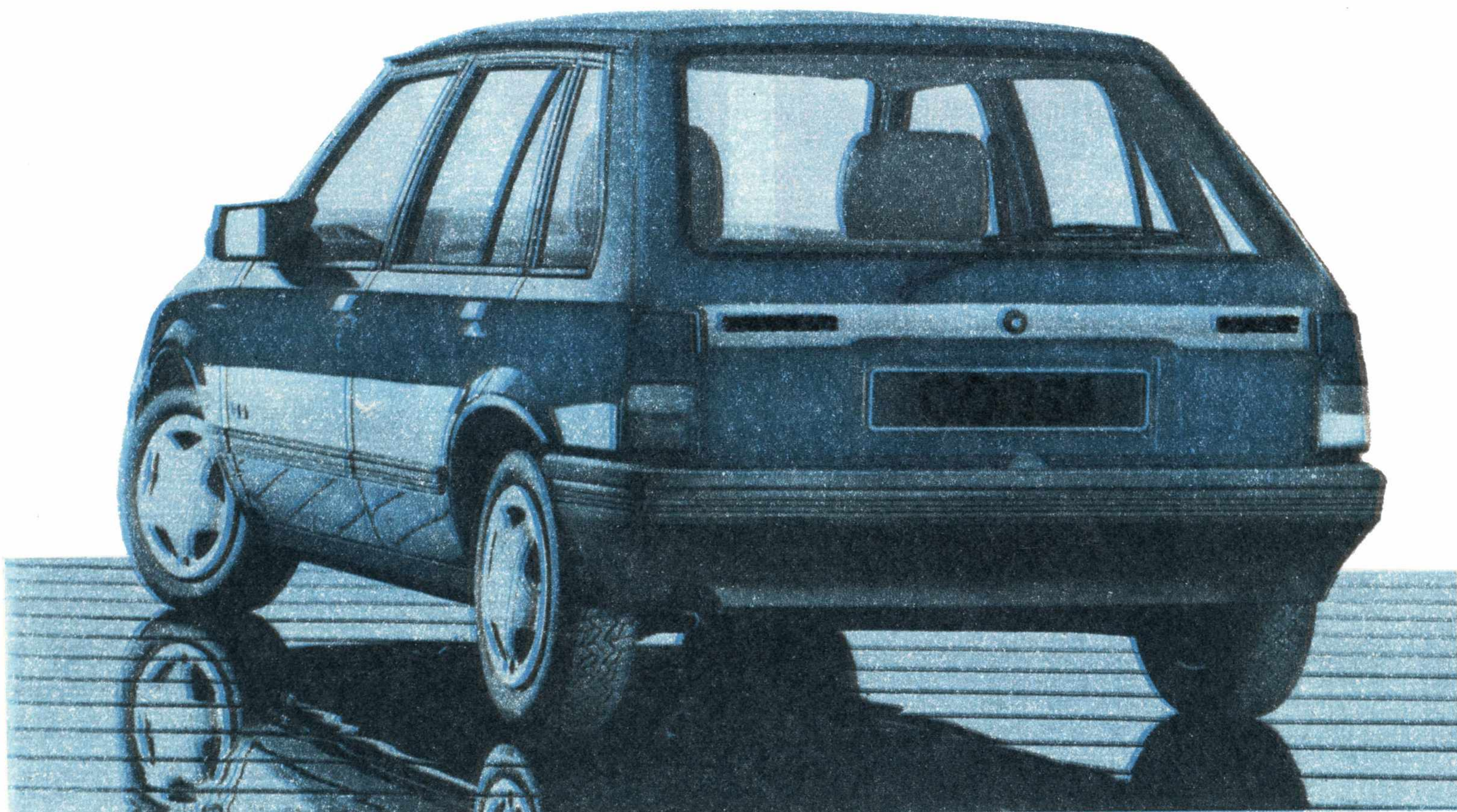
ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕРВИС!

ЕВРОПЕЙСКОЕ КАЧЕСТВО!

Оплата только в СКВ. Те, кто не обладает свободно конвертируемой валютой, не огорчайтесь. Для Вас - за рубли:

*телефонные аппараты марки **Panasonic** в том числе с автоответчиком. Бухгалтерские калькуляторы с принтером и без, а так же телевизоры и двухкассетные магнитолы ведущих производителей мира и парфюмерия.*

Ждем Ваших предложений по телефонам в Москве: 335-98-66, 335-49-87, факс 330-15-55. **Наш адрес: 117392 Москва, ул.Профсоюзная, д.88/20.**

ЧТО МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ОДНА ОТДЕЛЬНО ВЗЯТАЯ БИРЖА

Открыта свободная подписка на акции Международной биржи наукоемких и информационных технологий. Биржа специализируется по самым сложным и дорогостоящим «ноу-хау», технологическим линиям и наукоемким товарам промышленного и бытового характера. Электроника, сплавы, покрытия, композитные материалы, силовая оптика и др. — и технологии их производства. По инициативе организаторов биржи создается замкнутая структура Всероссийского центра технологий, направленная на поиск новых разработок, доведение их до товарного уровня и внедрение в производство. В приведенной ниже беседе — президент МБНИИТ Андрей Вячеславович Шмаков подводит первые итоги деятельности биржи.

— Очень широкий интерес к узкоспециализированной бирже. Много клиентов в офисе, надрывается телефон. Не ждали такого шума?

— Скорее предполагали, что будет шум из ничего. И были приятно удивлены серьезностью предложений, уровнем заинтересованности в наших услугах. Например, на днях был разговор с представителями АН СССР — намечается продажа через биржу разработок академии. Еще до объявления открытой подписки на акции приходили люди, готовые выкупить до 10% уставного фонда. А что касается предмета торгов — тут наша информированность оказалась несколько не на высоте. Технологические линии, цехи, целые заводы стоят в бездействии по всей стране. Мы не предполагали, что разруха столь масштабна. Огромное количество предложений о продаже технологий. Предложений о покупке несколько меньше. К нам обратилось много небольших фирм, действующих в каком-то одном узком направлении и заинтересованных в поиске партнеров. У кого-то мощная информационная база наработана, у кого-то уже готовые «ноу-хау», у других — незавершенные. Сейчас мы много позиций проверяем, проводим экспертную оценку, чтобы к первым торгам иметь действительно готовые к продаже технологии с решенными патентно-лицензионными вопросами. В дальнейшем экспертную оценку будут заказывать брокеры, выставляющие технологии и продукцию на торги.

— А вам не кажется, что торги нужно было начинать еще позавчера?

— Или лет семьдесят тому назад. Судя по количеству фирм, готовых продавать и покупать, мы имеем уже готовый рынок технологий. Он только еще не подкреплен структурной организацией, биржевой в том числе. К сожалению, раньше второй половины декабря мы не начнем.

— Существуют ведь Биржа технологий, Биржа интеллектуальной собственности, есть аналогичные в Питере, Зеленограде, за Уралом. Но у вас такой поток предложений, как будто МБНИИТ — единственная биржа в своем роде. Как это объяснить?

— Здесь, на мой взгляд, две причины. Второстепенная — то, что государственная монополия на все идеи до недавнего времени вынуждала людей работать «в стол», какие-то вещи до лучших времен придерживать. Процесс оформления новых идей и разработок был неоправданно усложнен. Теперь есть возможность этими технологиями, авторскими свидетельствами, патентами торговать. Хватит на двадцать бирж. И все двадцать на первом этапе будут работать, как и триста наших товарных бирж. Лишь впоследствии останутся только те биржи, которые будут конкурентоспособны, обеспечат себя товаром для торгов.

А основная причина обращения к нам — международный статус биржи. Мы предлагаем реальную возможность контакта с Западом, причем не только в плане продажи. Можно совместно производить, совместно внедрять, налаживать производство здесь с продажей товара «туда», размещать зарубежные заказы на наших фирмах, давать им «ноу-хау» в обмен на часть будущего товара. Западные фирмы отлично понимают, что не много у нас найдется покупателей на их технологии, и они готовы свои «ноу-хау» внедрять в совместное производство. Я уже говорил о простаивающих линиях, цехах, заводах. За рубежом это сегодня больной вопрос — отчасти поэтому они предлагают нам свои технологии достаточно настойчиво. Мы наши заводы и их «ноу-хау» сведем воедино. Не беда, если на первом этапе 80% произведенных товаров уйдет обратно за рубеж. В любом случае 20% остается у нас. Кроме того, это решение вопроса занятости населения, борьба с безработицей отчасти.

— И у кого только нынче нет «зарубежных партнеров»...

— Это вы зря. Мы ведь не хватаемся за первый попавшийся проект. Выбор богатый: Австрия, Германия, США, Южная Корея, Англия. И уровень, например, германской и австрийской фирм — это очень серьезно. Что касается остальных, мы сейчас ведем проверку того, насколько весомые полномочия можно им делегировать. Биржа — это не СП, мы отвечаем за надежность каналов, по которым будут работать сотни, если не тысячи людей, это слишком большая ответственность, и наши зарубежные партнеры должны быть достойными всяческого доверия.

— А Всероссийский центр технологий в каких отношениях с биржей?

— Это мы его придумали. Вообще-то создание биржи — это заключительный этап строительства задуманной нами замкнутой системы. Но начать пришлось с конца. Хотя теперь именно биржа даст капитал для реализации идеи. Всероссийский центр технологий будет на конкурсной основе отбирать перспективные разработки, вкладывать средства в их доводку «до товарного вида» — то есть до патента, до лицензии, после чего реализует их через биржу. Можно наоборот: предположим, брокер выставляет на торги незавершенную технологию. Если центр доведет ее до уровня «ноу-хау», цена возрастет на два порядка. В выигрыше и брокер, и центр, и разработчик технологии, и биржа. Или, предположим, центр находит технологию, организует ее внедрение, и уже через биржу идет не технология, а произведенный по ней товар.

— Понадобится масса вспомогательных структур.

— Разумеется. Я уже говорил, что это будет замкнутый цикл. Для инвестирования технологий, которые отберет центр, создается банк, обслуживающий биржу и ведущий собственные дела, но по основному профилю — инвестиционный. Специализированная страховая компания. Холдинговая компания под эгидой центра. Сейчас ведутся переговоры с очень мощной аудиторской службой, которая может проверить состоятельность любой фирмы любой страны мира. Мы хотим предусмотреть все.

— А зарубежных соучредителей не предполагается?

— Пришлось сделать выбор. Специфика нашего законодательства такова, что легче продать часть акций за рубеж, нежели регистрировать акционерное общество с иностранным участием. Пришлось бы слишком много времени убить на формальности. Мы приняли единственно верное решение, и это очень ускорило начало нашей деятельности. Нашими соучредителями были и остались НПО «Композит» и «Луч». Вы о них, наверное, слышали. Официальная презентация — в конце ноября. Новый год мы уже встретим в ранге действующей Международной биржи.

Вопросы задавал Олег СКЛЯРЕНКО, пресс-группа ЭСКАРТ.

Справочный телефон биржи (095) 187-27-90.
Узнать о порядке приобретения акций можно по тел. (095) 188-94-80.
Телефакс — (095) 292-65-11 Xsenon 5312 или (095) 292-65-11 SPAISE 5314.

Светская хроника

«МЫ БУДЕМ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ!»

Очередной съезд коммунистов — 1-й или 29-й, трудно сказать — состоится в мае будущего года в Париже. Ассоциация строителей коммунизма под эгидой кооператива социального типа «Чайка» стремится к возрождению Киевской Руси, которая объединит славянские народы, а впоследствии и все население земного шара в единую семью. Коммунизм будет построен в результате перевоспитания человечества коммунистическими миссионерами. Социальная программа ассоциации, называемая «Киевская Русь», предполагает для людей бесплатные бытовые услуги, жилье, еду и т. п. Но это в светлом будущем. А пока намечаются платные лекции о путях построения коммунизма. Так, например, лекция «Как помочь капиталистическим странам в плане развития сознания» стоит десятку, прослушивание доклада «Все о любви как высшей стадии гармонии коммунистического общества» — 100 рублей. А уж беседа о красоте, вечности, вечной молодости оценивается в 100 000 рубликов.

Недавно состоялась первая лекция о биологических стимулах строительства коммунизма. Досидевшим до конца мероприятия выдали по червонцу, по арбузу, а также бутерброды и лимонад — безвозмездно.

НЕУЛОВИМЫЕ МСТИТЕЛИ

В Харькове образовалось тайное общество, именующее себя «террор против спекуляции». Террористы позвонили в местную независимую телекомпанию «Тонис» и сообщили, что на барахолках города ими будут произведены взрывы. Информация была немедленно передана в эфир. Однако время идет, а рынки функционируют нормально. На след злоумышленников милиции напасть так и не удалось. Есть предположение, что «пенку» запустили сами сотрудники телекомпании «Тонис», популярность которой в отличие от популярности барахолок в последнее время резко снизилась.

КУДА ВЫ УДАЛИЛИСЬ?

По статистике, в Киеве 156 безработных. Часть этих людей будет вынуждена поменять профессию, часть — досрочно сделаться пенсионерами. Большинство же обратившихся в центр занятости получают пособия по безработице в размере 75% от бывшей зарплаты. Среди «лишних людей» множество экономистов и филологов. Имеется даже кандидат философских наук. Но почему-то в помине нет партийных работников. Любопытно, куда они подевались в таком страшном количестве и что поделывают?

ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ УЦЕЛЕЛО

Во Львовской картинной галерее среди бела дня произошло ограбление. Предметы искусства стоимостью в десятки и сотни тысяч долларов остались в полной неприкосновенности. Зато досталось милиционеру-охраннику. Жулики бабахнули в него из газового оружия, и тот упал в обморок. Затем налетчики забрали у распростертого на полу стража пистолет Макарова с обоймой патронов, с чем и смылись.

Вот как бывает: грабители, а соображают, что искусство принадлежит народу.

К КАССАНДРЕ, КАК ВСЕГДА, НЕ ПРИСЛУШИВАЮТСЯ

К ясновидению экстрасенса А. И. Дубравской черниговские власти всегда относились так же пренебрежительно, как олимпийские божества к Кассандровым предреканиям, хотя последние всегда сбывались. Более того, в свое время за предвидение чернобыльской аварии Антонину Ивановну определили в дом для умалишенных. Рядовые же соотечественники верят каждому слову Дубравской, что неудивительно: в прошлом году она с точностью предсказала войны в мировом и союзном масштабах, августовский путч, хаос в Отечестве, тяжелую зиму в 1992 году.

Вскоре общественности предстоит убедиться, насколько права Дубравская, прогнозируя Кравчуку украинское президентство, причем весьма ненадолго.

ИНОСТРАНЦЫ ВЫБИРАЮТ ИНОСТРАНЦЕВ

Иностранные бизнесмены, интересующиеся приобретением самолетов, «тормознули» заключение контрактов с фирмой имени Олега Антонова: этой осенью в Борисполе не дотянул до посадки и разбился военно-транспортный АН-26, та же судьба постигла грузовой АН-12 в Хатанге, пассажирский АН-24 в Пулкове, а также новенький АН-74, летевший в Киев из Якутии после удачных испытаний.

Авиаторы не сомневаются, что катастрофы вызваны жестоким дефицитом горючего, которого лайнерам попросту не хватает для благополучного завершения полета. Странно, почему, несмотря на столь понятные разъяснения, иностранцы упорно не хотят летать самолетами Аэрофлота. А также покупать их.

ГОРБАЧЕВА ЛУЧШЕ ГОРБАЧЕВА НЕ СЫСКАТЬ

Фирма «Одесса» снимает фильм под названием «48 часов из жизни президента» — киноленту, напрочь лишенную мрачного политического акцента, как это можно предположить, судя по названию. Сценарий фильма сочинили музыканты из питерской группы «Секрет». Предполагается, что президент предстанет перед зрителем в лице Горбачева Игоря Олеговича, народного артиста СССР, дару которого завораживать аудиторию его высокопоставленному однофамильцу остается позавидовать.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Не так давно в известнейшем гастрономе на Тверской состоялась презентация бюста господина Елисеева, чьим именем гастроном испокон веку и назывался. Правда, мы не можем поделиться с вами подробностями мероприятия, так как корреспондента «Светской хроники» туда не пустили, мотивировав отсутствием приглашения. Правда, попытались это сгладить заверениями в любви к «Огоньку» и к «Светской хронике» в частности; в доказательство тому был предъявлен свежий номер журнала. Правда, когда наша корреспондентка услышала из-за двери звон расставляемых тарелок и поняла, что будут еще и кормить, она попыталась уверить, что ей только на бюст глянуть... Все было бесполезно. Некое начальство, мужчина с глазами «добрыми-добрыми» (впечатление нашего корреспондента) был непреклонен.

Остается только добавить, что да, время смутное, голодное, но корреспондентка, не допущенная к Елисееву, настолько миниатюрна, что объесть почтенную организацию не в состоянии физически...

ГИЛЬОТИНА ТЕПЕРЬ НЕ В МОДЕ

Фрак, парадная форма одежды, предназначенная исключительно для господ, в девятнадцатом веке был воспринят французскими правителями как эпатирующая публику выдумка. Дабы господину Фраку неповадно было портить облик французских денди длинными фалдами и куцыми полами, модельеру-авангардисту отрубили голову на гильотине. Крутые были порядки, нечего сказать. Художникам, сочинившим шорты, мини-юбки и купальники-бикини, крупно повезло, что они догадались родиться не в минувшем веке, а в нынешнем, когда гильотина уже вышла из моды.

СТО МИЛЛИОНОВ ЗЛОТЫХ ЗА...

посмертную маску Пилсудского, проданную с аукциона, проведенного в помещении народного музея и организованного Домом актера, заплатил от имени второй программы польского ТВ Мачей Думаньский. Причем он отметил, что польское телевидение будет только временным владельцем реликвии. «Мы хотим, чтобы она стала собственностью всего народа»,— сказал Мачей. Так что в ближайшее время будет объявлен сбор средств, чтобы возвратить затраченные на покупку деньги. Потом же будет проведен референдум, который определит место хранения маски.

ТРАКТОР ПОД ЧЕСНОКОМ

По сообщению шведской газеты «Даген Нюхетер», румынский крестьянин Калиш Флориа недавно решился выкопать трактор, который сам же и закопал тридцать шесть лет назад, чтобы коммунисты не смогли конфисковать его собственность. Теперь крестьянин собирается вновь пустить трактор в дело. Калиш Флориа, конечно, смазал свое сокровище защитной мазью, чтобы спокойно дожидаться светлых капиталистических времен. Он начал выкапывать трактор, когда скинули Чаушеску, и нашел машину в хорошем состоянии.

— Я только промыл детали бензином,— рассказал он представителям местной газеты.

Флориа все эти годы выращивал чеснок над местом захоронения трактора, чтобы замаскировать его,— сообщает газета.

РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

На Житнем рынке в Житомире, где можно увидеть немало интересного (например, плакат «Руки прочь от КГБ!» за подписью некоего Дмитрия Донского), рыночные отношения явно идут на лад. Именно здесь местные ребята средь бела дня приобрели у польских граждан две пары кроссовок «Рита», несколько маек «Adidas» и три джинсовых костюма. За все это добро они заплатили полякам погашенными облигациями госзайма 1952 года, пояснив, что так выглядят новые украинские деньги.

Стороны расстались, будучи довольными совершенной сделкой.

СЕЗОН ОТКРЫЛСЯ ВЫНОСОМ

Недавно состоялось открытие нового клубного сезона клуба архитекторов «АРС». Как и в прошлом году, атмосфера клубного вечера была проникнута вальяжностью, и надо отметить, что у «АРСа» уже появился свой стиль: хороший концерт — как всегда, хороший фильм — как всегда, напитки и закуски в ассортименте — как обычно, и главное — возможность для каждого решить, каким образом он будет развлекаться в этот вечер. Открытие сезона было ознаменовано новшеством: в начале вечера был объявлен торжественный вынос. Правда, чего именно — не сказали. Но когда вынос состоялся, ко всеобщей радости выяснилось, что вынесли фирменный коктейль «АРС» — шампанское с гранатовыми зернышками. Итак, сезон открылся. В нем клуб намерен порадовать не только традиционными вечерами, но и нетрадиционными аукционами предметов интерьера и произведений искусства. Причем на эти аукционы в Центральный Дом архитектора приглашаются все желающие. По секрету: ходят сплетни, что на одном из аукционов будет продаваться этюд Коровина.

ЛЮБИТЕЛЯМ «СТРАШНЕНЬКОГО»

Не секрет, что среди музыкантов попадаются люди образованные и интеллигентные; одаренные во многих отношениях. Музыканты московской группы «ВА-БАНКЪ» А. Скляр (выпускник МГИМО, специалист по Корее) и Р. Ганушкин издали недавно сборник рассказов под притягательным названием «Страх». Действительно, именно такое чувство охватывает рискнувшего углубиться в эту книгу. Произведение замечательно высокой смертностью героев, обилием проливаемой крови и другими развлекающими ужасами.

Скоро книга Ганушкина и Скляра адекватно отразится в крутом полнометражном триллере. Любителям «страшненького» следует взять эту приятную новость на заметку.

ПОРОЧАЩИХ СВЯЗЕЙ НЕ ИМЕЮТ

По своим биологическим параметрам (вес сердца, легких, почек, печени) человек практически не отличается от свиньи. Разве что мозгов у него побольше. Да что толку! В остальном сравнение идет не в пользу «царя природы». Свиньи, например, никогда не откажутся от пива, зато водку презирают и потому не напиваются до свинского состояния. Кроме того, свиньи морально устойчивы. Брак у них моногамный, чего никак не скажешь о людях, разве что за редкими исключениями.

КАК В ЛУЧШИХ ДОМАХ

На днях состоялась презентация печатного органа Российской ассоциации психического здоровья, нового научного журнала «Синапс». На презентации в здании АМН СССР присутствовали все сильные психиатрического мира, и на всех первый номер произвел приятное впечатление; один из выступавших назвал «Синапс» "укором советской печати». Журнал издается во Франции, один из его издателей — Норберт Аттали, человек с очень хорошей репутацией, один из братьев которого — президент компании «Эр Франс», другой — президент международного банка с капиталом в 60 миллиардов долларов. Так что компания представительная.

Главный редактор «Синапса» доктор медицины Петр Викторович Морозов сказал, что журнал этот в истории отечественной медицины уникальный и что читать его будет интересно не только специалистам.

После торжественной части был банкет, во время которого психиатры смогли за рюмкой виски поделиться мнениями. Одно из них было таково: судя по первому номеру журнала и по планам сотрудничества с французскими коллегами, скоро обстановка в наших психиатрических больницах будет, как в лучших домах Парижа.

САЛЮТ, ЗАГРАНИЦА!

Неподготовленные киевляне были изумлены, когда в будний вечер над городом вспыхнули каскады разноцветных огней. Фейерверк, как выяснилось, заказала частная фирма для увеселения иностранных гостей. Таким образом было положено начало старой традиции устраивать частные фейерверки, которые в Киеве отсверкали свое осенью 1917 года.

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ТЫ ПРЕСКВЕРНЫЙ ГОСТЬ

Неподалеку от Семеновки, черниговского райцентра, обнаружился снежный человек, как называют его очевидцы. Судя по описаниям девочки из села Домашлин и ее односельчанина В. Семелета, это огромного роста создание с длинными ногами и пронизывающим взглядом. Столкнувшиеся с феноменом долго приходили в себя: верзила преградил им путь, как бы чего-то выжидая, пока те не обратились в паническое бегство. Возможно, снежный человек хотел уточнить, когда же в окрестностях появятся сугробы. Но в черниговских краях бывают такие теплые зимы, что и снега, как говорится, не выпросишь.

Выпуск подготовили Вера Лаврешина, Юлия Сударенко и Светлана Бавыкина. Им помогали Юлия Гуринович, Илья Воронов, Павел Портной, Елена Ромейкова, Александр Захаров и другие.

Использованы материалы информационных агентств «Евро-Икс» и «Студинформо».

Рисовала Евгения Двоскина.

Будем благодарны за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону 212-23-07.

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

СОЛЖЕНИЦЫН? КОТОРЫЙ?

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

Вячеслав ВОЗДВИЖЕНСКИЙ

Василий Гроссман в повести «Все течет» писал, что основой созданного при Сталине режима был государственный национализм, который подпитывался «бешеным национализмом масс, лишенных свободы и человеческого достоинства». Солженицын провозглашает, по существу, похожий идеал государственного устройства, опирающегося на авторитет власти и верноподданность масс, не заслуживших еще свободы.

Конечно, Солженицын уверяет, что речь идет об авторитаризме с человеческим лицом. Гарантией тут служит, по его словам, ответственность властьимущих перед «обязательными для них высшими ценностями» (IX, 42). Он настоятельно подчеркивает, оговаривает, что рекомендует отечеству авторитаризм, «основанный на человеколюбии», «устойчивый, покойный строй, не переходящий в произвол и тиранию» и т. д. (IX, 165, 337). Однако в чем смысл солженицынского человеколюбия, нам уже известно. Это любовь не к реальному, живому человеку с его насущными, земными интересами, а к некой высшей цели, которая над ним довлеет, к тому «постоянному и трудному долгу», который человек обязан нести. Побуждать подданных к этой обязанности и призвано человеколюбие власти. Любой смышленый школьник скажет сегодня, что это мы уже проходили. Семь десятилетий для нашего строя человек существовал лишь как исполнитель высшей задачи, был подчинен той высокой цели, к которой наше общество будто бы стремилось. Сам по себе человек ценности не имел. Совершенно то же самое предлагает теперь Солженицын. Меняются лишь наименование цели, условия той задачи, которую мы должны решать: вместо движения к светлому коммунистическому будущему — всеобщее нравственное движение к Высшему Духу. Полное же подчинение человека сверхзаданной цели остается в силе.

Общество, уступившее власти такого сорта, неизбежно останется обществом лишаемых прав и свободы людей. Солженицын обещает, к примеру, при новейшей авторитарной системе «свободное книгопечатание, свободные литературу и искусство» (IX, 337), но вот уже в наши дни в трактате «Как нам обустроить Россию?» мелькает мысль, что неплохо бы эту свободу поубавить — самоограничиться от «потока уже избыточной и мелочной информации», от «разных газет» и «каналов телепередач» («ЛГ», 18.09.90). Снова до боли знакомо. Приблизительно с этого и Ленин начинал со своим декретом о печати. И это вполне логично для Солженицына. Если самоограничение объявляется смыслом общественных отношений («Устойчивое общество может быть достигнуто... на сознательном самоограничении...» — там же), то функция власти — способствовать ему введением запретов, сокращением прав и свобод. А. Латынина в «ЛГ» (3.07.91) обижалась на «оппонентов Солженицына», заподозривших в нем «поклонника цензуры». Однако что значит «на каком-то рубеже самоограничиться» от «избыточной информации»? На языке точных терминов это как раз и называется цензурой, и лукавая частица «само...» мало что меняет. Достаточно начать самим ограничивать себя, свою свободу, свое право на информацию — и назавтра найдется, кому делать это за нас, найдется авторитет, который определит, какая информация, какие права, какие свободы для нас излишни, «избыточны» — с позиций «высших ценностей», на «сильном нравственном основании», разумеется. Это и будет авторитарный режим.

К счастью, этот грезящийся Солженицыну уклад так и останется гипотетическим. Дважды нельзя войти в ту же реку, и невозможно еще раз загнать в утекшую реку истории целую страну, всю Россию.

Вообще Солженицыну можно сегодня посочувствовать.

Мир иллюзий, в котором он стал жить, созданные им мифы опрокинуты, опровергнуты ходом действительности. Ни Россия, на которую ориентирована его проповедь, ни Запад, который он пробовал поучать, не подтверждают его пророчеств. Страсть проповедника разрядилась в пустоту.

Долгие годы Солженицын скептически и пренебрежительно оценивал Запад: угождающая лишь низменным, чисто материальным страстям людей западная демократия безнадежно расслабилась. Солженицын уличал Запад в духовном кризисе, говорил о крутом падении мужества западного человека: «Вот мы видим его сегодня: на оползнях, в немощи воли, в темноте о будущем, с раздерганной и сниженною душой» (IX, 37). В непрерывной погоне за достатком и комфортом западный мир не способен будто бы противостоять тоталитаризму коммунистических держав, уступая им одну позицию за другой. И Солженицын предрекал миру глобальную катастрофу в результате этих уступок и нарастающей слабости западных демократий.

Сегодня очевидно, как мало понял Солженицын в Западе. Тот не только не находился и не находится в кризисе, но легко и естественно доказал свое преимущество и превосходство над тоталитарными системами Востока. И во многом побудил, обусловил происходящие в СССР перемены, эту нашу попытку приобщиться к пути, которым идет Запад, к естественному человеческому развитию на началах свободы.

Солженицын не разглядел при этом, что само «физическое благополучие» для большинства, которое отталкивает его на Западе,— это плод не одного лишь производительного труда, «накопления материальных благ», но и исполнения долга общества перед каждым и каждого перед обществом. Иными словами, именно Запад обнаружил то благородство и высоту духа, то самое сознание человеческой ответственности, которого так жаждет Солженицын и которое, добавлю, до самого последнего времени фатально отсутствовало у наших соотечественников.

Ибо отечественная реальность не подтверждает солженицынской идеи, будто достаточно развязать «внутреннюю свободу», предоставив властям по-прежнему подавлять свободу «внешнюю» — экономическую, политическую, гражданскую. Эту сомнительную идею Солженицын, похоже, не устает «развивать» по сей день. В свое время он объявил, что тоталитарный режим в СССР не потому страшен, что отнял у страны свободу и тем лишил ее творческих сил, парализовал живые возможности народа и личности. Он страшен будто бы лишь тем, что посягает на наше главное достояние — внутреннюю жизнь, что, создав систему идеологической лжи, он растлил душу человека, нанес вред его «духовной сущности»: «Государственная система, существующая у нас, не тем страшна, что она недемократична, авторитарна на основе физического принуждения,— в таких условиях человек еще может жить без вреда для своей духовной сущности.

Всемирно-историческая уникальность нашей нынешней системы в том, что сверх всех физических и экономических понуждений от нас требуют еще и полную отдачу души: непрерывное активное участие в общей, для всех заведомой лжи» (IX, 43). Солженицын был готов оставить «вождям Советского Союза» их тоталитарную государственную власть, лишь бы они отдали людям их духовную, внутреннюю свободу. Он был готов оставить страну в политической неволе, если коммунистическая власть освободит «наши души» от участия в навязываемой лжи: «У вас остается вся неколебимая власть, отдельная сильная замкнутая партия, армия, милиция, промышленность, транспорт, связь, недра, монополия внешней торговли, принудительный курс рубля,— но дайте же народу дышать, думать и развиваться!» (IX, 166).

Это писалось в 1973 году. Но и семнадцать лет спустя, рассуждая, как нам обустроить Россию, Солженицын все так же был готов «пока принять» «что-то в нынешнем государственном строе», был согласен на «сохранение центральной власти» в имеющихся формах, как бы вынося за скобки, что эта центральная власть «в тех формальных чертах, как она уже существует» (то есть президент с его кабинетом министров, комитетом госбезопасности, министерством обороны, МВД и т. д.), оставалась именно властью тоталитарной, угнетательской.

Советский тоталитаризм в самом деле создал небывалую еще систему ложных представлений о жизни, подменивших собой реальную картину этой жизни. Он потребовал веры в них, всеобщего соучастия в этой лжи. Но не сама эта система идеологической лжи составляла главное зло и сущность тоталитарного строя. Она лишь результат и следствие отнятой свободы. В последние годы от системы идеологической лжи оставались все более жалкие осколки, разбросанные по партийным комитетам да в партийных же средствах информации и не решавшиеся выйти не то что на улицы, но даже на трибуны партсобраний. Навязываемая обществу система ложных представлений сходила на нет, народная душа, казалось бы, освобождалась от участия в заведомой лжи, развязывалась наша «внутренняя свобода». И тем не менее большинство соотечественников что-то не спешило «развиваться к целям нравственным». (Если, конечно, не спутать с этим ту профанацию православия, то ставшее поветрием увлечение ритуальным антуражем христианства, дзенбуддизма, кришнаизма и т. д. — при явной

Окончание. Начало в № 47.

глухоте к их существу,— которое нынче величают «религиозным возрождением».) Оставшийся в силе режим несвободы продолжал наносить «вред духовной сущности» людей, все так же уродуя не только их социальное бытие, но и их дух, сознание, нравственность. Сбывалось, казалось бы, по слову Солженицына: «вожди Советского Союза» не посягали более на внутреннюю жизнь, постепенно допускались все идеологические и нравственные течения, все религии, свободное искусство. Однако при всем этом реальной свободы общество по-прежнему было лишено — свободы собственности и предпринимательства, свободы перемещения и любой деятельности, настоящих политических, гражданских свобод и прав. И по-прежнему оставались скованы творческие силы страны и личности, их свободная воля, свободный выбор. Свобода, как выяснилось, все-таки неделима. Либо она есть целиком — либо ее нет, и дозволенная «внутренняя свобода» не возмещает ее отсутствия.

Беда состояла как раз в том, что до сих пор, до августа 91-го года, на месте распадающегося тоталитарного строя не возникало никакой иной, демократической структуры. И разложение тоталитарного строя грозило и все еще грозит обернуться процессом длительным, вялотекущим, мучительным для страны. Состояние распада оказалось, как ни парадоксально, способом существования и сохранения правящего нами класса. Нетрудно понять, чем все это чревато. Тоталитарный аппарат принуждения десятилетиями служил стальным котлом, в который загонялись все социальные, национальные и любые другие коллизии и страсти, клокотавшие в недрах «социалистического общества». Теперь стенки износились — и внутреннее давление на наших глазах разрывает котел, лишенный клапанов.

И именно демократия способна стать таким клапаном. Только она есть сегодня единственный спасительный путь для отечества, путь обратно в семью человечества, к нормальной, естественной жизни, которой живет весь мир. Солженицын же отстаивает идею отдельного пути для России, в сущности, опять того же самого, каким она ковыляла восемь столетий при русских самодержцах. Отговаривать сегодня Россию от демократии и свободы, брюзжать по поводу ее, демократии, несовершенств — значит действительно не понимать происходящего в отечестве и с отечеством.

В идеологии Солженицына практически нет ничего нового. Она лишь повторяет идеи, пульсировавшие в общественном сознании России не меньше полутора веков, начиная со славянофилов. Это уже хорошо показано в работах зарубежных русских авторов, скажем, Александра Янова, чья книга «Русская идея и 2000 год» опубликована теперь и у нас в стране. Еще важнее, что это становится ясным и для молодой отечественной мысли. Вежливо, но непреклонно вторичную, заемную природу солженицынских построений раскрывают, например, трое совсем молодых авторов из Тарту — Г. Амелин, А. Бломбаум, И. Пильщиков. В статье «Краеугольный кирпич нашего будущего» они завершают свой разбор трактата «Как нам обустроить Россию?» словами: «Совершенно очевидна близость брошюры Солженицына славянофильскому учению... Мы, таким образом, имеем дело с феноменом «неонеославянофильства». Впрочем, старо все это» (газ. «Alma mater» № 2/4. Тарту, октябрь 1990 г., с. 5).

Действительно, старо. Но я хочу сказать о другом. Зинаида Гиппиус в «Петербургских дневниках» весьма непочтительно назвала М. Горького «человеком, неспособным к культуре внутренно». То же впечатление производит историософия Солженицына. Она отмечена именно внутренней неспособностью воспринять общечеловеческий код культуры, и это придает ей печать провинциальности, любительства.

Тем не менее владеющую им гипотезу Солженицын преподносит со всей жесткостью воинствующей идеологии. Уже в восьмидесятые годы им опубликованы на Западе статьи «Наши плюралисты» (1983) и «...Колеблет твой треножник» (1984). Одна из них перепечатана в этом году «Новым миром» (№ 5). Возможно, появится и другая. Многие отечественные читатели обнаружат тогда, что именно нетерпимость водила пером их автора. Солженицын словно не допускает, что те, кто понимает судьбы отечества и задачи литературы иначе, чем он, могут быть хоть сколько-нибудь правы, хоть сколько-нибудь достойны уважения. Таков безжалостный императив любой идеологии, вторгшейся в искусство. Литератор, вверивший ей свое творчество, становится гонителем товарищей по перу. Солженицын, по существу, в точности повторил образ действий тех государственных и литературных чиновников, которые изгнали его из Союза писателей и Союза ССР и которых он в свое время с такой справедливой беспощадностью выставил на всеобщий позор. Так же, как шельмовали его самого, Солженицын попытался публично заклеймить тех, кого называет «плюралистами», а с ними и само право на свободу мнений.

Вот в каком идеологическом поле возникали «узлы» солженицынской эпопеи «Красное колесо».

Основная идея «Красного колеса» — показать неорганичность, ошибочность демократической революции в России. Именно демократической, Февральской.

Россия, по Солженицыну, благополучно жила в авторитарном царском государстве. В ее верхах были здоровые элементы, человеческие силы, способные с пользой служить отечеству, трону, нации. Их представляет главным образом Воротынцев, но также и поручик Харитонов, и Ободовский, и такие реальные исторические лица, как генерал Корнилов, полковник Кутепов, адмирал Колчак. Гармоничной и счастливой жизнью жили верноподданные низы дореволюционной России — крестьянство, народ. Это иллюстрирует образ Арсения Благодарева и вся связанная с ним сюжетная линия — его семья, его односельчане. И в революционных переменах Россия не нуждалась. Демократическая революция стала несчастным случаем в истории страны.

Правда, все к ней шло после убийства Столыпина и особенно после вступления империи в мировую войну. Тем не менее демократическая революция совершенно чужеродна России, и единственным ее результатом могли стать — и стали — хаос, смута, развал, в которых и набирали силу большевики. Причина произошедшего в 1917 году — во-первых, вырождение, бездарность, корыстность правящих, правых, консервативных кругов. Солженицын обнажает их неспособность к решительному и дальновидному действию. Единственной надеждой России был Столыпин. Надежда убита евреем Богровым в 1911 году. Но не меньшая причина случившегося в 1917-м — легкомыслие и безответственность либеральных, демократических, радикальных политиков — от Родзянко и Милюкова до Керенского и Гиммера-Суханова: постепенно расшатав монархию своей подрывной работой, они перехватили у нее власть и не справились с нею.

Большевикам не придется бороться за эту власть, она сама упадет к ним в руки. Именно Февраль, демократическая революция и есть главное несчастье в истории России. Большевистский Октябрь станет просто ее естественным следствием. В одном из зарубежных интервью (компании Би-би-си в феврале 1979 г.), поясняя замысел «Красного колеса», Солженицын замечал, что никакой Октябрьской революции не было, имело место лишь завершение Февральской.

Ленин в изображении Солженицына — чуждый России человек, не любящий ее. Она для него — лишь место, где можно будет разжечь мировой революционный пожар, а до ее судьбы ему дела нет. (Февральская революция оказалась для Ленина полной неожиданностью, но он тут же понял, что надо ею воспользоваться.)

Такова концепция Солженицына. И хотя он прав в некоторых отдельных моментах — прежде всего в отношении Ленина,— согласиться с его концепцией в целом нельзя.

Авторитарная Россия отнюдь не была благополучным, благоденствующим организмом. Конечно, людям в ней жилось много лучше, чем в стране Советов после Октября. Но много хуже, чем в развитых странах той же поры, так называемых буржуазно-демократических. Самодержавная Россия веками была царством несвободы, где подавлялась личность, так и не развилось сознание прав народа и человека. Большинство населения существовало в ней на самом примитивном уровне. Голод был регулярно посещавшим страну бедствием. Это была империя, отсталая во всем — по уровню жизни, по уровню производства, по уровню культуры.

Сейчас бытует несколько мифов о предоктябрьском прошлом страны. Один из них — миф о Столыпине как дальновидном реформаторе и надежде России. Автор «Красного колеса» — один из его главных создателей. Это именно миф. Аграрная реформа Столыпина вовсе не была той панацеей от российских зол, как сейчас рисуется. Ведь крепких хозяев, выходивших из общины, она (реформа) наделяла землей за счет самой общины. И это не только не решало векового вопроса России — о земле, о ее переделе между помещиками и крестьянами, но еще и обостряло социальную рознь на селе, в самой крестьянской среде. А между тем в эти же годы существовала и приобретала все большее понимание в обществе другая, кадетская аграрная программа. Она предлагала ограничить крупное землевладение и выкупленные у помещиков излишки земли передать крестьянским общинам. Становление крепкого крестьянского хозяйства происходило бы сначала в рамках общины за счет помещичьих земель. В результате община достаточно быстро отмерла бы естественным путем, и при этом была бы утолена все та же вековая российская боль — «черный передел», перераспределение земельной собственности.

В противовес этой кадетской программе и осуществлялась столыпинская реформа. Одним из главных моментов ее было сохранение крупного помещичьего землевладения. Именно в этом качестве программу Столыпина поддержали господствующие круги и царская власть. Столыпин был прежде всего царедворцем и сыном своего класса.

Другой бытующий ныне миф — об экономическом подъеме 1910—1913 гг., который будто бы выводил Россию в число передовых держав мира. Россия в 1910—1913 гг. действительно переживала подъем. Но это был подъем вдогонку — за развитыми странами Европы. В лучшем случае он позволил бы приблизиться к их уровню. Однако мировые стандарты за это время опять ушли бы дальше, оставшись недостижимыми для России. И авторитарный уклад, сословное и полицейское устройство государства продолжали служить тормозами на этом ее пути.

Так что авторитарный строй царской России отнюдь не был навеки данным ей благом. Менять его было нужно. Другое дело, что эта перемена произошла бездарно, неумело. Не оказалось дальновидных и решительных человеческих сил, которые сумели бы сохранить страну на этом историческом повороте. Ленин и большевики действительно взяли ее голыми руками. У России в самом деле не оказалось ни в правом, консервативном, ни в левом, демократическом, лагерях человеческого потенциала, способного противостать Ленину и большевикам. Ни Керенский, ни Милюков, ни Савинков, ни даже Корнилов или Колчак не сумели ни выдвинуть необходимой программы, ни собрать достаточных для борьбы сил.

Однако вовсе не демократия сама по себе в этом виновата, не какие-то органически свойственные ей пороки привели к хаосу, смуте и распаду. Развал страны произошел не потому, что была преждевременно установлена демократия, а как раз наоборот — потому что она была установлена слишком поздно. Ей надо было установиться на десятилетия раньше. Для этого не раз была историческая возможность: в XIX веке (60-е и 80-е годы), в начале XX — после 1905 г. или хотя бы перед 1914-м. Тогда демократия, может быть, набрала бы опыт, может быть, выработала бы реальную историческую программу, выдвинула бы зрелые человеческие силы. Однако ей раз за разом не давали в России стать на ноги. И в конце концов она была установлена с роковым опозданием и в самый неблагоприятный для этого момент: когда Россия была истощена и доведена до исступления чужой для нее войной. Ни опыта, ни необходимого человеческого потенциала русская демократия уже не успела обрести. Потому и рухнула в одночасье от первого же толчка Ленина и Троцкого.

Но Октябрьский переворот — вовсе не естественное завершение демократической, Февральской революции. Напротив, это была в точном смысле контрреволюция, покончившая с забрезжившей свободой и повернувшая страну вспять. Разогнав Учредительное собрание, большевики вновь ликвидировали демократию и восстановили тысячелетнее царство несвободы в России. Вновь вернулись: вверху — ничем не ограниченный абсолютизм власти, а внизу — полное бесправие и покорность, ставшие уже чертами национального характера.

Так что концепция 1917 года, предложенная Солженицыным, несостоятельна.

Однако порок и беда «Красного колеса» не в самой этой концепции, этой версии исторического процесса. Художник имеет, видимо, право на свою версию действительности. В том случае, однако, когда эта версия не разрушает самой художественности, не подчиняет себе изобразительную структуру, повествовательную ткань. В конце концов ни Гоголь, ни Достоевский, ни Толстой не предложили версий бесспорных и безусловных. Однако их версии не диктовали им самого характера художественных решений. В «Красном колесе» же все повествование именно подчинено единой задаче — утвердить, проиллюстрировать заранее заданную концепцию отечественной истории. Солженицын жертвует ради этой задачи художественностью и человеческим содержанием своей эпопеи. Жизнь и судьбы людей той эпохи становятся для него лишь иллюстративным материалом. И потому «Красное колесо» эстетически немногим отличается от безнадежно девальвированных квазиэпопей, которые давно набили оскомину в литературе соцреализма.

В этой литературе еще в 20—30-е гг. сложился и десятилетия держался некий новый жанр — так называемый роман-эпопея, историко-революционная или национально-героическая. Самый выигрышный для этого жанра образец — «Хождение по мукам» Алексея Толстого. Но в том же ряду целая череда советских социалистических эпопей от «Русского леса» Л. Леонова, трилогии К. Федина, тетралогии М. Шагинян до эстетически совершенно ничтожных сочинений Г. Маркова («Строговы», «Сибирь»), Вит. Закруткина («Сотворение мира»), Вас. Смирнова («Открытие мира») и т. д. Сам этот жанр был во многом не слишком продуктивной попыткой использовать опыт «Войны и мира». Но у Л. Толстого пласт истори-

ческих событий не подавлял и не отменял психологической пластики повествования. «Война и мир» была романом о вечных драмах, радостях, тяготах, ценностях человеческой жизни. Обстоятельства истории, войны и нашествия вторгаются в судьбы людей, уносят жизни, но не колеблют вечных законов человеческого бытия. Те, кто посетил сей мир в его минуты роковые, продолжают жить по этим вечным законам. И в психологически пластичных, совершенных картинах этой жизни — художественный нерв, существо «Войны и мира». Ими роман живет вот уже полтора века. И лишь во вторую очередь своим собственно историческим содержанием.

Словом, став эпосом об Отечественной войне 1812 года, «Война и мир» осталась и «эпосом частной жизни», чем, собственно, и должен быть всякий настоящий роман. Советский роман-эпопея именно это утерял. Поток истории, вылившийся на его страницы, смыл с них достоверные черты и краски человеческого бытия. Задачей стало не показать жизнь людскую в годину истории, а утвердить заданную версию исторического процесса. Именно версия исторического процесса сделалась героем повествования. Стало не до диалектики души. И дело не только в масштабах таланта. Первоклассный дар другого Толстого — Алексея оказался почти бессилен перед диктатом социального заказа, перед задачей совместить иллюстрирование исторических событий с полноценным психологическим рисунком. Сила изобразительности во втором и третьем томах «Хождения по мукам» хиреет на глазах.

То же самое происходит в «Красном колесе». Душевная жизнь всех без исключения персонажей нужна Солженицыну лишь как тезис к его концепции 1917 года, а не как самостоятельная величина. Она не имеет для автора собственной ценности. А потому практически все образы в «узлах» лишены необходимого объема, не получили настоящего эмоционально-психологического наполнения. В «Войне и мире» жизнь не только Ростовых или Болконских, но даже капитана Тушина имеет именно собственную ценность и потому изображена во всем человеческом объеме, который ощутим и через полтора века. Добавлю, что и в «Тихом Доне» жизнь и судьбы Мелеховых имеют для автора собственное содержание, собственную ценность. Отсюда долговременная художественная прочность «Тихого Дона». Он служит исключением в ряду советских романов-эпопей. Для Солженицына же душевная жизнь ни Воротынцева, ни любого другого героя собственной ценности не содержит.

И это имеет самые отрицательные последствия для всей повествовательной конструкции Солженицына, для эпопеи в целом. Ей недостает выразительной силы, художественной полноты, эстетической привлекательности.

Дело не в том, что тома «Красного колеса» чем дальше, тем больше нагружаются внелитературным материалом — документами, протоколами заседаний, текстами речей, газетными репортажами, историческими справками, хроникой событий. Это не самая главная беда. Не самая большая беда и перенаселенность эпопеи действующими лицами. Она возрастает от тома к тому. В «Узле 3-м» просто толпа действующих лиц течет по страницам, читатель вряд ли в состоянии удержать их всех в поле восприятия.

При этом в «Красном колесе» два рода героев. Во-первых, те, что созданы по правилам художественного вымысла. Это именно романные герои. Они представляют, так сказать, частную жизнь, вовлеченную в поток истории: Воротынцев, Благодарев, Саня Лаженицын, семья Томчаков, Ольда Андозерская и др. Но гораздо больше действующих лиц другого плана. Это персонажи, срисованные с реальных исторических лиц и представляющие, так сказать, саму историю, точнее, иллюстрирующие ее. Круг их очень разнообразен и широк — от Ленина, Николая II, генерала Самсонова, Александра Ивановича Гучкова и т. д. до совсем малоизвестных, но вполне реально существовавших участников событий. Именно они занимают основной объем повествования.

Нельзя не отдать должное огромной работе автора «Красного колеса», собравшего данные, свидетельства, подробности обо всем этом почти бесконечном множестве действующих лиц истории. Это был без преувеличений исполинский труд. Однако он не дал, на мой взгляд, адекватных художественных результатов. Солженицын выделяет, выхватывает из потока событий отдельные фигуры — министров, социал-демократов, унтер-офицеров, рабочих, генералов, думских политиков, курсисток, большевиков и т. д.— и на какое-то время наделяет их мыслями, переживаниями, воспоминаниями, биографиями. Но от этого они не становятся полноценными характерами в их живой человеческой неповторимости. Они выступают скорее марионетками, разыгрывающими свои роли в пьесе под названием «История по Солженицыну».

Тему этой пьесы мы уже знаем — ничтожество и если не случайность, то неорганичность, необязательность русской революции. Именно это и демонстрирует большинство переполняющих «узлы» «Красного колеса» исторических персонажей, их негодное, бездарное, недальновидное, порой просто балаганное поведение. Они большей частью просто недостойны истории. Нелепо, смехотворно все демократическое, освободительное движение — все эти солженицынские Гиммеры, Ленартовичи, Керенские. Почти лишены смысла, случайны, в любую минуту могут потечь по совсем другому руслу все основные события начавшейся революции. Отсюда постоянно возникающий в повествовании тон — высокомерно-иронический либо снисходительный, а то и язвительно-нетерпимый. Солженицын судит отечественную историю свысока; свысока он оценивает и незадачливых деятелей российских, и тех, кто взялся их сменять.

Само обилие возникающих на авансцене истории лиц, сама толчея персонажей, претендующих на роль в событиях, служат тому, чтобы передать бессмысленный хаос, который, по Солженицыну, принесен усилиями либералов и начавшейся революцией и сметает пусть не во всем совершенный, но веками стоявший порядок.

Остановимся на Воротынцеве. Это самый разработанный, самый развернутый из всех вымышленных, романных образов эпопеи. Можно сказать, это основной романный герой всех трех «узлов». Тем не менее фигура Воротынцева лишена той эмоционально-психологической достоверности, пластики, которые бывают не видны в фактуре образа, как не видна влага в почве. Но вот когда ее нет, это сразу видно. Сразу видна изобразительная бедность, сухость и в характере Воротынцева. Душевный, психологический мир его раскрыт, на мой взгляд, невыразительно и плоско. Собственно, это и не душевная жизнь вовсе, а лишь ответные рефлексы на сваливающиеся как с неба события — то в военной его жизни, то в личной, то в жизни государства. И по мере движения эпопеи переживания и поступки Воротынцева вызывают все меньше интереса.

Хуже всего с любовными сценами. Они малоестественны, часто попросту банальны, если не пошлы. Отчетливо ощущается фальшь, нарочитость, начиная с имени Ольды и кончая постельными разговорами. В последних не так уж много интимного, зато в избытке идеологического. Смешно сказать, но в постель Ольды Андозерской Воротынцев попадает едва ли не затем, чтобы выслушать там систему взглядов на монархию. А также затем, чтобы и мы, читатели, с этой системой тоже познакомились: это не просто взгляды самой Ольды Андозерской, это переложение идей русского неогегельянца Ивана Александровича Ильина.

Но главный парадокс образа Воротынцева — впрочем, лишь кажущийся — в следующем. Казалось бы, это человек действия, полный решимости стоять за отечество, трон, нацию, как заметил один из зарубежных русских критиков, это играющий мускулами рыцарь России. И вот в самый решающий для трона и отечества момент он оказывается в полном смысле не у дел. Воротынцев убыл с фронта в отпуск в столицу, где как раз назревают, а затем разражаются события, и именно в эти дни запутался в дамских юбках. Он разрывается между Ольдой и Алиной, между Алиной и Ольдой и в конце концов забывается от этого внутреннего разлада в постели пышнотелой Калисы Петровны. Так и прошли для Воротынцева роковые дни отечества. Проворонил их.

Скорее всего этот странный, не делающий чести Воротынцеву эпизод его биографии призван иллюстрировать все ту же главную мысль Солженицына — о том, что революция в России есть именно несчастный случай. Лучшие люди, лучшие силы страны просто проглядели решающий момент ее судьбы, и это тоже причина, почему могли произойти все эти исторические безобразия в виде отречения царя и прочего. (Одновременно это и укор самой категории личной жизни. Человек — хочет, видимо, сказать нам Солженицын — не должен быть поглощен ею. Как и для советских идеологов былых десятилетий, личная жизнь для Солженицына — категория второстепенная, подчиненная, лишь добавок, довесок к служению нации, отечеству.)

Словом, перипетии личной судьбы Воротынцева служат иллюстрацией заданных идей. В полной мере это относится ко всем без исключения персонажам эпопеи — и вымышленным, и срисованным с исторических лиц. Это и иссушает «узлы» «Красного колеса». Слабо опосредованная в явлениях человеческой жизни, панорама истории не становится у Солженицына повествованием в точном смысле художественным, оставаясь чем-то вроде исторической хроники.

Отдельная и не слишком утешительная тема — художественный язык, изобразительные средства Солженицына в «Красном колесе». Я остановлюсь всего на одной детали. Ужасают пословицы, которыми Солженицын прослаивает главы «узлов» эпопеи: не может не бросаться в глаза неестественность большинства из них. И дело не в том, сконструированы ли они самим автором или на самом деле бытовали когда-то и где-то. Дело в том, что в контексте живого русского литературного языка они звучат искусственно и архаично. И в этом отразилась та метаморфоза, которая вообще произошла с языком Солженицына.

Он входил в новейшую русскую литературу как обновитель ее языка. В его первых повестях с высокой естественностью соединялись речь и точка зрения автора с речью и точкой зрения героя.

В литературе вновь получил право голоса человек из толщи народа, из толщи самой жизни. Вся «деревенская проза» — и не она одна — двинулась по открытому Солженицыным пути.

Тем самым Солженицын еще и очищал русский язык от казенного слова — от бюрократических, пропагандистских, технократических напластований советских десятилетий. Он стремился идти и дальше по этому пути, попытался восстановить русский язык, каким он был до всех послеоктябрьских революционных искажений, в его норме, его подлинности. Но чем дальше, тем больше в этом стала ощущаться нарочитость, заданность. Реальный русский язык нашего века стал подменяться у Солженицына некой предположительной русской речью, реконструированной по Далю. Это русская речь, не какою она была или будет, а какой ей долженствует быть по представлениям Солженицына.

В последнее время его работа над русским языком, русским словом превратилась в прямые попытки гальванизировать отживший, архаический язык ушедших времен в таком субъективном понимании. Попытки эти можно было бы назвать даже комическими, если бы они не обозначали серьезную драму художника. Предлагаемый Солженицыным «Словарь русского языкового расширения» трудно не отнести в разряд курьезов, без которых, видимо, не может обойтись история любой национальной культуры. Все это не случайно, это связано с тем общим падением художественного потенциала, которым отмечен, на мой взгляд, писательский путь Солженицына.

Судьба — или Бог — вложили в Солженицына его мощный художественный дар, чтобы в его яростном, дышащем личной страстью слове на века запечатлеть протест человеческой природы против насилия, подавившего ее свободу в одной «отдельно взятой» стране. Это была огромная, бесконечно важная задача, миссия. Вряд ли Солженицын ее исчерпал даже «Архипелагом ГУЛАГ».

Мы справедливо говорим о духовном, внутреннем противостоянии советской тоталитарной действительности таких художников, как Булгаков, Ахматова, Мандельштам. Это было именно внутреннее сопротивление, внутренняя независимость художника. Творчество и личность Солженицына стали открытым противостоянием тоталитарному строю. Это была не просто художническая независимость, но художническое противоборство с ним. Страсть этого противоборства и питала художественную мощь прозы Солженицына. И способна была питать ее и дальше и дальше.

Но сам Солженицын рассудил иначе. От художнического противоборства с системой он повернул к попыткам выдвинуть и утвердить идеал, к попыткам преподать стране и людям учение о том, как им жить. (Задача всегда безнадежная. Люди сами, стихийно, самостоятельной ощупью находят, как им жить. Так было и будет всегда. Никто их не научит.)

В 1001-й раз повторилась хорошо известная ситуация: человек, художник, столь сильный и правый в своем отрицании, оказался слаб и неубедителен в утверждении, в своей положительной программе. Чудовищной действительности, которую он отвергал, отрицал, Солженицын противопоставил как выход, как программу не движение страны вперед по дороге со всем человечеством, а возвращение назад, к примеру и опыту прошлого — к мнимой гармонии дореволюционного бытия России, к возрождению "хорошего" авторитаризма взамен нынешнего «плохого».

Словом, он предложил России ретроутопию. И этой ретроутопии подчинил свое писательское слово, свое художество. Отсюда и его попытки гальванизировать архаический язык минувшего — и язык в собственном смысле, и изобразительный язык. Искусство немедленно отомстило Солженицыну, лишив его новую прозу той подлинности и выразительной силы, которые навсегда оставят «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ» в мировой литературе, не говоря об отечественной.

Вот почему на риторический вопрос заголовка этой статьи можно дать четкий и отнюдь не риторический ответ. Конечно, Солженицын как автор только что названных произведений — Солженицын лишь постольку, поскольку его не поглотила несчастная страсть проповедничества. К этому Солженицыну мы навсегда останемся полны восхищенного и благодарного уважения. Испытывать то же уважение к «другому» Солженицыну — идеологу, пророку — гораздо трудней. Это уж дело личных склонностей, личного выбора каждого.

Елена РЫКОВЦЕВА

ОДЕССА: ЯЗЫКОВЫЕ БАТАЛИИ

Когда страну затрясло и залихорадило, Одесса как бы надела марлевую повязку, дабы не подцепить микроб смуты, и продолжила размеренное созерцательное существование. Редкие всплески гражданской активности порождались крошечной группой активистов одесского отделения Руха. Это руховцы вышли на митинг памяти жертв вильнюсской бойни. Это руховский «патруль» пикетировал горсовет, чтобы заставить его сказать «нет» обновленному Союзу. Это руховцы собирались в альтернативную колонну на праздничных демонстрациях и несли над собой лозунг «Здание обкома партии — детской больнице».

Но вот что странно: население города, разделяя какие-то из лозунгов Руха, к колоннам под жовто-блакитными флагами примкнуть не спешило. Отпугивала истеричность. Ожесточенное «антимоскальство» (даже сегодня — сегодня! — они заявляют: «Будем хозяевами, а не холопами Москвы»). Настораживала спекулятивность привязок: если уж «нет» бесчинствам коммунистов в Вильнюсе, то, значит, долой коммуниста — мэра Одессы.

Впрочем, к лидерам одесского Руха мы, журналисты, относились с сочувствием и пониманием. По принципу поддержки того, кто слабее. Мы протестовали, когда их выгоняли из партии и с рабочих мест. Мы не столько размышляли о сверхзадаче нового движения, сколько радовались появлению на политической авансцене республики оппозиции украинской коммунистической твердыне. Тогда это казалось чудом.

...После 21 августа нынешнего года политическая жизнь продлевалась только тому, кто удачно перенес операцию-тест: осудил ли ты хунту сразу? Рух, Народная Рада украинского парламента открестились от ГКЧП мгновенно. Но и их противники в Верховном Совете в политические трупы превращаться не захотели. И поэтому 24 августа под знамена демократического меньшинства поспешно протиснулось коммунистическое большинство. Оскандалившиеся коммунисты, дабы реабилитироваться, проголосовали б в тот день и за присоединение Украины к Канаде. Но Народной Раде нужна была независимая Украина, и она ее получила. Получила «на халяву», за чужой счет, ценой победы российской революции. Но это была выстраданная идея, которую Рада отстаивала последовательно и честно.

Да вот беда: к моменту поспешного провозглашения независимости Рух (уж во всяком случае, в Одессе) по графе «массовость» оставался на дореволюционных, отнюдь не блестящих позициях. Одного этого провозглашения было слишком мало, чтоб переориентировать те массы людей, которые и полгода назад голосовали за надувательскую формулировку «обновленного Союза», а теперь и вовсе не хотели независимости от демократической России, на деле доказавшей свою состоятельность.

И вот это население с изумлением принялось наблюдать, как некогда гонимые сопредседатели одесского Руха (превосходные борцы с коммунизмом, но, пардон, отнюдь не самые яркие вузовские преподаватели или глубокие общественные мыслители) с первых страниц местных газет на правах хозяев принялись поздравлять, заявлять, гарантировать.

Одесса буквально «отпала», когда на Всеукраинском форуме интеллигенции один из сопредседателей заявил о преимущественном праве украинцев на Одессу в связи с их 600-летним проживанием в стоявшем на месте Одессы Кацюбее (хотя, как у нас замечают, если говорить о приоритете первопоселенцев, то Одессу пришлось бы передавать Греции).

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

А другой сопредседатель на Всеукраинском Народном Вече от имени одесситов потребовал отмены референдума 1 декабря. Нелепая ситуация: Верховный Совет Украины, не спросясь мнения избирателей, 24 августа провозглашает Акт о независимости, позволяет нам на республиканском референдуме 1 декабря согласиться либо не согласиться с этим Актом. Но вот многие руховцы считают, что поинтересоваться нашим мнением хотя бы и через три месяца — все равно слишком жирно. Акт о независимости, с их точки зрения,— это аксиома, которая доказательства в виде референдума вообще не требует.

Вот тогда город, почуяв опасность, зашевелился, зашагал наконец в ногу со временем, засобирался на свой форум, по замыслу — антифорум. Одесский форум интеллигенции в противовес киевскому. Участники форума собирались призвать украинский парламент до референдума принять Декларацию прав и свобод человека. Проект резолюции подчеркивал: независимость без подлинных политических и экономических свобод, без гарантий прав личности неизбежно приведет на Украине к закреплению тоталитарной системы.

Увы, за годы политической прострации Одесса не могла накачать бойцовских мускулов. Рух, натренировавшийся на борьбе с режимом,— опять-таки меньшинством! — быстренько задавил строптивых интеллигентов. Рух обозвал проект резолюции форума «провокацией против независимости Украины». Рух выдвинул контррезолюцию, где заявлял, что оскорбителен и грядущий референдум, «поскольку ставится вопрос народу, рвущему рабские цепи, согласен ли он остаться в позорящих его оковах».

Этот демарш совершенно выбил из колеи неопытных интеллигентов. Они и думать забыли о своей замечательной резолюции, где требовали «гарантий прав и свобод». Они — голосованием — всего лишь попросили украинский парламент «выполнить обещание провести 1 декабря референдум»...

Позже, на сессии горсовета, точно так же канет в небытие проект решения о языках, подготовленный комиссией по культуре. Проект, предусматривающий на территории области равноправие двух языков — русского и украинского. А на ступеньках мэрии лидер общества украинского языка пригрозил: если горсовет примет такое решение, «консервирующее существующую языковую ситуацию», Рух перейдет к способам борьбы как дозволенным, так и недозволенным. «Поезд пошел,— говорил этот же человек на антифоруме,— и у вас остается выбор: либо лечь на рельсы, либо сесть в купейный вагон. Нас уже не единицы — миллионы».

И вновь победило боевитое, ощетинившееся меньшинство. Проект даже не обсуждали, а город потерял возможность высказаться 1 декабря по самому острому — языковому вопросу.

Почему любая дискуссия упирается нынче именно в язык? Почему не ломают копий, скажем, вокруг экономической концепции будущей страны? Не потому ли, что в отличие от стран Прибалтики, наперед просчитавших свою независимость, на Украине, где Акт свалился как снег на голову, всерьез подобными разработками не занимались? Символ этой несостоятельности — «решительный» займ валюты у предприятий на закупку зерна правительством. А еще — резко ухудшившееся за последние два месяца состояние хозяйства.

«Что это за свобода,— говорит руководитель крупной одесской туристической фирмы,— если с какого-то определенного момента я не получу транспорта, горючего, энергоносителей? За счет чего мы будем получать валюту? За счет пшеницы, которую сами станем покупать за границей? Нынешняя политика ведет не к независимости, а, напротив, к полнейшей зависимости теперь от республиканских структур, которые уже обязуются взамен опальных центральных».

«Я в ужасе от сегодняшних дел,— это слова генерального директора кожевенного объединения.— На Украине вырабатывается очень малое количество химических материалов. Сегодня я говорил с Киевом, и вести неутешительные: многие предприятия отрасли остановлены из-за отсутствия именно этих материалов. Ситуация ужасная: мы, например, не получаем хромовый дубитель из Актюбинска. Почему? Го отвечают: Украина не поставляет нам соду, с какой стати будем отправлять дубитель?»

Но эти проблемы пока — «руководящего» уровня, для большинства рядовых граждан они не стали еще неприятной очевидностью. А вот язык — это обожгло сразу и каждого при вести о рождении новой страны.

Суть сегодняшних языковых баталий сводится, в общем, к тому, что Рух ратует за возрождение украинской мовы в Одессе, а его оппоненты считают, что возрождать-то и нечего — Одесса никогда толком не говорила по-украински. «Есть референдум одесских кладбищ,— напомнил один из вузовских преподавателей,— где надгробные таблички «говорят» главным образом по-русски, по-польски, по-еврейски». Есть элементарная практика общения на русском. Есть множество заявлений в районо от родителей с просьбой освободить чадо от изучения украинского (когда это еще разрешалось), что, конечно, грешно и неправильно, но достаточно характерно.

Сторонники Руха уверяют, что город был насильно русифицирован коммунистическим режимом. Они приводят в пример «всего» две украинско-английские школы. Но почему-то не задаются вопросом: а почему школы-то именно английские? Да просто городские власти, силясь хоть как-то приобщить одесских детей к украинскому, вывешивали над такими школами дефицитную вывеску-приманку. Кстати. Есть и третья украинская школа. Сверхпрестижная музыкальная школа имени Столярского...

Журналисты областной газеты «Комсомольская искра» годами боролись за то, чтоб ЦК разрешил издавать ее на русском, ибо впрямую связывали катастрофическое падение тиража с непопулярным языком газеты. Но им ЗАПРЕЩАЛИ это сделать, запрещали те самые «коммуняки-русификаторы» из Киева, пытаясь хоть силой, хоть искусственно сохранять украинские островки в русскоязычном городе. Пусть в итоге газета умерла, но умерла украиноязычной.

Одиннадцать лет назад, будучи сту-

денткой филфака Одесского университета, я со свистом слетела со стараст — отказалась изымать из стипендий своей группы по рубль шестьдесят на традиционные абонементы в украинский театр. Весь город содержал тогда этот театр по партийной «вказивке». Зал пустовал, но билеты (абонементы) были проданы, распределены, навязаны вузам, школам, предприятиям. Стоит ли добавлять, что русские театры о таком коллективном спонсорстве могли только мечтать!

Закон о языках, который принимало правительство Щербицкого, Украину, как Молдову, не расколол. Хватило ума этот закон населению не навязывать. Но с декабря, если референдум завершится победой руховской демократии, за национальное возрождение в этой отдельно взятой стране могут взяться куда круче. Не назовут ли российское (союзное) телевидение телевидением иностранной державы? Ведь российскую программу в более или менее полном объеме мы получили возможность смотреть лишь после провала путча. Единоличным распорядителем экрана может запросто стать нынешняя программа УТ — беспомощная, однообразная, наводненная «чубами» и «шароварами», по выражению лидера Народной Рады И. Юхновского. Программа, не подпускающая к передачам русскоязычных ведущих и оттого, возможно, застывшая на уровне каменного века, ведь однобокой языковой политикой УТ отрезало от себя целый пласт способных, творческих людей (по подсчетам социологов, четыре пятых республиканской интеллигенции говорит по-русски)...

Доходит до абсурда: даже если в студию приглашен русскоязычный гость, ведущий все равно — принципиально? — задает ему вопросы по-украински. Ведущая киевской кинопанорамы, приехав в Одессу, именно так, «двуязычно», общалась с экрана с кинодеятелями, пока не «напоролась» на режиссера Игоря Апасяна. На вопрос, заданный по-украински, он не моргнув глазом заотвечал по-армянски! Точно так же не моргнув глазом сообразительная ведущая мгновенно перешла на «язык межнационального общения».

Впрочем, тотальная украинизация средств массовой информации — это из области мрачных прогнозов. Есть вещи куда более конкретные. Одесские вузы уже получили распоряжение из Киева перейти с будущего года на украинский язык. Если всерьез отнестись к этому приказу, то нужно поголовно увольнять одесских преподавателей за профнепригодность. «Даже украинское отделение филфака мы не можем укомплектовать украиноязычными специалистами,— говорит преподаватель университета,— и потому лекции по немецкой, французской литературе они слушают вместе с русским отделением».

Но даже если одесские преподаватели сегодня кинутся на курсы и срочно заговорят украинской мовой, то, Боже мой, что это будет за язык? Если уж парламентарии путаются в окончаниях, если ошибаются ведущие вечерней сказки для малышей, если примитивно калькирует украинский сопредседатель одесского Руха, то что говорить о людях, которые и вовсе не использовали его в повседневной разговорной практике?

Не нужно путать жителей Украины с жителями Литвы, подавляющее большинство которых сохранило литовский язык как ПЕРВЫЙ. На юге Украины досрочное возрождение мовы будет означать всего лишь появление некоего суррогата, суржика.

«Есть родной язык, и есть язык национальности. В Одессе родной язык русский для 73 процентов ее населения — украинцев, евреев, болгар. Русский — родной язык для 64,7 процента населения всей Украины»,— говорят социологи Одесского университета. И речь, видимо, должна идти о том, чтобы, последовательно — нежно! — возрождая прекрасный украинский язык, дать возможность населению, вскормленному на русском, получать образование, смотреть ТВ-программы, читать книги и газеты на родном языке.

«Да, нельзя говорить о правах человека, пока нация на коленях,— сказал один из одесских врачей.— Но когда нация подымается с колен, мы должны знать: а зачем она подымается? Для того, чтоб свободней дышать или чтоб прежде всего указать другим на их место?» Да ведь оттого и испуг, оттого и подъем политической температуры у исконно апатичного города, что не знаем, не уверены — ЗАЧЕМ? Оттого что опасаемся из тоталитарной коммунистической республики переехать с 1 декабря в независимую тоталитарную страну.

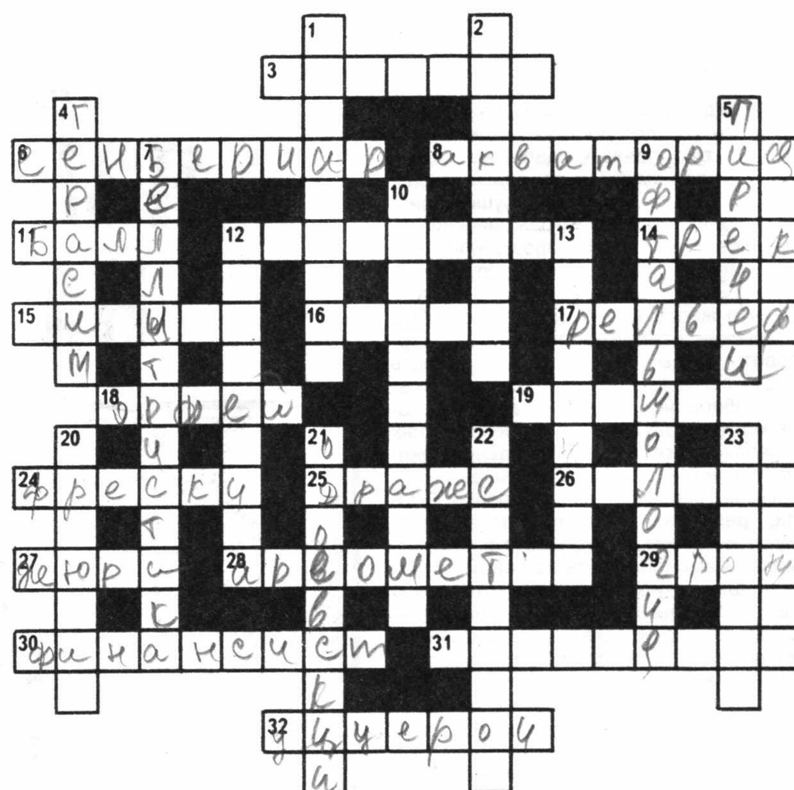
Чего же проще? — скажете вы. На то и референдум, чтоб одни высказались за идею нового Союза, а другие — за самостоятельную Украину. Как бы не так. Украинский парламент, готовясь к 1 декабря, по хитрости перещеголял Москву, которую сам же и обвинял в лукавой постановке вопроса референдума 17 марта. Он, украинский парламент, вообще не потащил в бюллетени упоминание о гипотетическом союзном договоре. Там, в наших бюллетенях, будет лишь «да» или «нет» Акту о независимости.

Психологический расчет абсолютно точен. Видите ли, это нужно быть ненормальным, чтоб на вопрос «Хочешь ли ты быть независимым?» ответить «нет». Рядовой гражданин, не искушенный в политических хитростях, разумеется, подтвердит привлекательный Акт о независимости. Тем более что гражданин вот уже год, как живет в суверенном Украинском государстве, и даже выходной с этого имел — 16 июля (именно 16 июля прошлого года была принята Декларация о суверенитете Украины). Так почему ж не проголосовать за то, чтоб это государство называлось не только суверенным, но и независимым? Кашу маслом не испортишь.

Разумеется, парламентарии понимали, что если этому же гражданину подбросить вредную идейку в виде вопроса на референдуме «Нужно ли Украине вместе с другими республиками создать содружество равноправных государств?», он по простоте душевной опять-таки может ответить «да»! Потому что ему (многим из нас!) сильно не хочется отделяться именно сейчас, именно от сегодняшней демократической России, от последовательного Ельцина, от телевидения и газет, которые мы по привычке называем «центральными». «Хотите назад, в империю!» — стыдят таких вот несознательных граждан кандидаты в президенты, совершенно не вспоминая о том, что в августе от «империи» нас спас не Киев, а именно Москва. «Надо считаться и с тем,— говорит доцент одесского вуза, и я, как газетчик, подтверждаю его слова,— что одесситы всегда апеллировали в Москву — не в Киев. Знали, что в Киев жаловаться безнадежно».

Но, боюсь, украинский парламент не подставится, не внесет в бюллетени упоминания о гипотетическом ССГ. И будет по-своему прав: СССР уже нет, а ССГ пока не существует... Потому-то и хочется, чтоб до того решающего момента, когда украинский парламент примет формулу референдума, мы както почетче представили планы руководителей нынешней страны. Чтоб та часть населения нашей республики, которая сильно боится остаться один на один с независимым, но совершенно неопределенным ни в плане политической ориентации, ни в смысле экономического устройства государством, чтоб эта часть населения не митинговала «против независимости», что и звучит-то абсурдно, а имела возможность конкретно проголосовать на референдуме за вхождение в состав предполагаемого содружества.

Одесса

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Советский живописец, театральный художник, график. 6. Порода караульных и декоративных собак. 8. Участок водной поверхности в определенных границах. 11. Цифровая оценка успеваемости и поведения учащегося. 12. Древнегреческий врач. 14. Спортивное сооружение. 15. Приток Северной Двины. 16. Город в Великобритании. 17. Совокупность различных неровностей на земной поверхности. 18. Симфоническая поэма Ф. Листа. 19. Вспомогательное предложение, употребляемое при доказательстве одной или нескольких теорем. 24. Живопись по сырой штукатурке водяными красками. 25. Мелкие конфеты округлой формы. 26. Промысловая рыба отряда камбалообразных. 27. Группа специалистов, присуждающая премии и награды на выставках, конкурсах, состязаниях. 28. Прибор для измерения скорости ветра. 29. Явление в атмосфере. 30. Роман Т. Драйзера. 31. Русский естествоиспытатель-дарвинист, ботаник-физиолог. 32. Римский политический деятель, оратор и писатель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Город в Молдове. 2. Итальянский композитор и виолончелист. 4. Персонаж повести И. С. Тургенева «Муму». 5. Горная система в Европе. 7. Художественная проза. 9. Раздел медицины, изучающий строение, функцию и болезни глаза. 10. Самый низкий по регистру деревянный духовой музыкальный инструмент. 12. Государство в Центральной Америке. 13. Лечебная ходьба на курортах. 20. Летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза. 21. Русский поэт, декабрист. 22. Действующее лицо в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 23. Приток Ангары.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Прокофьев. 5. Клеопатра. 7. Ангара. 9. «Парус». 11. Импорт. 14. Скетч. 15. Гравюра. 16. Отсек. 17. Беллинсгаузен. 18. Лиана. 19. Суббота. 21. Липси. 24. Языков. 25. Алтын. 26. Рулада. 27. Облонский. 30. Спидометр.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Приклад. 2. Комо. 3. Фуга. 4. Ванадий. 6. Перов. 7. Австралия. 8. Актюбинск. 9. Партитура. 10. Серпантин. 12. Потенциал. 13. Тектоника. 20. Батон. 22. Автобус. 23. Грейдер. 28. Обод. 29. Сейм.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МММ» ПРЕДЛАГАЕТ:

КОМПЬЮТЕРЫ, СОВМЕСТИМЫЕ с IBM PC/AT, XT С ЛЮБОЙ ПЕРИФЕРИЕЙ И ОРГТЕХНИКУ. А ТАКЖЕ ШИРОКИЙ ВЫБОР ДИГИТАЙЗЕРОВ, ПИШУЩИХ МАШИНОК, ЭЛЕКТРОННЫХ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК, КАЛЬКУЛЯТОРОВ И Т. Д.

БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ.

ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ СКИДКА.

ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ? МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

КОМПЬЮТЕРЫ

IBM PC/AT-286 — 44 000 руб.
IBM PC/AT-386
(Винчестер 120 МБ.
ОЗУ 4МБ. 25 МГц) — 107 000 руб.

ПЛОТТЕРЫ

(графопостроители)
Формат A3 — 31 500—33 000 руб.
Формат A1 — 107 000 руб.

ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ

Формат A4
«LASERJET II P» — 51 000 руб.
«LASERJET III» — 85 000 руб.

КСЕРОКСЫ

Формат A4
«SHARP Z-50» — 28 000 руб.
«CANON FC-2» — 30 500 руб.
Формат A3
«RICOH M 100» — 62 000 руб.
«CANON 1215» — 80 000 руб.

ТЕЛЕФАКСЫ

«MURATE-M5»
и «FI» — по 21 500 руб.

АВТООТВЕТЧИКИ

«PANASONIC» — 7750—8000 руб.

ТЕЛЕФОНЫ

«PANASONIC» — 3400 руб.

Адрес: 109518, Москва,
ул. Газгольдерная, 10
(проезд: метро «Текстильщики»,
автобусы 29, 725
до остановки
«Вычислительный центр»).
Телефоны в Москве: 171-03-97,
173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.

У «МММ» НЕТ ПРОБЛЕМ!

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ тел. 450-67-88, 412-95-06.

1 руб. Индекс 70663